

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

2/2024

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domaščenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол № 6 от 31.05.2024 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 2/2024

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Богданова-Бегларян Н.В.* Специфика устных спонтанных текстов как учебного материала в иностранной аудитории 3
- Домашенко А.В.* О метацикле как одном из ключевых понятий исторической поэтики 10
- Балюнис Е.В., Ширина Е.В.* Визуальная репрезентация маскулинности и фемининности в блогах Морены Морана 24
- Безус С.Н., Варфоломеева Н.С.* Испанские колыбельные песни как этнолингвокультурный феномен 33
- Дабежа В.В.* Редкие антропонимы в инскриптах книг из собрания музея «Древнерусская книжница» 42
- Евсеева М.Г.* О природе комического в современном донбасском тексте 51
- Иконникова О.Н., Калинин С.С.* Специфика зооморфного образа волка как мифологической и культурной константы (на примере салишской и ряда палеоазиатских мифологических традиций) 61
- Кузнецова Е.А.* Тезоимённость в топонимии Владимирской области 75
- Щипанова Ю.В.* Семантико-функциональные особенности массмедийного политического жаргона (на материале современных российских ток-шоу) 84
- Бартенева В.Г.* Языковая и интертекстуальная интерпретация поэтонимов романа Дж. Джойса «Улисс» 92
- Борозенец Д.И., Алтухова А.А.* Сравнение деривационного потенциала словообразовательных гнёзд с синонимичными вершинами как элементов семантического поля когнициии (на примере словообразовательных гнёзд *учить* и *преподавать*) 101
- Калмыкова Д.А.* К вопросу об изучении глоттонического дискурса 111

Психология

- Яновская Л.В.* Законы диалектики и развитие личности 121
- Дианова Е.А.* Личностные особенности выпускников кафедры общей и социальной психологии направления подготовки «Психология» и «Организация работы с молодежью» 131

Рецензии

- Гордиенко Е.В., Слышкин Г.Г.* Медийные манипуляции и формирование идеологем (рецензия на монографию О.А. Кузиной «Аксиология языковой репрезентации образа Украины: англоязычные средства массовой информации») 141
- Правила для авторов 146

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 2/2024

CONTENTS

Philology

- Bogdanova-Beglarian N.V.* Specificity of oral spontaneous texts as educational material for foreign audiences 3
- Domashchenko A.V.* On metacycle as one of key concepts of historical poetics 10
- Balyunis E.V., Shirina E.V.* Masculinity and femininity visual representation in blogs of Morena Morana 24
- Bezus S.N., Varfolomeeva N.S.* Spanish children's lullabies as ethnic, linguistic and cultural phenomenon 33
- Dabezha V.V.* Rare anthroponyms in inscriptions of books from collection of museum "Drevnerusskaya knizhnitsa" 42
- Evseeva M.G.* On nature of the comic in modern Donbass text 51
- Ikonnikova O.N., Kalinin S.S.* Specificity of zoomorphic image of wolf as mythological and cultural constant (on the basis of Salish and some Paleo-Siberian mythologic traditions) 61
- Kuznetsova E.A.* Namesake in toponymy of Vladimir region 75
- Shchipanova Yu.V.* Semantic and functional features of mass media political jargon (based on material of modern Russian talk shows) 84
- Bartienieva V.G.* Language and intertextual interpretation of poetonyms of novel «Ulysses» by J. Joyce 92
- Borozenets D.I., Altukhova A.A.* Derivational potential of word-formation nests with synonymous components as elements of semantic field of cognition (on the example of word-formation nests *учить* 'teach' and *преподавать* 'teach') 101
- Kalmykova D.A.* To question of studying glutton discourse 111

Psychology

- Yanovskaya L.V.* Laws of dialectics and personal development 121
- Dianova E.A.* Personal characteristics of graduates in field of study «Psychology» and «Organization of work with youth» at Department of General and Social Psychology 131

Reviews

- Gordienko E.V., Slyshkin G.G.* Media manipulation and formation of ideologemes (Review of the monograph by O.A. Kuzina 'Axiology of Linguistic Representation of Ukraine in English Mass Media') 141
- Guidelines for authors 146

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81-25

DOI: 10.5281/zenodo.11399697

СПЕЦИФИКА УСТНЫХ СПОНТАННЫХ ТЕКСТОВ КАК УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ¹

© 2024 *Н.В. Богданова-Бегларян*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-7652-0358.

Объектом внимания в статье являются те особенности русской устной спонтанной речи и устного повседневного дискурса, которые зачастую приводят иноязычного учащегося к своеобразному когнитивному диссонансу, когда он, хорошо владея литературным русским языком, усвоенном в аудитории, не способен адекватно воспринять и правильно понять обращенную к нему устную речь. В статье дается краткий обзор этого специфичного материала (*влезает ребята в просрочку, тусуются по гуглу, вылилось в такой гадюшник, красавица с накладными мозгами, если горизонт / ну как бы / в общем так это сжимается, жалко что ли?* и под.), извлеченного из речевых корпусов, и ставится задача подготовки нового поколения преподавателей РКИ, способных работать с таким материалом в учебной аудитории.

Ключевые слова: повседневная речь, устный дискурс, лексические и фразеологические окказионализмы, прагматические маркеры, конструкции-коллокации, русский язык как иностранный, редуцированная форма слова.

Для цитирования: Богданова-Бегларян Н.В. Специфика устных спонтанных текстов как учебного материала в иностранной аудитории / Н.В. Богданова-Бегларян // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 3–9. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11399697>.

Введение. О необходимости и целесообразности введения в лингводидактический обиход материалов устной повседневной речи – как учебных материалов нового типа – говорят уже давно, ср.: «Инновационные методы современной лингвистики проникают в наши дни во все ее сферы, исследовательские и прикладные в равной мере. Не стало исключением и преподавание русского языка, как в русской, так и в иностранной аудитории. Прежде всего это касается того материала, на котором ведется преподавание. Здесь, так же как и в научных исследованиях, внимание закономерно перемещается с языка как относительно стабильной системы, надежно зафиксированной в словарях и грамматиках и потому удобной для анализа и преподавания, – на речь, отличающуюся подвижностью и нестабильностью, что делает ее, наоборот, весьма неудобной для лингвистического наблюдения и практически выводит за рамки лингводидактики. Представляется, тем не менее, что живая речь, реальные звучащие

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

тексты не должны оставаться в стороне от изучающих русский язык, должны стать обязательной частью учебных материалов – своего рода учебными материалами нового типа» [7, с. 206]². Введение такого живого материала в практику преподавания русского языка как иностранного (РКИ) действительно необходимо, если иметь в виду, что мы готовим иноязычных учащихся не только к тому, чтобы читать, писать и говорить на хорошем (литературном, образцовом) русском языке, но и для того, чтобы они могли понимать обращенную к ним речь носителей языка, т. е. полноценно общаться в русскоязычной среде и не «захлебнуться» в нашей далеко не столь образцовой речевой стихии. И преподавателям РКИ, и самим инофонам хорошо знакомо потрясение, которым сопровождается обычно переход от русского «аудиторного» (действительно, как правило, литературного и образцового) к русскому «уличному», вплоть до искреннего недоумения иностранца: *на каком языке они все говорят!?*..

Так что необходимость введения в лингводидактический обиход материалов устной спонтанной речи³ сомнению не подвергается. Важно, однако, поговорить о специфике такой речи, которая становится своеобразным камнем преткновения не только для учащихся, но и для самих преподавателей, прекрасно владеющих такой речью, но не всегда умеющих сделать ее учебным материалом, зачастую не знающих даже, где взять такой материал и как с ним обращаться. Об этом – настоящая статья.

Основная часть

1. Звуковые корпуса на службе преподавателя РКИ

Источником учебных материалов живой речи должны стать, конечно, не личные наблюдения преподавателя и не случайные примеры из окружающей речи, в которую невольно погружается приехавший в Россию иностранец, но, в первую очередь, речевые корпуса и звуковые хрестоматии, которых сегодня существует довольно много, как в звуковом виде, так и в расшифровках (транскриптах) (см., например, большой обзор таких корпусов и хрестоматий в предисловии к работе [2]). Представлю здесь только два корпуса, созданных в СПбГУ, к формированию которых я имею самое непосредственное отношение.

Корпус русской монологической речи, известный как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см. о нем подробнее: [3, 5]), содержит спонтанные монологи информантов разных профессий (медиков, юристов, «компьютерщиков», филологов и др.), которым были предложены 4 коммуникативных задания: чтение и пересказ сюжетного и несюжетного текстов, описание сюжетного и несюжетного изображений и свободный рассказ на заданную тему. В корпусе есть записи как носителей русского языка, так и иностранцев (китайцев, нидерландцев, французов, американцев, итальянцев). Всего на сегодняшний день в корпусе САТ около 800 текстов в расшифровках и около 50 часов звучания.

Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [8] содержит максимально естественную речь носителей языка, записанную по методике 24-часового мониторинга. В настоящее время корпус содержит около 1450 часов

² См. также многочисленные исследования на эту тему, представленные в другом томе той же коллективной монографии петербургских лингвистов: [6].

³ Сегодня можно говорить, впрочем, еще и о *разговорной письменной речи* Интернета, представленной отнюдь не единичными примерами и практически не ограниченной никакими жанрами. Описание такой речи активно ведется лингвистами разных направлений, и она также должна стать частью учебных материалов в иностранной аудитории. Но это уже отдельная тема для отдельного разговора.

звучания, записанных от 128 информантов, мужчин и женщин, в возрасте от 17 до 83 лет, и более 1000 их коммуникантов, более миллиона словоформ в расшифровках (см. об ОРД подробнее: [4, 5, 10]).

Приведем некоторые образцы корпусных материалов, которые хорошо иллюстрируют специфику нашей повседневной речи, как монологической (САТ), так и диалогической (ОРД).

- 1) *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / тут сложнее гораздо / @ да // @ потому что / значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / н... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется* (ОРД)⁴;
- 2) *ну вот // ну значит / приметы // приметы / это дым / когда он стелется когда он это поднимается и когда это самое / ну вот потом значит примета / э-э значит э-э роса / если роса затяжная / то к ненастью // и значит примета / м-м это самое горизонт // если горизонт / ну как бы / в общем так это сжимается / то к хорошей погоде // а если / значит / примета / э-э связанная с рыбой / то значит если рыба затихает / то это к ненастью // так вот* (САТ);
- 3) *угу // это я на колонке угостил (э-э) немца // *П салом // *П выпьет водки // он долго не хотел / а потом как подсел на это сало / короче // *С и давай один бутерброд за другим наворачивать // просто за друг... (...) перед другими людьми уже неудобно было // *В так поёрло его *В* (ОРД);
- 4) *они на... они на конец месяца / влезают ребята в просрочку* (ОРД);
- 5) *а в выходные тусуются / по гуглу* (ОРД).

В приведенных контекстах выделены все те единицы, которые требуют обязательного комментария в иностранной аудитории. И единицы эти – разного типа, среди них есть и высокочастотные, и практически окказиональные. Представление о том, что это за единицы и в чем их специфика, имеет далеко не каждый преподаватель РКИ, тогда как только с его помощью и может разобраться в этой специфике иностранный учащийся.

2. Специфика русской устной повседневной речи

Самое простое, что можно сделать со всеми этими особенностями нашей устной речи (УР) и что обычно и делают преподаватели РКИ, это просто «очистить» от них текст, объявив это *словесным мусором*, не достойным внимания (1)-(2), или сленгом (3)-(5), также лежащим за рамками литературного языка, на овладение которым и нацелена по преимуществу методика преподавания РКИ. Этот выход – самый простой и самый распространенный, но не самый правильный, потому что проблемы *когнитивного диссонанса*, порождаемого столкновением иностранных учащихся с русской речевой стихией, никак не решает. Попробуем систематизировать основные особенности русского устного дискурса, требующие специального внимания преподавателей РКИ.

На *синтаксическом уровне* УР отличает *неструктурированность* и *плохая членимость* на отдельные единицы, соотносимые с традиционным предложением, что серьезно затрудняет синтаксический анализ материала, ср.:

- б) *ой / <смех> я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец / как они kota накормили это самое / он начал это самое / э-э ну это как его // э-э ну з... ж... / ну жареной свиной / значит / э окунями / и он начал кататься валять по*

⁴ Об особенностях орфографического представления материала корпуса ОРД см.: [10, с. 242–243].

полу / кататься и-и валяться пО полу // ну вот ну он значит был э грязный рыжий как они его в общем это самое нашли / подобрали / так вроде бы (САТ).

Уже в примере (6) видны и лексические особенности УР: обрывы (*ну з... ж...*), повторы слов и целых фрагментов текста, иногда с их коррекцией (*я чего-то / я чего-то / я чего-то; кататься валять пО полу / кататься и-и валяться пО полу*), вокализации (*э-э*), похожие на них затяжки гласных (*и-и*), а также обилие единиц, которые в коллоквиалистике относят к *прагматическим маркерам* (ПМ) (*это самое, ну это как его, значит, ну вот, в общем*). ПМ представляют, пожалуй, наиболее «опасный» пласт речевого лексикона: внешне они ничем не отличаются от знакомых любому иностранцу слов, омонимичны им, но почти полностью лишены лексического, а порой и грамматического значения, лишены связей с другими словами в тексте и выполняют в нем лишь ту или иную функцию (см. подробнее: [9]). Наиболее распространена *хезитационная функция* ПМ: они маркируют затруднения говорящего, вынужденного в условиях спонтанного речепорождения говорить и думать одновременно, – в выборе нужного слова или просто продолжения речи, как в примере (6). Помимо вербальных хезитативов, выделяют еще 9 разновидностей ПМ: рефлексивы (*так скажем, или как сказать?*), аппроксиматоры (*как бы, типа, вроде бы*), ксенопоказатели (*грит, типа того*), разграничители (*значит, ну вот*), маркеры самокоррекции (*это, это самое*), метакоммуникативы (*знаешь, слушай, я не знаю*), заместители (*и все дела, пятое-десятое*), дейктические (*вот (...) вот*) и ритмообразующие (*там, ну, вот, короче*) маркеры (см. о типологии ПМ: [1]). Практически все ПМ не только омонимичны значимым единицам языка, но еще и полифункциональны, т. е. выполняют в тексте порой сразу несколько функций. Эта их особенность почти исключает, например, их автоматическую разметку в речевых корпусах, допуская только ручную обработку подобного материала. Соответственно, это затрудняет не только *лексический*, но и *грамматический анализ* материала УР: прагматические маркеры невозможно рассматривать как ту или иную часть речи, они сохраняют только некоторую «память» о своем исходном частеречном значении и иногда редуцированную грамматическую парадигму (*это самое, эти самые, к этому самому; как его (её, их)* и под.).

Даже описанная в литературе статистика частей речи оказывается в результате во многом условной: ПМ возникают чаще всего в процессе *прагматикализации* обычных частей речи: глаголов (*знаешь, представь, не знаю*), местоимений (*это самое, как его, всё такое*), наречий (*там, так и так, туда-сюда*), частиц (*ну, вот*), реже – существительных (*в смысле*).

На *фонетическом уровне* УР богата редуцированными формами высокочастотных слов и словосочетаний (*щас, тыща, здрасьте, пийсят, сопсно гря* и под.), которые порой оказываются более частотными и более привычными языку и уху русскоязычного носителя, чем соответствующие полные. Как и в случае с ПМ, просто игнорировать эти формы при знакомстве иностранцев с нашей УР абсолютно невозможно: нужно научить их правильно воспринимать такие единицы, а порой и произносить, что поможет снять многие фонетические трудности РКИ (см.: [11]).

На *дискурсивном уровне* анализа материала УР преподаватель РКИ непременно столкнется с обилием единиц, которые можно отнести к разряду «нетривиального»: лексические и фразеологические окказионализмы, прецедентные тексты, многочисленные конструкции-коллокации и т. п., ср.:

7) *в общем в итоге это в такой / вы... вы... вы... вы... вылилось в такой гадюшник что / ну его / *П не хочу* (ОРД);

- 8) *где бы я ни находилась что бы я ни делала из этого исчерпываю для себя // что-то такое [хорошее] то есть (...) какой-то позитив (...) то есть негативы в принципе у нас их и так по жизни много (...) ну чтобы ещё этим голову захламлять этими негативами // не надо / <кашель> я как-то-о как всегда / то есть отсеивается это всё // нам остаётся вот [...] из каждого негатива можно отчерпнуть позитив (САТ);*
- 9) *ты хочешь кофе ? *П их есть у меня ! (ОРД);*
- 10) *причем разговаривает в каком-то таком стиле // *П красавица с накладными мозгами (ОРД);*
- 11) *мультик какой-то не наш // *П совершенно изумительный ! # *Н # времени // фэнтэзийный мультик / *П совершенно глючный (ОРД);*
- 12) *где ? в кафе что ли ? / чего / мне жалко что ли ? (= 'не жалко') / серьёзно что ли ? / знаешь что... и т. п.*

Приведенные примеры, где все, требующее комментариев, снова выделено, – это лишь ничтожно малая часть того безграничного своеобразия – фонетического, лексического, идиоматического, грамматического, дискурсивного, – которое открывают исследователю речевые корпуса и с которым неизбежно сталкивается любой иноязычный учащийся.

Выводы. Лингвистическое богатство устной речи, ее специфика на всех уровнях – это, несомненно, та благодатная почва, на которой рождается все новое в языке, которая и создает предпосылки для языковой эволюции. Осознание этого богатства и этой специфики не только стимулирует развитие современной лингвистики, но и ставит новые задачи перед лингводидактикой. Новый материал требует нового словаря и новой грамматики, а главное – выявляет потребность в новом преподавателе РКИ, способном анализировать устные тексты и видеть в них не только отклонения от кодифицированной нормы, но и ростки нового, и работу самого механизма речепорождения, что можно смело отнести к языковым универсалиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Нестор-История, 2021. – С. 5–52.
2. Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Зайдес К.Д., Шерстинова Т.Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. – М., 2019а. – С. 111–126.
3. Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. – М., 2019б. – С. 101–110.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
5. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 396 с.
6. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых

лексикографических проектов / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.

7. ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Нестор-История, 2021. – 520 с.

8. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Бродт И.С., Богданова-Бегларян Н.В. Русская спонтанная речь. Хрестоматия. Спонтанные монологи разных типов. Тексты. Лексические материалы / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Лайка, 2021. – 376 с.

10. ОРД – Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ord.spbu.ru> (дата обращения: 28.04.2024).

11. Стойка Д.А. Словарь редуцированных форм русской речи / Науч. ред. Н.В. Богданова-Бегларян, техн. ред. Т.Ю. Шерстинова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – 112 с.

REFERENCES

1. Bogdanova-Beglarian, N.V. (2021) Predislovie redaktora [Editor's Foreword]. In: Bogdanova-Beglarian, N.V. (comp., ed.) Pragmaticheskiye markery russkoy povsednevnoy rechi: slovar'-monografiya [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-Monograph (pp. 5-52). St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)

2. Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Zaides, K.D., Sherstinova, T.Yu. (2019a) Korpus «Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka» (SAT): izucheniye spetsifiki russkoy monologicheskoy rechi [Corpus "Balanced Annotated Text Library" (SAT): Studying the Specifics of Russian Monologue Speech]. In: Ch. ed. A.M. Moldovan. Rep. ed. release V.A. Plungyan. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language. Vol. 21. National Corpus of the Russian Language: Research and Development] (pp. 111-126). Moscow (In Russian)

3. Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya., Sherstinova, T.Yu. (2019b) Korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshcheniya «Odin rechevoy den'»: tekushcheye sostoyaniye i perspektivy [Corpus of the Russian Language of Everyday Communication "One Speech Day": Current State and Prospects]. In: Ch. ed. A.M. Moldovan. Rep. ed. release V.A. Plungyan. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language. Vol. 21. National Corpus of the Russian Language: Research and Development] (pp. 101-110). Moscow (In Russian)

4. Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi: kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chteniye. Pereskaz. Opisaniye (2013) [Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. N.V. Bogdanova-Beglarian (532 p.). St. Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg State University Press Publ. (In Russian)

5. Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi: kollektivnaya monografiya. Chast' 2. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza. Tom 1. O nekotorykh osobennostyakh ustnoy spontannoy rechi raznogo tipa. Zvukovoy korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoy auditorii (2014) [Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Volume 1. About Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Material for Teaching the Russian Language to Foreign Audiences]. Ed. N.V. Bogdanova-Beglarian (396 p.). St. Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg State University Press Publ. (In Russian)

6. Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi: kollektivnaya monografiya. Chast' 2. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoy korpus kak material dlya novykh leksikograficheskikh proyektov (2015) [Speech Speech Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Volume 2. Speech Corpus as a Material for New Lexicographic Projects]. Ed. N.V. Bogdanova-Beglarian (364 p.). St. Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg State University Press Publ. (In Russian)

7. Pragmaticheskiye markery russkoy povsednevnoy rechi: Slovar'-monografiya (2021) [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-Monograph]. Comp. and resp. ed. by Bogdanova-Beglarian, N.V. (520 p.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)

8. Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsialnykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya (2016) [Russian Language of Everyday Communication: Features of

Functioning in Different Social Groups: collective monograph]. Resp. ed. by Bogdanova-Beglarian, N.V. (244 p.) St. Petersburg: LAYKA. (In Russian)

Поступила в редакцию 02.05.2024 г.

**SPECIFICITY OF ORAL SPONTANEOUS TEXTS
AS EDUCATIONAL MATERIAL FOR FOREIGN AUDIENCES**

N.V. Bogdanova-Beglarian

The contribution deals with Russian oral spontaneous speech and oral everyday discourse that often lead a foreign language student to a kind of cognitive dissonance when he, having a good command of the literary Russian language learned in the classroom, is not able to adequately perceive and correctly understand the oral language addressed to him. The article gives a brief overview of this specific material (*vlezayut rebyata v prosrochku, tusuyutsya po guglu, vytilos' v takoy gadyushnik, krasavitsa s nakladnymi mozgami, yesli gorizont / nu kak by / v obshchem tak eto szhimayetsya, zhalko chto li?* etc.), extracted from speech corpora, and the task is to train a new generation of RFL teachers capable of working with such material in the classroom.

Key words: everyday speech, oral discourse, lexical and phraseological occasionalisms, pragmatic markers, collocation constructions, Russian as a foreign language, reduced form of the word.

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна.

Доктор филологических наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Профессор кафедры русского языка.

ORCID: 0000-0002-7652-0358.

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Natalia V. Bogdanova-Beglarian.

Doctor of Philology, Professor.

St Petersburg State University, St Petersburg.

Professor of Russian Department.

ORCID: 0000-0002-7652-0358.

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Научная статья

УДК 801.73

DOI: 10.5281/zenodo.11400044

О МЕТАЦИКЛЕ КАК ОДНОМ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

© 2024 А.В. Домашенко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0003-0616-7322.

В статье осуществляется разграничение цикла и метацикла. Цикл – это совокупность нескольких произведений, контекст которых необходим для адекватного понимания каждого из них. Базовое условие выделения цикла – его принадлежность одному писателю. Метацикл – это аналогичная совокупность произведений, принадлежащих разным авторам. Когда разные произведения, принадлежащие к метациклу, разделяет определенный промежуток времени – больший или меньший в зависимости от интенсивности развития литературы в ту или другую эпоху, – метацикл становится понятием исторической поэтики. Вторым фундаментальным отличием метацикла от цикла является то, что он всегда остается *открытым*, развернутым как в прошлое, которое, как мы знаем, неисчерпаемо, так и в будущее. Существуют метациклы, которые насчитывают не одну тысячу лет. Актуализация метацикла как понятия исторической поэтики позволяет достичь большей упорядоченности необъятного историко-литературного материала и, стало быть, более глубокого его понимания. В статье на материале сочинений от Платона до Булгакова и Ахматовой кратко рассмотрен ряд метациклов: *жизнь ∨ ∨ покой, жизнь ~ тень, педант, рыцарская этика, протест ∩ философ (ученый), серый костюм, ведьма (колдунья)*.

Ключевые слова: метацикл, цикл, историческая поэтика, теория литературы, эйдосный дискурс, материнское произведение, педант, рыцарская этика, серый костюм, ведьма (колдунья).

Для цитирования: Домашенко А.В. О метацикле как одном из ключевых понятий исторической поэтики / А.В. Домашенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 10–23. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11400044>.

14.07.2019

Цикл – это совокупность нескольких произведений, контекст которых необходим для адекватного понимания каждого из них. Базовое условие выделения цикла – его нахождение в пределах творчества одного автора.

Но как быть с совокупностью произведений, отвечающих приведенному выше определению, но принадлежащих разным авторам? Приведу пример. Вот одно из небольших стихотворений Блока, над которым он работал около трёх лет (1911 – 6 февраля 1914), что случалось с ним только в исключительных случаях (над не менее значимым для него стихотворением «Я не предал белое знамя...» он работал в четыре раза дольше):

*Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.*

*Но за любовью – зреет гнев,
Растет презренье и желанье*

*Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья иль избранья.*

*Пуškai зовут: Забуди, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучшие сгинуть в стуже лютой!
Уюта – нет. Покоя – нет.*

Стихотворение не только оставляет ощущение недоговоренности, но оно именно таким и является по своему замыслу и исполнению. В самом деле, почему для поэта нет уюта и покоя? Разве Пушкин не писал в стихотворении «Поэту» (1830):

*Ты царь, живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

Разве здесь покой («Но ты останься тверд, спокоен и угрюм») и связанная с ним отрешенность от тревожащих жизни не являются необходимым условием царского пути к высшим свершениям в поэтическом творчестве? Начальная строка пушкинского стихотворения – «Поэт! не дорожи любовью народной». А Блок дорожит и в конце стихотворения говорит краткими, констатирующими фразами, никак их не обосновывая и, видимо, апеллируя исключительно к тем немногим, кто оказался способным разделить любовь поэта и кому, именно по этой причине, всё понятно без объяснений.

Подразумеваемый стихотворением Блока поэтический контекст, который приобщает нас к поэту и к тем, кто его понимает, мы находим в антологическом стихотворении Боратынского «Мудрецу» (опубликовано в 1840 году), которое заслужило похвалу даже Белинского, в целом отрицательно относившегося к творчеству поэта:

*Тщетно меж бурною жизнью и хладною смертью, философ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой.
Нам, из ничтожества вызванным творчества словом
тревожным,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье – одно.*

*Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец;
Мира невежда, младенец, как будто закон его чуя,
Первым стенаньем качать нудит свою колыбель!*

Как видим, волнение и тревога здесь – не только онтологический исток искусства, но и жизни в целом, поскольку само изначальное творящее слово проникнуто тревогой. Стало быть, отказаться от них и выбрать покой – то же самое, что отказаться не только от творчества, но и от жизни как таковой, заживо умереть. Таким образом, гораздо глубже мы начинаем понимать и слова Блока о беспокойстве и тревоге как смысле человеческого существования, и почему только тот, кто это понял, перестает быть обывателем, то есть перестает быть тем, кто духовно мертв.

Стихотворением Боратынского восполняется то, что осталось недосказанным у Блока. Как мы назовем такое единство?

Греческой приставкой *мета-*, имеющей значение «после, за» (*мета*физика – то, что *после* физики), так часто злоупотребляли в теории литературы, что обращение к ней

стало восприниматься понемногу, как признак дурного тона. Но в данном случае без неё не обойтись, поскольку единство двух произведений возникает здесь через семьдесят лет *после* того, как творческий путь Боратынского был завершён. Перед нами именно метацикл в точном значении этого слова. Два рассмотренных нами стихотворения представляют собой ядро обнаруженного нами метацикла, к которому могут быть прибавлены другие произведения этих же или других авторов.

В контексте метацикла *жизнь √ √ покой*⁵ становится понятнее, почему не заслужил света булгаковский мастер, возжелавший покоя. Его стремление к покою – мечта «прожить жизнь где-то по соседству с временем и пространством» (Т. Готье). Что он и получил.

Нет нужды объяснять, что пушкинский покой – совсем другого рода. Это не попытка уйти в сторону от жизненных проблем с их неизбежной тревогой, а их преодоление гармонией – могущественной силой искусства.

Вторым фундаментальным отличием метацикла от цикла является то, что он всегда остается *открытым*, развернутым как в прошлое, которое, как мы знаем, неисчерпаемо, так и в будущее. Существуют метациклы, которые насчитывают не одну тысячу лет. Вот пример. Пиндар поет в 8 Пифийской песне:

*Однодневки,
Что – мы? что – не мы? Сон тени –
Человек. [19, с. 101–102]*

У Пиндара – *σκιάς* [24, р. 105; 95], генитив от *σκιά* – тень, в том числе и тень усопшего, призрак.

Почти через две с половиной тысячи лет тех же глубин поэтического смысла достигает слово Тютчева и поэтому оказывается способным откликнуться на строки Пиндара:

*Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, –
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...*

Пиндар в границах метацикла *жизнь ~ тень*⁶ помогает нам объемнее и глубже понять, о какой тени идет речь в стихотворении Тютчева. А в том, что самому Тютчеву весь этот контекст был доступен, как открытая книга, можно не сомневаться. Тютчевское слово несет в себе колоссальное напряжение тысячелетних смыслов, – вот определяющая особенность его поэзии. Эти корневые смыслы преодолевают не только временную, но и собственно языковую ограниченность, связывая воедино русский поэтический контекст с древнегреческим. И такая волшебная всеоживляющая связь проявляется во всем, к чему прикасается Тютчев.

Создавая свою вариацию на тему стихотворения Генриха Гейне «*Liebste, sollst mir heute sagen...*», Тютчев пишет:

*Друг, откройся предо мною –
Ты не призрак ли какой...*

Слово *призрак* сразу придает стихотворению дыхание большого времени, связанного с греческим словом *σκιάς*; этого контекста лишено грациозное и в гораздо большей степени камерно-ироническое стихотворение Гейне. У Гейне – «*Traumgebild*» [23, S. 58]: не призрак, а сновидение – с несколько другим ассоциативным рядом. Вильгельм Левик так и переводит: «Ангел мой, я жду ответа, / Может быть, была ты

⁵ Либо *жизнь*, либо *покой* [см.: 17, с. 535].

⁶ *Жизнь* подобна *тени* [см.: 17, с. 537].

сном...». Кстати, великолепный перевод Левика позволяет в полной мере ощутить стилевое различие вариации Тютчева и немецкого оригинала:

*Но лицо, и стан, и ножки,
Этих глаз волшебный свет,
Нет, такой прелестной крошки
Не создаст вовек поэт.*

У Тютчева такой тон невозможен.

18.07.2019

В пределах метацикла проясняется смысл слов, которые вне такого контекста остаются непонятыми.

В «Мадемуазель де Мопен» встречаем парадоксальное, противоречащее всем нормам эстетики утверждение: «Изображение педанта ничуть не занимательнее, чем сам педант, и даже если мы видим его лицо в зеркале, он от этого не перестает быть педантом» [15]. Так мог сказать только человек, очень пострадавший от педантов или от самого себя, если педантом был он сам.

Со школьной скамьи нас преследует это слово, усвоенное из отрывка, который все учили наизусть, но так большинством и не понятое, поскольку Пушкин не счел нужным его объяснить, а учителя, по-видимому, просто не смогли это сделать. Впрочем, их трудно винить. Я не помню, чтобы какие-то трудности возникли по этой причине в моем классе в глухой сельской школе, где я отработывал после университета. Любознательность моих учеников ограничилась тем, что они своего соученика Педана стали называть Педантом. Но бедным учителям Питера, например, чьи ученики не были столь простодушны, можно только посочувствовать. У кого им было спрашивать?

В самом авторитетном издании – Словаре языка Пушкина – дается такое объяснение: «Человек, выставляющий напоказ свои знания, свою ученость, с апломбом судящий обо всем» [20, с. 305]. «Именно таково употребление слова “педант” во всех текстах Пушкина», – констатирует Ю.М. Лотман [6, с. 129], чьи выводы по привычке воспринимаются научным сообществом как окончательные. Однако в случае Онегина оно не таково. В качестве подтверждения Лотман ссылается, в частности, на строки Пушкина из стихотворения 1818–1819 годов:

*Ты прав – несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный...*

Пример неудачный, потому что Онегин – не Фирс, и еще менее – Полевой, названный Пушкиным «педантом и невеждой», которого тоже в своих комментариях упоминает Лотман. Обе цитаты уместны в «Словаре...», но к Онегину они не имеют никакого отношения.

Онегин именно не педант в том смысле, какой имеется здесь в виду, а полная ему противоположность, о чем мы узнаем из стихов, следующих сразу за разбираемым словом:

*Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре,
И возбуждать улыбки дам
Огнем нежданных эпиграмм.*

Это характеристика не докучного тяжелодума, обремененного обрывками неподъемных знаний, которые он с важностью навязывает встречному и поперечному как последнюю истину, а светского человека, который, казалось бы, если и является педантом, то лишь в неукоснительном следовании светским приличиям⁷. Он остроумен, легок в общении, склонен к экспромтам, которые пользуются успехом в обществе. Он не стремится утвердиться в свете в качестве ученого, потому что, как истый денди (или истый «красавчик» по примеру Браммела,⁸ на чем настаивает Набоков [см.: 15, с. 111]), прекрасно знает, что иметь только вид знатока в его положении гораздо приличнее, чем закоснеть в учености и потерять при этом необходимый в обществе светский лоск. Поэтому он умеет «хранить молчанье в важном споре», и это вовсе не означает, что ему нечего было сказать.

Евгений Онегин, как и чуть позднее его современник Пелэм, герой романа Э. Бульвера-Литтона (1828), все делает для того, чтобы его «ученость», которую подметил в нем зоркий свет, нигде не вступала в противоречие с принятым в обществе светским тоном. Вот как Пелэм рассказывает о своем пребывании в колледже: «Когда я пришел проститься с моим наставником по колледжу, он, дружески пожимая мне руку, сказал:

– Мистер Пелэм, вы вели себя образцово: вы никогда не топтали из озорства траву на лужайке перед колледжами, не науськивали вашу собаку на проректора, не носились на тандеме по утрам и не разбивали уличных фонарей по ночам, не ходили в часовню колледжа, чтобы выставлять себя там в пьяном виде, и не являлись в аудиторию, чтобы передразнивать профессоров. А ведь именно так ведут себя обычно молодые люди из хороших, состоятельных семей. Но вы себя вели иначе. Сэр, вы были гордостью нашего колледжа.

На этом моя ученая карьера закончилась. Тот, кто откажется признать, что она сделала честь моим учителям, обогатила мой ум и принесла пользу обществу – человек ограниченный и невежественный и не имеет никакого представления о преимуществах нынешней системы воспитания и образования» [14].

О том, какая именно ученость и в какой мере нужна в свете, пишет сыну мать Пелэма, и ее мудрые, проникнутые опытом рассуждения без всякого преувеличения представляют собой универсальное руководство для всех, кто, как Онегин или ее сын, собирается вступить в свет: «Советую тебе приобрести как можно больше познаний по части *art culinaire*, это совершенно необходимо в обществе». И сразу же блестящий переход, делающий честь светской утонченности, логике и слогу леди Фрэнсес: «Нелишне также, если представится случай, бегло ознакомиться с метафизикой; об этой материи сейчас очень много говорят» [там же]. Особенно умиляет здесь слово «бегло».

Самоирония Пелэма, рассказывающего о своем образовании, как и проникнутый иронией рассказ Пушкина об учености Онегина, не должны ввести нас в заблуждение, как не ввела в заблуждение его ученость светских судей, на первый взгляд, снисходительных, но на самом деле весьма строгих. Внимательно и придирчиво рассмотрев дебютанта Онегина, свет нашел в нем только один изъян, обозначив его словом «педант». Это слово, разумеется, употреблено не в строго научном смысле, как понимают его современные педанты от науки, а в специфически светском – огромная

⁷ О том, что можно быть «педантом на светский и совершенно особый лад», пишет Н. Мальбранш в «Разысканиях истины» [7, с. 233].

⁸ О Браммеле см. классическую работу Барбе д'Оревилю: [1].

разница. В светском словоупотреблении важны тончайшие смысловые оттенки, а не лобовой смысл, неуклюжий, как ломовой извозчик.

Свет сразу же чутко почувствовал в Онегине, несмотря на всю безукоризненность его поведения, такие возможности, которые выходят за рамки требований повседневной светской жизни и могут быть неуместны в светском обществе: именно это не вполне ясное самому свету ощущение и было названо непонятным иностранным словом, означающим нечто негативное.

Новую пищу для размышлений дает Набоков в своих комментариях к пушкинскому роману, обращаясь для объяснения слова «педант» в пушкинском романе к книге Никола де Мальбранша «Разыскания истины», то есть делает то, что советским литературоведам никогда и в голову не пришло бы. Это показательный пример: Набоков дает нам понять, каким могло бы быть русское литературоведение в XX веке, если бы не катастрофа 17-го года. Он обращает внимание на следующие суждения французского философа, собранные им в одной цитате: «Вид светский и развязный, при поддержке кое-какой эрудиции: два стиха из Горация, анекдоты... Педанты – это те, кто, чтобы пощеголять своей ложной ученостью, к месту и не к месту цитируют всяких авторов, говорят просто, чтобы говорить и заставить дураков восхищаться собою; они тщеславны и горды, имеют отличную память и слабую способность к рассуждению, смелое и широкое воображение, но непостоянное и неуравновешенное» [8, с. 113]. Всё это, конечно, впечатляет, и особенно к месту здесь «два стиха», хотя и не Вергилия: очевидно, в роман Пушкина слово «педант» пришло не без влияния книги Мальбранша. И нам осталось только понять, почему это слово звучит в устах света, который ни в малейшей мере не мог интересоваться какими-то там «Разысканиями истины».

Ответ, возможно, лежит на поверхности, и именно поэтому так сложен для литературоведческого педантизма. Таковую возможность опять-таки предоставляет Набоков: «Высказывалось предположение, что здесь типографская ошибка (см. коммент. к парижскому изданию 1937 г.) и вместо *но* должно быть *не*; остается неясным, почему Пушкин сохранил *но* в последующих трех изданиях» [8, с. 114]. На этот вопрос легко ответить.

Сразу скажу, что типографская ошибка здесь маловероятна, поскольку в таком случае ошибившийся наборщик невольно оказался бы гениальнее Пушкина. Фраза «ученый малый, не педант» ни в чем не нарушает законы логики, и свет, изрекающий ее, оказывается мудрым, как Мальбранш. Но он не таков, и Пушкин не упустил бы случая это продемонстрировать: «Чтобы оценить юмор *ЕО*, гл. 1, V, 7, – пишет Набоков, как всегда демонстрируя удивительную чуткость к тончайшим смысловым нюансам поэтического слова, – читатель должен понимать, что эти важные и самодовольные особы (персонажи, конечно же, традиционные и вездесущие), которые слынут в модном свете “строгими судьями”, на деле настолько невежественны, что стоит современному молодому человеку походя блеснуть остроумием либо многозначительно промолчать, как они уже поражены демонстрацией чересчур глубоких познаний» [8, с. 113]. Свет в данном случае поступил в высшей степени педантично: ввел в светский оборот ученое слово, но не дал себе труда вдуматься в его смысл.

Фраза «ученый малый, но педант» бессмысленна, и именно поэтому она уместна в устах света.

Вариант с частицей «не» Пушкин, вероятнее всего, даже не рассматривал, но какой-то педантичный пушкинист предположил, что именно таким был первоначальный вариант и должен быть вариант окончательный.

Самая большая опасность, когда пишешь об Онегине-педанте, – самому не впасть в педантизм. Этой опасности, исключая Набокова, не сумел избежать ни один из литературоведов, пытавшихся разобраться в рассматриваемой проблеме.

Но сколько бы мы вслед за Набоковым ни иронизировали над строгими суждениями света, нужно все же признать, что в своем романе по сравнению с временами фонвизинского «Бригадира» Пушкин засвидетельствовал огромные изменения в лучшую сторону в понимании того, как следует «*vivre dans le grand monde*»⁹ [21, т. 1, с. 69]. В комедии Фонвизина Иванушка, сын бригадира, резонно рассуждает: «По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Черт ли видит то, что скрыто, а наружное всяк видит» [там же, с. 56].

Плоды просвещения в романе «Евгений Онегин», как говорится, налицо. Однако в контексте исторической поэтики начинать рассмотрение этой проблемы нужно не с «Бригадира», не с комедий Мольера, не с «Проученного педанта» (1646–1647) Сирано де Бержерака и даже не с «Педантиуса» (1581) елизаветинца Эдварда Форсета или «комедии масок». Начинать, видимо, нужно с сочинений Платона¹⁰, в которых Сократ своими вопросами приводил в замешательство одного педанта за другим, пока они с ним не расправились. Сократовской иронией, таким образом, изначально определяется художественно-поэтическая трактовка этой темы в последующие столетия вплоть до наших дней. Когда Гиппий, знаменитый в свое время софист из Элиды, не согласился с рассуждением Сократа, в котором каждое последующее положение было основано на предыдущем, пока окончательно не проявилась абсурдность исходного утверждения¹¹, Сократ смиренно ответил: «Да я и сам с собой здесь не согласен, Гиппий, но все же это с необходимостью вытекает из нашего рассуждения. Однако, как я говорил раньше, я блуждаю в этом вопросе вокруг да около и никогда не имею одинакового мнения на этот счет. Правда, не удивительно, что я или другой какой-либо обычный человек здесь находится в заблуждении. Но уж если вы, мудрецы, станете тут блуждать, это и для нас ужасно, раз мы даже с вашей помощью не можем избавиться от ошибки» [9, с. 219].

10.09.2019

«Капитанская дочка» вышита по канве «Недоросля», но узор очень далеко ушел от канвы. С. Рассадин вслед за В.О. Ключевским много говорит о том, как неразрывно связана повесть с комедией [см.: 10]. Пушкин при этом восстанавливает историческую справедливость: у Фонвизина «Митрофан сбивается в карикатуру, в комический анекдот. В исторической действительности недоросль – не карикатура и не анекдот, а самое простое и всеневное явление, к тому же не лишенное довольно почтенных качеств» [4, с. 398].

В повести другой узор, «если бы» – то, чего история якобы не знает, а художественная литература сколько угодно знает и этим сполна пользуется. Пушкин в этом отношении был, может быть, величайшим художником, рядом с которым никого нельзя поставить в мировой литературе. Достоевский эту удивительную пушкинскую

⁹ Жить в большом свете.

¹⁰ По примеру Платона я предпочитаю называть их беседами (*λόγοι*), а не диалогами (*διάλογοι*), потому что их цель – совместный поиск истины, а не торжество в словесном состязании.

¹¹ «...Люди, добровольно совершающие какие-либо проступки, лучше, чем те, кто вершат их невольно» [9, с. 213; 372e].

способность претворения в неповторимый «перл создания» любого известного сюжета назвал «всемирной отзывчивостью». Так оно и есть, но не будем забывать, что это всемирная отзывчивость великого художника, а не какая-то другая.

Канва (материнское произведение) и разнообразные узоры, принадлежащие современникам или представителям разных эпох и литератур – это и есть метацикл в его самом кратком определении. Отнюдь не редкость, что какой-нибудь из узоров заслоняет собой в истории литературы материнское произведение, но в формально-теоретическом плане это обстоятельство ничего не меняет.

Почему материнское? Да потому что зерном, из которого выросла «Капитанская дочка», была, вероятнее всего, комедия Фонвизина: Пушкин немного изменил точку зрения на Митрофана, и на его месте появился Петр Гринев. А степень художественного совершенства того и другого произведения – совсем другой вопрос. Мы знаем, что совершенные поэтические творения, «не ведая стыда», могут вырасти даже из сора, а фонвизинские «Бригадир» и «Недоросль» – далеко не сор в русской, да и в европейской литературе.

И кто после этого посмеет утверждать, что светлейший князь Г.А. Потемкин-Таврический был плохим литературным критиком?

30.08.2019

К слову, о Фонвизине.

Персонаж рассказа А.П. Чехова «Учитель словесности» (1894) Ипполит Ипполитыч, учитель географии и истории, в течение всей своей жизни «или молчал, или же говорил только о том, что всем давно уже известно». Эта отличительная его черта не оставила его и в предсмертном бреду:

– Волга впадает в Каспийское море... Лошади кушают овес и сено...

Существует мнение, что источником этих фраз являются грамматические упражнения. Здесь, правда, возникает некоторое сомнение: разве Чехов с его гениальным воображением не мог обойтись без помощи автора учебника, чтобы придумать эти фразы? Но такого рода рассуждениями вопрос, конечно, не снимается. В течение минуты Чехов мог десяток подобных фраз написать. Но для рассказа он выбрал именно эти. Почему? Со второй фразой легче: она, вероятно, просто дана в дополнение к первой. Но первая? Думаю, ответ на вопрос таится в актуальном для этой фразы контексте, которым и было обусловлено ее появление.

По-видимому, исток этого контекста связан с эпизодом из ученических лет Дениса Ивановича Фонвизина, о котором упоминает известный библиограф М.Н. Лонгинов в книге «Новиков и московские мартинисты» (1867): «...Из географии медаль присуждена была Фон-Визину за то, что после ответов двух учеников о впадении Волги в Черное и Белое море, сам на вопрос о том отвечал: “не знаю”» [5, с. 11].

Комизм ситуации в рассказе приобретает сугубо чеховский характер: даже в безнадежных трюизмах Ипполита Ипполитыча проявляется прогресс по сравнению с предшествующим столетием. Для Чехова с его устремленностью к будущему, с его верой в будущее это было важно.

Упомянутый прогресс, правда, касается только эрудиции, которая немногого стоит. Это объяснил нам еще Гераклит. Но мы можем это понять и самостоятельно, стоит лишь сравнить якобы простеца Фонвизина и ученого Ипполита Ипполитыча.

Впрочем, «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (первая публикация – в «Санкт-Петербургском журнале» в 1798 году), из которого Лонгинов взял приведенную выше цитату [см.: 21, т. 2, с. 88], Чехов, вероятнее всего, прочел в

одном из собраний сочинений Фонвизина. В XIX веке, до того как был написан рассказ «Учитель словесности», они выходили трижды (в 1830, 1866 и 1888 гг.) и вовсе не были библиографической редкостью.

04.05.2024

Здесь вырисовываются контуры метацикла *простец* \wedge *философ (ученый)*¹², необходимый контекст для которого – не только сочинения Николая Кузанского (см. его «Книги простеца»), но также и Платона (например, упомянутый «Гиппий меньший», в котором в роли простеца выступает Сократ). В пределах этого же метацикла создается сцена на Патриарших прудах в романе Булгакова, в которой, как и у Николая Кузанского, есть свой простец (Воланд) и свой философ (Берлиоз). У Николая Кузанского мы имеем дело с мистериальным вариантом этого метацикла, тогда как у Булгакова, как и положено в романе, – с мистериально-буффонадным.

У любой буффонады в истории мировой литературы есть мистериальный контекст. Любая мистерия порождает эстетический запрос на буффонаду. При этом нужно помнить, что буффонада – ни в коем случае не пародия. Это приобщение к истине мистерии другими средствами: вспомним, что в Дон Кихоте сущность мистерии проявляется полнее и глубже, чем в Амадисе Гальском.

27.09.2019

Роман «Мастер и Маргарита» с его рыцарской тематикой порожден богатой почвой русской литературы предшествующего периода.

«Блок, – в нем чувствовали это и друзья, и недруги, – был необыкновенно, исключительно правдив», – пишет З.Н. Гиппиус в «Моем лунном друге» [2, с. 22]. Но разве то же самое нельзя сказать о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Фете, Толстом, Чехове, Булгакове, Набокове?.. О ком еще? Ах, да, читаем в «Последнем слове Достоевского о Белинском» Георгия Чулкова: «Достоевский никогда не лгал» [11]. И разве то же самое нельзя сказать о Белинском и о многих других русских поэтах и писателях? Императив тотальной и всепроникающей правды как главный принцип великой русской литературы, наследие рыцарских времен. То, в чем в первую очередь проявляется миссия искусства, о чем на примере театра говорит в записных книжках Чехов: «Сцена станет искусством лишь в будущем, теперь же она лишь борьба за будущее» [22, с. 397]. Лучшее будущее можно создавать только чистыми руками, а «кто лжет, тот грязен» [там же, с. 404].

Метацикл, который можно обозначить словами *рыцарская этика*.

01.10.2019

В «Черном маге» Воланд уже присутствует и сразу появляется, вопреки названию, не в качестве профессора-интуриста, а в своем подлинном качестве:

– Значит, фокус?!

Пожарный был прост и не врал. Сказал, что, когда голова его отлетела, он видел со стороны свое безголовое тело и смертельно испугался. Воланд, по его мнению, колдун.

Все признали, что колдун – не колдун, но действительно артист первоклассный [13, с. 34].

«Артист первоклассный» – ключ ко всему роману.

Смысловое ядро «Черного мага» – представление в Варьете – вырастает из эпизода, рассказанного Петром Ипполитовичем, хозяином квартиры, старому князю

¹² *Простец и философ (ученый)* [17, с. 536].

Сокольскому: «А хозяин, как нарочно, пустился опять толковать о спиритизме и о каких-то фокусах, которые будто бы сам видел в представлении, а именно как один приезжий шарлатан, будто бы, при всей публике отрезывал человеческие головы, так что кровь лилась, и все видели, а потом приставлял их опять к шее, и что, будто бы, они прирастали, тоже при всей публике, и что, будто бы, все это произошло в пятьдесят девятом году» [18, с. 589].

Так что в самом первоначальном замысле будущего великого романа уже присутствует творчество Достоевского. В последней редакции «Мастера и Маргариты» можно обнаружить влияние не только «Подростка», но и других романов Достоевского – «Идиота» и, главным образом, – «Братьев Карамазовых».

Влияние романа «Идиот», прежде всего, проявляется в изображении мастера, на которого – с его романом о Понтии Пилате – ловкие и бездарные околелитературные приспособленцы, считающие себя, впрочем, солью земли, смотрят как на идиота. По примеру своего литературного предшественника он должен оказаться и на самом деле оказывается в лечебнице, относясь к этому факту как к само собой разумеющемуся.

Но этим ряд, конечно, не заканчивается. Во второй тетради («Копыто инженера»), относящейся к тем же годам, что и первая, Понтий Пилат настойчиво пытается спасти Га-Ноцри, формулируя вопросы так, что ими определяется требуемый ответ:

– Но ты, конечно, не говорил фразы, что податей не будет?

– Нет, я говорил это, – сказал светло Га-Ноцри.

– О, мой бог! – тихо сказал Пилат.

Он встал с кресла и объявил секретарю:

– Вы слышали, что сказал этот идиот? [13, с. 45].

Причина, по которой Га-Ноцри оказался идиотом, та же самая, что в случае мастера или князя Мышкина:

– Ты... вы когда-нибудь произносили слова неправды?

– Нет, – испуганно ответил Иешуа [там же].

Вот непрерывная связующая нить от описываемых событий в Иерусалиме через рыцарство гуманистической эпохи к нашему времени. Путеводная нить.

О «Братьях Карамазовых» поговорим в другой статье.

03.10.2019

Итак, на основе первой тетради мы можем предположить, что исток замысла будущего романа связан с эпизодом из «Подростка» – рассказом Петра Ипполитовича о фокуснике. Этот рассказ до смерти напугал старого князя Сокольского.

В первых двух тетрадях уже есть Воланд, но нет ни намек на серый костюм и на мастера. Впрочем, мы не можем быть уверены, что ни того, ни другого не было в уничтоженных автором частях рукописи.

Выскажу предположение, что серый костюм и мастер появились в процессе работы над романом одновременно под влиянием повести Василия Андреева «Серый костюм», а вместе с тем и тема двойничества Воланда и мастера. На такого рода мысли наталкивают колебания автора, каким образом трактовать Воланда – как артиста («Черный маг») или как инженера («Копыто инженера»)?

Напомню, что в повести Андреева тема двойничества присутствует изначально – сначала как *Пластунов-парикмахер – Пластунов-инженер*, а потом, после встречи Романа Романыча с незнакомым клиентом, которого он принял за артиста Большого театра, как *Пластунов-парикмахер – Пластунов-артист*. А уже над этой парой двойников возвышается двойничество незнакомого клиента и подражающего ему во всем, начиная с серого костюма, Пластунова.

Повесть Василия Андреева вышла в 1929 году и, по моему убеждению, оказала определенное влияние на формирование замысла булгаковского романа при переходе от первоначального эпизода (выступление Воланда в Варьете) к теме мастера [подробнее об этой повести см.: 3¹³]. Воланд появился раньше, но это нисколько не означает, что мастер целиком обусловлен Воландом. Они в процессе развития замысла влияли друг на друга, как и должно быть в случае двойников. Во всяком случае, как только мастер обрел статус полноправного гражданства в творческом замысле, ни о каком Воланде-инженере уже не могло быть и речи.

Этот, казалось бы, локальный метацикл (*серый костюм*) сразу обнаружит свою подлинную значимость, как только мы от поэтики перейдем к исторической поэтике и рассмотрим его в контексте XVI столетия, когда в живописи была открыта художественная ценность серого цвета (*gris perle*). При этом не забудем, что указанная проблема должна быть осмыслена в границах эйдосного дискурса – в том пространстве теоретико-литературного осмысления художественной литературы, в котором законы поэзии и живописи пересекаются: *ut pictura poesis*. Эйдосный дискурс как историческая эстетика словесного творчества. Или так: историческая поэтика как историческая эстетика поэтического искусства.

Одно из связующих звеньев в этой цепи от Ренессанса до Воланда – серый сюртук Наполеона, в котором он въехал в Москву после Бородинского сражения, и с которым в контекст нашего разговора в качестве актуальной входит тема пожара, в свою очередь, связанная с темой Грибоедова.

Скалозуб в ранней редакции комедии с несомненной философской глубиной, достойной булгаковского Бегемота, утверждает:

*По моему суждению,
Пожар как на заказ пылал.
Способствовал к градскому украшенью,
И образ жизни лучше стал.* [16, с. 179]

Но это уже другой метацикл, связанный с примусом. Хотя и тот же, если вспомнить, что во Франции серовато-коричневый цвет одно время назывался цветом московского дыма: именно такого цвета фраки предпочитал доктор Торти (рассказ «Счастливые благодаря преступлению») – «один из самых смелых и мощных умов» своего времени [12], к тому же любивший своей самобытностью эпатировать окружающих не меньше, чем Бегемот или Коровьев.

Жаль, что приведенный выше блестящий образец поэзии Лебядкина до Лебядкина и раннего Заболоцкого до Заболоцкого не вошел в окончательную редакцию комедии.

10.10.2019

К вопросу о необъятном метацикле *ведьма (колдунья)*; в данном случае точнее: *якобы ведьма (колдунья)*.

Переселившись в эвакуации в Ташкенте в мае 1943 года в комнату, в которой до нее жила Е.С. Булгакова, А.А. Ахматова 5 августа написала стихотворение «Хозяйка»:

*В этой комнате колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне новолуния.
Тень ее еще стоит*

¹³ Эту публикацию нужно читать, не обращая внимания на появившуюся в некоторых случаях по неизвестной мне причине большую букву *М* в слове *мастер*.

*У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама... Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.*

Последний катрен отсылает нас к стихотворению Гумилева 1911 года, название которому дано по первой строке:

*Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью...*

В этом стихотворении дважды по-разному звучит один и тот же мотив – во второй строфе и в третьей:

*И смотрит, стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться.
<...>
Снеси-ка истому ты
В днепровские омуты...*

Вполне возможно, что именно этим стихотворением подсказано намерение Маргариты, когда она после бала в какой-то момент потеряла надежду на помощь Воланда: «Только бы выбраться отсюда, а там уж я дойду до реки и утоплюсь».

Общее здесь то, что и в случае Елены Сергеевны, и во втором случае, который хронологически является первым, словом «колдунья» названо то, что таковым не является; его иносказательный смысл – тайна («тайн не выдаю своих»), более прозрачная в стихотворении Гумилева и гораздо менее прозрачная в романе Булгакова.

Но Анна Андреевна, будучи «колдуньей», в эту соприродную ей тайну романа, конечно, проникла. И именно об этом ее стихотворение, которое в противном случае просто не было бы написано.

Нам еще только предстоит распутать все узлы, которые завязал в этом романе наш Серебряный век.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбе д'Оревилли Ж. Дэндиизм и Джордж Брэммель / Ж. Барбе д'Оревилли / пер. с фр. М. Петровского. – М.: Альциона, 1912. – 114 с.
2. Гиппиус З.Н. Живые лица / Зинаида Гиппиус. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 304 с.
3. Домащенко А.В. Есенинский подтекст в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / А.В. Домащенко // Современное есениноведение. Научно-методический журнал. – Рязань, 2022. – № 2 (61). – С. 105–109.
4. Ключевский В.О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990. – С. 392–399.
5. Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты / М.Н. Лонгинов. – М., 1867. – 560 с.
6. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
7. Мальбранш Н. Разыскания истины / Н. Мальбранш / пер. с фр. Е.Б. Смеловой.– СПб.: Наука, 1999. – 650 с.
8. Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / В.В. Набоков / пер. с англ., фр., нем., ит. – СПб.: Искусство-СПБ; Набоковский фонд, 1998. – 928 с.

9 Платон. Гиппий меньший / Платон / пер. с древнегреч. С.Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Собр. соч.: в 4 т. – Т.1. – М.: Мысль, 1990. – С. 203–219.

10. Рассадин С.Б. Умри, Денис, или Неудобный собеседник императрицы / С.Б. Рассадин. – М.: Текст, 2008. – 378 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/rassadin_stanislav/umri_denis_ili_neugodnyy_sobesednik_imperatritsi.html (дата обращения: 01.05.2024).

11. Чулков Г.И. Последнее слово Достоевского о Белинском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/chulkov_georgiy/poslednee_slovo_dostoevskogo_o_belinskom.html (дата обращения: 02.05.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Барбе д'Оревилли Ж. Те, что от дьявола // Барбе д'Оревилли Ж. Имени нет. Избранные произведения / Ж. Барбе д'Оревилли / пер. с фр. М. и Е. Кожевниковых. – М.: Энигма, 2006. – 624 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://booksafe.net/book/barbe_d_orevili_zhyul_amede-te_cho_to_dyavola-243493.html (дата обращения: 23.03.2024).

13. Булгаков М.А. «Мой бедный, бедный мастер...»: Полн. собр. редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита» / М.А. Булгаков. – М.: Вагриус, 2006. – 1006 с.

14. Бульвер-Литтон Э. Пелэм, или Приключения джентльмена / Э. Бульвер-Литтон / пер. с англ. А.С. Кулишер и Н.Я. Рыковой. – М.: ГИХЛ, 1958. – 612 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/bulverlitton_edvard/pelem_ili_priklyucheniya_dgentlmena.html (дата обращения: 01.05.2024).

15. Готье Т. Мадемуазель де Мопен / Т. Готье / пер. с фр. Е. Баевской. – М.: Терра, 1997. – 350 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/gote_teofil/mademuazel_de_mopen.html (дата обращения: 01.05.2024).

16. Грибоедов А.С. Горе от ума / А.С. Грибоедов. – М.: Наука, 1987. – 479 с.

17. Кондаков Н.И. Символика математической логики // Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1976. – С. 534–540.

18. Достоевский Ф.М. Подросток / Ф.М. Достоевский // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 8. – М.: ГИХЛ, 1957. – 657 с.

19. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Пиндар. Вакхилид / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1980. – 503 с.

20. Словарь языка Пушкина: в 4 т. – Т. 3 / Отв. ред. академик АН СССР В.В. Виноградов. – М.: Азбуковник, 2000. – 1282 с.

21. Фонвизин Д.И. Собр. соч.: в 2 т. / Д.И. Фонвизин. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959.

22. Чехов А.П. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 8 / А.П. Чехов. – М.: Правда, 1970. – 510 с.

23. Heine H. Buch der Lieder. – Manchester: Published by the University of Manchester, 1920. – 237 p.

24. Pindarus. Carmina cum fragmentis. Pars I. – Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1980. – 193 p.

REFERENCES

1. Barbe d'Orevil'i Zh. (1912). Dendizm i Dzhordzh Bremmel' [Dandyism and George Brummell] (114 p.) Moscow: Al'ciona. (In Russian).

2. Gippius Z.N. (2009). Zhivye lica [Living faces] (304 p.). Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. (In Russian).

3. Domashchenko A.V. (2022). Eseninskij podtekst v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» [Yesenin subtext in the novel by M.A. Bulgakov «The Master and Margarita»]. In *Sovremennoe eseninovedenie. Nauchno-metodicheskij zhurnal* (pp. 105–109). Ryazan', 2022. № 2 (61). (In Russian).

4. Klyuchevskij V.O. (1990). Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii Moskovskogo universiteta 6 iyunya 1880 g. v den' otkrytiya pamyatnika Pushkinu [Speech delivered at the ceremonial meeting of Moscow University on June 6, 1880, on the day of the opening of the monument to Pushkin]. In *Klyuchevskij V.O. Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli*. (pp. 392–399). Moscow: Pravda. (In Russian).

5. Longinov M.N. (1867.). Novikov i moskovskie martinisty [Novikov and Moscow Martinists]. (560 p.). Moscow. (In Russian).

6. Lotman Yu.M. (1980). Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij [Roman A.S. Pushkin "Eugene Onegin". A comment]. (416 p.). Leningrad: Prosveshchenie. (In Russian).

7. Mal'bransh N. (1999). Razyskaniya istiny [Search for truth]. (650 p.). Moscow: Nauka. (In Russian).

8. Nabokov V.V. (1998) Kommentarij k romanu A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» [Commentary on the novel by A.S. Pushkin «Eugene Onegin»]. (928 p.). Sankt-Peterburg: Iskustvo-SPB; Nabokovskij fond. (In Russian).

9. Platon. (1990). Gippij men'shij. [Hippias lesser]. In Platon. Sobranie sochinenij in 4 v. V. 1 (pp. 203–219). Moscow: Mysl'. (In Russian).

10. Rassadin S.B. (2008). Umri, Denis, ili Neugodnyj sobesednik imperatricy [Die, Denis, or the Empress's Undesirable Interlocutor]. (378 p.). Moscow: Tekst. (In Russian).

11. Chulkov G.I. (1928). Poslednee slovo Dostoevskogo o Belinskom [Dostoevsky's last word about Belinsky]. Access mode: https://royallib.com/book/chulkov_georgiy/poslednee_slovo_dostoevskogo_o_belinskom.html (date of the application: 02.05.2024). (In Russian).

Из моей книги «Ars Poetica», кн. 2 (в работе)

Поступила в редакцию 08.05.2024 г.

ON METACYCLE AS ONE OF KEY CONCEPTS OF HISTORICAL POETICS

A.V. Domashchenko

The article distinguishes between a cycle and a metacycle. A cycle is a collection of several works, the context of which is necessary for adequate understanding each of them. The basic criterion of a cycle is that it belongs to one writer. A metacycle is a collection of works by different authors. When works of a metacycle are written at different periods of time depending on literature development intensity in a particular era, the metacycle becomes a concept of historical poetics. The second fundamental difference between a metacycle and a cycle is that a metacycle always remains *open-ended*, targeted both at the past, which is inexhaustible, and at the future. There are metacycles that cover the period of more than one thousand years. As a concept of historical poetics, metacycle enables to reach greater order of the vast historical and literary material and, therefore, to better understand it. The article, based on works from Plato to Bulgakov and Akhmatova, briefly examines a number of metacycles: *life ∨ ∨ rest, life ~ shadow, pedant, chivalric ethics, simpleton ^ philosopher (scholar), grey suit, witch*.

Key words: metacycle, cycle, historical poetics, literary theory, eidōs discourse, maternal work, pedant, chivalric ethics, grey suit, witch.

Домашченко Александр Владимирович.
Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет.
Профессор кафедры истории русской литературы и
теории словесности.
ORCID 0000-0003-0616-7322.
E-mail: a.domashchenko@bk.ru

Domashchenko Aleksandr Vladimirovich.
Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University.
Professor at Department of History of Russian
Literature and Theory of Literature.
ORCID 0000-0003-0616-7322.
E-mail: a.domashchenko@bk.ru

Научная статья

УДК 811.161.1+316.77:001.12

DOI: 10.5281/zenodo.11400227

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИНИННОСТИ В БЛОГАХ МОРЕНЫ МОРАНА

© 2024 *Е.В. Балюнис*¹, *Е.В. Ширина*²

¹⁻²*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»*

¹*ORCID 0000-0003-2521-1026.*

²*ORCID 0009-0004-0728-6037.*

В статье рассматривается визуальный контент интернет-дневников одного из самых популярных авторов Рунета. Цель работы состоит в выявлении и описании той специфики, которой обладает визуальная репрезентация маскулинности и фемининности как ключевых гендерных категорий в блогинге. Исследование проводится на материале 696 визуальных текстов, использованных в качестве иллюстраций к публикациям, размещенным в период с 14.03.2022 г. по 14.03.2024 г. в дневнике «Морена. Женский вопрос». Для анализа используются методы семантического, дискурсивного, а также количественного и качественного контент-анализа. Устанавливается, что фемининный образ присутствует в 610 иллюстрациях (87,6 %), в то время как маскулинный только в 195 (28 %), при этом в качестве главного персонажа мужчина представлен в 69 (9 %) визуальных текстах. Визуальные репрезентации счастливого супружества менее частотны, чем изображения семейных ссор и сцены домашнего насилия. Для блогов характерна визуализация неоднотипной и нестереотипной женственности. Категория фемининности является ключевой ценностной доминантой смыслового пространства рассматриваемых блогов, что позволяет квалифицировать их как феминно ориентированные.

Ключевые слова: визуальный контент, визуальный текст, визуальный нарратив, феминно ориентированный блогинг, фемининность, маскулинность.

Для цитирования: Балюнис Е.В. Визуальная репрезентация маскулинности и фемининности в блогах Морены Морана / Е.В. Балюнис, Е.В. Ширина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 24–32. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11400227>.

Введение. Визуализация вербального взаимодействия является неизбежным следствием стремительного развития и повсеместного внедрения коммуникационных технологий, при этом исследователи указывают как на положительные, так и на отрицательные стороны этого процесса. Ученые говорят о том, что «современный человек, погруженный в технологизированную среду, мыслит “картинками” и воспринимает информацию, представленную преимущественно в зрительных образах» [14, с. 185]. В настоящее время креолизованные тексты и визуальные нарративы играют важную роль в обучении иностранному языку [8, 9, 10, 13], однако при этом нередко отмечается, что клиповое мышление, во многом обусловленное актуализацией визуальной составляющей коммуникации, носит поверхностный характер и не лучшим образом влияет на когнитивную сферу личности, поскольку способствует «утрате культуры мыслительной деятельности» [11]. Специалисты в области языка рекламы и политической коммуникации указывают на значительный манипулятивный потенциал текстов с визуальной составляющей [1, 2, 3, 4, 5]. Он обусловлен тем, что содержание визуальных текстов «кодируется на основе не категориально-мыслительного, а перцептивного опыта» [6, с. 45], «чувственные составляющие наглядных образов несут

информацию не только о социальной, но и биологической истории человека» [6, с. 46], визуализация способствует формированию образов-представлений, на базе которых создаются новые когнитивные программы [7, с. 85]. Визуализация представляет собой одну из сущностных характеристик интернет-коммуникации, «с ее помощью компенсируется недостаточность опосредованного контакта», формируются значимые смыслы, к тому же «визуализация способствует более легкому восприятию информации и обладает высокой степенью убедительности благодаря наглядности сообщения и эмоциональной силе его воздействия» [17, с. 5]. Однако при этом в интернет-среде визуальность носит техногенный характер, она приводит к трансформации устоявшихся форм социального взаимодействия, которое может иметь и дисфункциональные проявления [12]. Визуальные интернет-тексты и визуальные компоненты креолизованных интернет-текстов способствуют артикуляции, распространению и изменению социальных смыслов и социально-значимых образов в дискурсе общественности. По этой причине они должны изучаться как неотъемлемая составляющая социальной интернет-коммуникации.

В настоящем исследовании рассматривается семантическое пространство иллюстраций к блогпостам Яны Владимировны Кубаевой, известной в русскоязычном интернет-сообществе под псевдонимом Морена Морана. В настоящее время Морена Морана – один из самых популярных в Рунете блогеров, пишущих о вопросах отношений между мужчинами и женщинами. Ее страница в LiveJournal, существующая уже более 10 лет, имеет 157 000 подписчиков, занимая 43-е место в общем рейтинге пользователей и 11-е место в рейтинге пользователей Московского региона [18], на дневник на платформе Яндекс.Дзен подписано 142 400 человек (согласно данным от 24.03.2024 г.), при этом количество подписчиков постоянно растет [19]. Цель работы состоит в выявлении и описании особенностей визуальной репрезентации фемининности и маскулинности как ключевых категорий гендерной картины мира авторского блога.

Материалы и методы исследования. Эмпирическим материалом послужили полученные методом сплошной выборки визуальные тексты постов, которые были размещены в период с 14.03.2022 г. по 14.03.2024 г. в интернет-дневнике «*Морена. Женский вопрос*», функционирующем на платформе LiveJournal (696 единиц) [18]. Для изучения отобранных иллюстраций и вербальных текстов, с которыми они связаны, применяются лингвистические методы семантического и дискурсивного анализа, а также основной для теории медиакоммуникаций и журналистики метод количественного и качественного контент-анализа.

Основная часть. Морена Морана практически никогда не называет себя блогером и выстраивает свою самоидентификацию на основе профессии и творческой деятельности, в закрепленном посте дневника в LiveJournal и в описании канала на Яндекс.Дзен она позиционирует себя следующим образом: *По образованию я психолог, в душе – творец, а некоторые подписчики утверждают, что еще женщина без будущего. Но это неправда* [18]; *Психолог, автор книг. Поддерживаю, разбираю письма, вдохновляю других и нахожу в этом смысл* [19]. Автор приводит подробную информацию о своем образовании, что, с одной стороны, подтверждает ее моральное и профессиональное право на осмысление жизненных ситуаций и рефлексии по поводу наблюдаемых социальных тенденций, а с другой – является примером того, что специальность и тяга к творчеству могут лежать в основе самоопределения женщины. Первый пост в дневнике «*Морена. Женский вопрос*» датируется 22.02.2013 г., в 2013 г. автор ведет дневник нерегулярно, так, в марте новые посты размещаются ежедневно, за исключением трёх дней, а в июле была сделана только одна публикация. Уже тогда

некоторые посты сопровождаются иллюстрациями (цифровыми рисунками, коллажами, постановочными фотографиями, дополняющими и подтверждающими содержание вербального текста). В 2014 г. вещание уже ведется на регулярной основе, контент, за редким исключением, обновляется ежедневно, при этом каждую статью предваряет изображение, которое может быть как авторским (постановочная художественная фотография), так и заимствованным (скриншот из популярного фильма или рекламного ролика, рекламный визуальный текст, интернет-специфичные визуальные тексты). Подобные изображения по своим функциям сходны с иллюстрациями традиционных журналов: они привлекают внимание читателя, развлекают его, иллюстрируют, дополняют или подтверждают ключевые идеи основного вербального текста, – при этом сами статьи могут восприниматься без паралингвистического сопровождения. Со временем иллюстрации становятся все более разнообразными, количество авторского визуального контента увеличивается, цифровая обработка изображений становится искусной и оригинальной, все четче прослеживается установка на художественность визуальных составляющих дневниковых записей. В качестве обобщающего обозначения разнообразных цифровых изображений, иллюстрирующих блогпосты Морены Морана, мы используем терминологическое сочетание «визуальный текст». Под визуальным текстом понимается «сообщение (фотография, немой фильм, плакат и др.), изложенное в любом виде и жанре и предназначенное только для зрительного восприятия аудиторией» [16]. Визуальный текст осмысливается как «зримая (воспринимаемая глазом) структурно-функциональная модель, в которой ценности, нормы и смыслы определенной культуры носят кодовый характер и представлены в виде знаков, символов и образов, связанных между собой различными контекстуальными связями» [15, с. 36]. Визуальные тексты, способствуя наглядной и образной презентации эмоциональной составляющей авторского осмысления гендерных отношений и гендерных категорий, являются неотъемлемой составляющей коммуникативного пространства блогов Морены Морана.

В настоящее время материалы дневников, размещенных на платформах LiveJournal и Яндекс.Дзен, являются практически идентичными, соответственно, дублируются и иллюстрации к статьям. Однако при этом сама организация гипертекстового пространства Яндекс.Дзен способствует тому, что визуальная составляющая становится более значимой. При просмотре канала с мобильного устройства изображение занимает половину экрана, если же доступ осуществляется с персонального компьютера, то перед пользователем предстает матрица из последних публикаций, при этом половина каждой ячейки отводится визуальному тексту, в следствие этого реципиенту становится доступной цветовая гамма блога: доминирующие теплые оранжевые, красные, рыжевато-коричневые краски.

Дневник на платформе LiveJournal постепенно взрослеет и развивается вместе с автором. Ранние посты рассчитаны на аудиторию завсегдатаев успешного стать легендарным Живого Журнала, они не имеют ярко выраженной предметно-аудиторной направленности, связанной с полом читателей, в них нередко поднимаются интимные вопросы, приводятся рассуждения о границах приемлемого и запретного в сексе, публикуется авторская реклама товаров секс-шопов, однако в большинстве постов все же осмысливается не столько интимный, сколько социальный и психологический аспекты отношений между мужчинами и женщинами, при этом уже тогда автор стремится к выявлению закономерностей в наблюдаемой социальной реальности. В дальнейшем социальная составляющая становится все более ощутимой, тематика блога эволюционирует от сексуального к гендерному, при этом фокус внимания

сосредотачивается именно на женщине, что не может не влиять на выбор изображений, иллюстрирующих посты.

Контент-анализ отобранных 696 иллюстраций позволяет получить следующие результаты. Люди являются главными персонажами 679 визуальных текстов, что составляет 97,6 % от общей выборки. Остальные изображения тем или иным образом связаны с человеческой повседневностью и социальной жизнью: это фотографии городских улиц, домов, гостиниц, накрытого новогоднего стола и т.д. Женщина присутствует в 610 иллюстрациях (87,6 %), мужчина – в 195 (28 %), причем 126 единиц (18 %) представляют собой изображение мужчины и женщины, где в центре кадра находится именно женщина, 39 (5,6 %) элементов – визуальная репрезентация счастливого супружества или романтического союза, 87 (12,5 %) единиц – изображение ссоры, разлада и даже семейного насилия. В качестве главного персонажа мужчина представлен в 69 визуальных текстах (чуть менее 9 % от общей выборки). В отличие от гляцевых женских журналов и рекламных текстов, демонстрирующих утрированную фемининность как единственную одобряемую форму женственности, соответствующую стереотипным представлениям о молодости, ухоженности и стандартной привлекательности, рассматриваемый блог содержит неоднотипные визуальные женские образы. Героинями иллюстраций становятся женщины всех возрастов: неповзрослые девочки – 20 изображений (2,9 %), молодые девушки до двадцати или чуть старше двадцати лет – 135 (19,4 %), женщины средних лет – 269 (38,4 %), женщины старшего возраста и пожилые женщины – 65 (9,3 %), – при этом в 121 (17,4 %) визуальном тексте женщина изображена так, что определение возраста оказывается невозможным (съемка со спины, закрытое лицо и т.д.), поскольку важным является указание на обобщенную фемининность, не связанную с возрастом и красотой. Внешний облик героинь также имеет существенные отличия от образов, ретранслируемых гляцевыми изданиями и рекламой косметических средств. Нередко это чуть полноватые или даже откровенно полные женщины, обладающие естественной красотой, как правило, у них растрепанные волосы с природным завитком и непрокрашенной сединой. Часто женщина изображается в динамике, идущей куда-то и смотрящей, как в репортажной съемке, мимо кадра.

Стоит обратить внимание на то, где и в каком окружении репрезентируется женщина. В 126 (18 %) случаях она изображена вместе с мужчиной, при этом, как правило, это супруг или партнер. Нет ни одной иллюстрации, где бы ее сопровождал отец или взрослый сын, но есть несколько текстов, в которых содержится образ stalkера, преследующего жертву. Счастливые отношения показаны в 39 (5,6 %) текстах, в 87 (12,5 %) – семейные ссоры (в том числе и с физической агрессией со стороны партнера), разлад, разъединение и т.д. В 61 (8,8 %) элементе женщину окружают другие женщины: мать, дочь, бабушка, подруги, коллеги, реже – соперницы, – в 37 (5,3 %) домашних животные, также в 37 (5,3 %) дети. В трех последних случаях преобладают позитивные ситуации, в которых проявляются нежность, радость, партнерство, с лиц изображаемых женщин считываются положительные эмоции. Что касается окружающего фона, то достаточно часто женщина оказывается в городской среде (120 элементов, что составляет 17,24 % от общей выборки), несколько реже – на фоне природы (110 элементов, 15,8 %), при этом следует отметить, что это самые позитивные иллюстрации, показывающие счастливую, раскрывающуюся, почти магическую фемининность. Чаще всего женщина находится в домашнем интерьере (178 элементов, что составляет 25,6 % от общей выборки). Эти тексты можно разделить на три подгруппы: во-первых, женщина на кухне или занятая хозяйственными делами (уборкой, мытьем полов и т.д.) (47 единиц, 6,75 %); во-вторых, женщина в домашней

обстановке, связанной с расслаблением, удовольствием и чувственностью (в кресле, на диване, в постели, в ванной и т.д.) (76 элементов, 10,9 %); в-третьих, изображения дома как враждебной, чуждой, холодной и даже угрожающей среды (55 визуальных текстов, 7,9 %). В двух подгруппах присутствуют отсылки к гендерным стереотипам о семейной и социальной фемининной роли, а в третьей осуществляется попытка визуализировать представления о враждебности дома и быта по отношению к женщине.

Ярко выражен контраст между визуализированными образами маскулинности и фемининности. Мужчина значительно чаще демонстрируется в контексте отношений с женщиной, чем сам по себе. Одиночные изображения лиц мужского пола, как правило, либо достаточно неприглядны, либо вызывают ассоциации с одиночеством: герои иллюстраций повернуты спиной к читателю, они закрывают входные двери, катят или несут чемоданы. При этом в вербальном тексте речь может идти о жизненных трудностях, с которыми сталкиваются жены и матери, о женском одиночестве в семье, о чрезмерных требованиях, предъявляемых к женщине как мужчинами, так и обществом в целом. Вероятно, изображения уходящих или уезжающих мужчин отсылают и к актуальной социальной ситуации, при которой нередко мужья релоцируются, оставляя семью наедине с необходимостью выживать. Стоит отметить и то, что в 2022 г. есть иллюстрации, показывающие женщину в окружении семьи, в то время как в 2023 – 2024 гг. таких изображений нет, исключения составляют несколько фотографий похожих друг на друга женщин разных поколений, т.е. семей, состоящих из матери и дочери или матери, дочери и внучки, однако мужчин в таких семьях нет. И все чаще и чаще в смысловом пространстве визуальных текстов женщина остается одна.

Характерной особенностью иллюстраций блогов Морены Морана является их динамичность и сюжетность, фиксируемые в единственном кадре. Изображение запечатлевает некую типичную сцену, как бы выхваченную из ряда событий: семейную ссору, уход или отъезд мужчины, попытку убежать от преследователя или спрятаться от него в укромном месте. Подобные тексты представляют собой визуализацию одного из вариантов женского нарратива, тяготеющего к типичности, универсальности и даже мифологичности, при этом в самих статьях нередко приводятся традиционные вербальные нарративы. Так, например, публикация, сделанная 27 января 2024 г., озаглавлена следующим образом: *Один нюанс, который смущает меня в рассказах про плохих жен* [21]. В основном тексте речь идет о злоупотреблении алкоголем как об одной из самых частотных причин распада семей, а также о всеобщем представлении, согласно которому в алкоголизме мужчины зачастую его супруга, склонная к истерикам, жестокости и провокационному поведению. Автор возмущается по поводу того, что общество осуждает женщин, решившихся на развод из-за пьянства мужа, и пишет следующее: *Еще совсем недавно формулой крепкого брака считалось классическое «не пьет – не бьет». Этой незамысловатой формулы, конечно, не достаточно в наши дни. Сегодня для счастья нужно гораздо больше: понимание, взаимопомощь, общие цели... Меня удивляет другое. Что даже на эту жалкую формулу, на этот последний рубеж женской самозащиты умудряются покуситься* [21]. Иллюстрирует блогпост фотография неопрятного мужчины средних лет, спускающегося по ступенькам жилого дома. Мужчина несет в руках большие картонные коробки, за его спиной – закрытая входная дверь и потертые стены. Нарративный характер визуального текста состоит в его легко опознаваемой сюжетности, это фрагмент повествования о регулярно повторяющейся во многих семьях жизненной ситуации, при этом остальные части повествования восстанавливаются из основного вербального текста. Изображение можно трактовать и как символ мужского ухода, отказа от семьи, отстранения от неё.

Визуальный текст подводит читателя к мысли о том, что именно мужчина, начиная пить, уходит из семьи. В качестве иллюстрации к блогпосту, размещенному 23 января 2024 г. под заголовком «*И снова о женщинах-сэндвичах. А ведь они были всегда...*», используется фотография, на которой изображена тучная женщина средних лет в огромном красном пуховике, идущая с огромными пакетами в руках по заснеженной улице [20]. Вербальный текст начинается с выделенного курсивом эпиграфа. Автор цитирует анонимного комментатора, рассуждающего о судьбе типичной русской женщины: «*Ох, уж эти тетки! А превратится в одну из них легко, даже не заметишь. Достаточно длительный период существовать на пределе возможностей, думая, как выжить и при этом не сойти с ума*». Комментарий к какой-то статье «*Как не превратиться в тетку*» [20]. Эпиграф расположен таким образом, что он не просто предваряет основной текст, но и выступает в качестве подписи к иллюстрации. Становится очевидным, что женщина на фотографии – это одна из таких теток. Название поста остается не вполне понятным из-за специфической метафорической номинации *женщина-сэндвич*. Основной текст материала посвящен типичной для нашего общества ситуации, при которой женщина вынуждена одновременно ухаживать за немощными родителями или/и свекрами и воспитывать детей, заботясь при этом не только о бытовом комфорте старших и младших, но и об их финансовом благополучии. Морена Морана вспоминает американское социологическое исследование 1981 г., в котором люди от 45 до 65, оказавшиеся в подобном положении, метафорически обозначаются как «поколение сэндвичей» (*sandwich generation*). Автор обращается к отечественным реалиям и обнаруживает, что в недавней российской истории было несколько таких поколений, однако при этом «сэндвичами» традиционно становятся женщины, а в особо тяжелые времена (послевоенные и перестроечные годы) это не просто сэндвичи, а «суперсэндвичи». Становится очевидным, что изображенная на фотографии некрасивая безвкусно одетая «тетка» с кислым выражением лица – типичная русская *женщина-сэндвич*. В тексте приводится несколько историй о терпении и самопожертвовании женщин, сумевших в критической ситуации в одиночку обеспечить своей семье возможность выжить. Автор последовательно переходит от конкретного визуального образа, представленного на иллюстрации, к женским историям разных времен, которые складываются в единый нарратив о повседневном подвиге русской женщины.

Отдельное внимание следует уделить специфике цветовых репрезентаций маскулинности и фемининности в визуальной составляющей блога. Как правило, иллюстрации, артикулирующие образы женственности, оформлены в теплых тонах. Нередко героини Морены Морана рыжеволосы, зачастую они одеты в одежду красного цвета, причем это может быть как выцветший красновато-бордовый или золотисто-оранжевый, так и захватывающий внимание цвет артериальной крови. Во многих визуальных текстах очевиден контраст между оттенками красного хроматического спектра, которые используются при оформлении женской фигуры, и холодными цветами окружающей реальности: белым, голубым, серовато-синим, – символизирующими холодность и равнодушие мира по отношению к женщине. Красное женское контрастирует также с визуальными репрезентациями маскулинности, представленной в сером, синем, голубом и черном оформлении, причем эта цветовая гамма перекликается с содержанием блогпостов, в которых говорится о мужском равнодушии, безучастности или, напротив, жестокости.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, считаем необходимым отметить следующее. Категория фемининности является основной смысловой и ценностной доминантой семантического пространства блогов Морены Морана, что

позволяет квалифицировать их как феминно ориентированные. Визуальные репрезентации женских образов далеки от визуальных практик женского глянца и рекламы товаров для женщин и максимально приближены к обыденности и повседневности, при этом мужские образы вторичны, они появляются в связи с необходимостью осмысления вопросов, касающихся женщин. Визуальные тексты блогов не только дополняют и подкрепляют основные статьи, но и воссоздают эмоции, сопровождающие женщину в ее жизненных коллизиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бец Ю.В. О некоторых лексических особенностях новостных мемов / Ю.В. Бец // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. – СПб.: Медиапэпир, 2023. – 808 с. – С. 24–28.
2. Блинова О.А. Манипулятивный потенциал мультимодального медиатекста (на материале американской политической карикатуры) [Электронный ресурс] / О.А. Блинова // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 1 (37). – Режим доступа: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.16>. – <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.16> (дата обращения: 25.03.2024).
3. Вашунина И.В. Креолизация текста как тактика в рамках манипулятивной стратегии / И.В. Вашунина, В.А. Ильина // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2020. – № 4. – С. 232–242 <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-4-1036>.
4. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М.Б. Ворошилова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. – 193 с.
5. Захаров Р.И. Лингвосомиотические механизмы формирования манипулятивного потенциала поликодовой номинации в рекламном дискурсе / Р.И. Захаров // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 9. – С. 162–183 <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-162-183>.
6. Иванова О.Л. Психологические особенности визуальных текстов и композиций / О.Л. Иванова // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2018. – № 3 (63). – С. 44–48.
7. Карпова Е.А. Реализация визуальной герменевтики в образовании / Е.А. Карпова, Т. И. Дрынкина // Вестник педагогических инноваций. – 2018. – № 1. – С. 77–86.
8. Коломейцева Е.Б. Визуальный нарратив как средство преодоления языковой тревожности в преподавании РКИ студентам из стран Азии / Е.Б. Коломейцева, А.В. Зацепин // Национальная ассоциация ученых. – 2022. – № 85. – С. 50–53.
9. Коломейцева Е.Б. Визуализация на уроках РКИ / Е.Б. Коломейцева, А.П. Матвеев // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2023. – № 1. – С. 41–47.
10. Кузьмина Е.О. Креолизация как инструмент обучения русскому языку как иностранному на начальном этапе / Е.О. Кузьмина // Проблемы современного образования. – 2020. – № 3. – С. 162–171 <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-3-162-171>.
11. Курашинова А.Х. Клиповое мышление и его влияние на качество когнитивной деятельности слушателей в условиях профессионального обучения / А.Х. Курашинова, Л.А. Бураева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – Вып. 72. – Ч.3. – С. 200–202.
12. Леонович Я.В. Феномен визуальной коммуникации в современной интернет-среде / Я.В. Леонович // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 1. – С. 72–78 <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-1-72>.
13. Свиридова А.В. Креолизованный текст как средство формирования билингвизма у студентов педвуза / А.В. Свиридова, Е.Ю. Никитина // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2020. – № 3. – С. 197–217 <https://10.25588/CSPU.2020.156.3.012>.
14. Симбирцева Н.А. Визуальный текст как явление современной культуры / Н.А. Симбирцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (33): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 183–185.
15. Симбирцева Н.А. Интерпретация визуального в условиях современной культуры / Н.А. Симбирцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (88). – С. 34–36.

16. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А.В. Федоров. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. – 64 с [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://didacts.ru/termin/tekst-vizualnyi.html> (дата обращения: 30.04.2024).

17. Часовский Н.В. Визуализация общения в сети Интернет (на материале креолизованных мемов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н.В. Часовский. – Челябинск, 2022. – 22 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Морена. Женский вопрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://morena-morana.livejournal.com/> (дата обращения: 30.04.2024).

19. Морена Морана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/morena> (дата обращения: 30.04.2024).

20. Морена Морана. И снова о женщинах-сэндвичах. А ведь они были всегда... [Электронный ресурс] / Морена Морана // Морена. Женский вопрос. – Режим доступа: <https://morena-morana.livejournal.com/?skip=100> (дата обращения: 30.04.2024).

21. Морена Морана. Один нюанс, который смущает меня в рассказах про плохих жен [Электронный ресурс] / Морена Морана // Морена. Женский вопрос. – Режим доступа: [<https://morena-morana.livejournal.com/?skip=90>] (дата обращения: 30.04.2024).

REFERENCES

1. Bets, YU. V. (2023) O nekotoryh leksicheskikh osobennostyakh novostnyh memov [Lexical features of news memes], In: L. R. Duskaeva, A. A. Malyshev (Ed.), *Medialingvistika. – Vyp.10. Yazyk v koordinatah massmedia [Medialinguistics. – Iss. 10. The language in the coordinates of Mass media]* (pp. 24–28). Saint Petersburg: Mediapapir. (In Russian)

2. Blinova, O. A. (2023) Manipulyativnyj potencial mul'timodal'nogo mediateksta (na materiale amerikanskoj politicheskoy karikatury) [The manipulative potential of a multimodal media text (on the material of american political caricature)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 1 (37). (In Russian)

3. Vashunina, I. V., Il'ina, V. A. (2020) Kreolizaciya teksta kak taktika v ramkah manipulyativnoj strategii Rossijskij social'no-gumanitarnyj zhurnal [Russian socio-humanitarian journal], 4, 232–242. (In Russian)

4. Voroshilova, M.B. (2013) Politicheskij kreolizovannyj tekst: klyuchi k prochteniyu [Political creolized text: keys to reading] *Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta.* (In Russian)

5. Zakharov, R. I. (2023) Lingvosemioticheskie mekhanizmy formirovaniya manipulyativnogo potenciala polikodovoj nominacii v reklamnom diskurse [Linguosemiotic Mechanisms of Manipulative Potential Formation in Polycoded Nomination in Advertising Discourse]. *Nauchnyi dialog*, 12 (9), 162–183. (In Russian)

6. Ivanova, O. L. (2018) Psihologicheskie osobennosti vizual'nyh tekstov i kompozicij [Psychological aspects of visual texts and compositions]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologij upravleniya i ekonomiki*, 3 (63), S. 44–48. (In Russian)

7. Karpova, E. A., Drynkina, T. I. (2018) Realizaciya vizual'noj germenевtiki v obrazovanii [The visual hermeneutics realization in education] *Vestnik pedagogicheskikh innovacij*, 1, 77–86. (In Russian)

8. Kolomejceva, E. B., Zacepin, A. V. (2022) Vizual'nyj narrativ kak sredstvo preodoleniya yazykovoj trevozhnosti v prepodavanii RKI studentam iz stran Azii [Visual narrative as a means of language anxiety withdrawal in Russian as foreign teaching for asian students]. *Nacional'naya asociaciya uchenyh*, № 85, 50–53. (In Russian)

9. Kolomejceva, E. B., Matveev, A. P. (2023) Vizualizaciya na urokah RKI [Visualization in RFL Lessons], *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*, 1, 41–47. (In Russian)

10. Kuzmina E. O. (2020) Kreolizaciya kak instrument obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu na nachal'nom etape [Crealization as a tool to teach Russian as a foreign language for beginners], *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 3, 162–171. (In Russian)

11. Kurashinova, A. H., Buraeva, L. A. (2021) Klipovoe myshlenie i ego vliyanie na kachestvo kognitivnoj deyatel'nosti slushatelej v usloviyah professional'nogo obucheniya [Clip thinking and its influence on the quality of listeners' cognitive activity in vocational training conditions], *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 72, 3, 200–202. (In Russian)

12. Leonovich, YA. V. (2019) Fenomen vizual'noj kommunikacii v sovremennoj internet-srede [Visual communication phenomenon in modern Internet sphere], *Intellekt. Innovacii. Investicii*, 1, 72–78. (In Russian)

13. Sviridova, A. V., Nikitina, E. YU. (2020) Kreolizovannyj tekst kak sredstvo formirovaniya bilingvizma u studentov pedvuza [Creolized text as a means for forming bilingualism in pedagogical university students], Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, 3, 197–217. (In Russian)

14. Simbirceva, N. A. (2013) Vizual'nyj tekst kak yavlenie sovremennoj kul'tury [Visual text as phenomenon of modern culture], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 7 (33), Part I., 183–185. (In Russian)

15. Simbirceva, N. A. (2014) Interpretaciya vizual'nogo v usloviyah sovremennoj kul'tury [Interpretation of the visual in the conditions of the modern culture], Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, № 3 (88), 34–36. (In Russian)

16. Fedorov, A. V. (2010) Slovar' terminov po mediaobrazovaniyu, mediapedagogike, mediagramotnosti, mediakompetentnosti [Glossary of terms in mediaeducation, mediapedagogics and mediacompetence]. Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. ped. in-ta. (In Russian)

17. Chasovskij, N. V. (2022) Vizualizaciya obshcheniya v seti Internet (na materiale kreolizovannyh memov). Chelyabinsk, Chelyabinsk State University.

Поступила в редакцию 08.05.2024 г.

MASCULINITY AND FEMININITY VISUAL REPRESENTATION IN BLOGS OF MORENA MORANA

E.V. Balyunis, E.V. Shirina

The article regards visual content of the internet diaries created by the one of the most popular Runet authors. The aim is to reveal and to describe specific features of visual representation of masculinity and femininity as key gender categories in blogging. The study is based on the material of 696 visual texts used to illustrate the posts published in the period between 14.03.2022 and 14.03.2024 in the blog «Morena. Female question». The methods of semantic and discourse analysis, as well as qualitative and quantitative content analysis are applied. The research reveals that the female image is found in 610 illustrations (87,6 %), while the masculine image is used in only 195 illustrations (28 %). A man is shown as the main character only in 69 (9 %) visual texts. Visual representations of happy marriage are not so frequent as pictures of family quarrels and scenes of domestic violence. The non-one-type and non-stereotyped femininity visualization is typical of the blogs under analysis. The conclusion is made that the category of femininity constitutes the principle axiological dominant in the semantic space of the blogs under discussion, which allows to qualify them as feminine-oriented.

Ключевые слова: visual content, visual text, visual narrative, feminine-oriented blogging, femininity, masculinity.

Балюнис Евгения Владимировна.

Кандидат филологических наук.

Южный федеральный университет.

Доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся.

ORCID 0000-0003-2521-1026.

E-mail: evakallas@sfedu.ru

Ширина Елена Владимировна.

Доктор филологических наук, доцент.

Южный федеральный университет.

Заведующий кафедрой теории и практики массовой коммуникации.

ORCID 0009-0004-0728-6037.

E-mail: evshirina@sfedu.ru

Balyunis Evgeniia Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Southern Federal University.

Associate Professor of the Russian Language for Foreign Students Department.

ORCID 0000-0003-2521-1026.

E-mail: evakallas@sfedu.ru

Shirina Elena Vladimirovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Southern Federal University.

Head of the Mass Communication Theory and Practice Department.

ORCID 0009-0004-0728-6037.

E-mail: evshirina@sfedu.ru

Научная статья
УДК 81:3 9+811.134.2
DOI: 10.5281/zenodo.11403341

ИСПАНСКИЕ КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ КАК ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2024 С.Н. Безус¹, Н.С. Варфоломеева²

¹⁻²Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет»

¹ORCID 0000-0001-7051-1533.

²ORCID 0000-0002-6970-6875.

Статья посвящена испанским колыбельным песням, их месту и роли в культуре испанского народа. Цель работы – выявить и описать этнические и лингвокультурные особенности испаноязычных колыбельных песен. Цель работы обусловила использование комплексной *методики* исследования, включающей метод контекстуального анализа, описательный метод и интерпретационно-текстовый анализ. *Результаты*: в результате анализа, с одной стороны, были определены формальные признаки колыбельных песен, так называемые универсалии (вербальный, невербальный и паравербальный компоненты); с другой, выделены специфические черты, присущие только испанской колыбельной песне (особые рефрены, герои, сюжеты, сравнения), тематический компонент, лексический состав, морфологические и синтаксические признаки. *Практическая значимость*: результаты исследования могут быть использованы при изучении национально-культурной специфики песенного фольклора Испании и других испаноговорящих стран.

Ключевые слова: испанский язык, колыбельная песня, жанр, фольклор, национально-культурная специфика, культурный код.

Для цитирования: Безус С.Н. Испанские колыбельные песни как этнолингвокультурный феномен / С.Н. Безус, Н.С. Варфоломеева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 33–41. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11403341>.

Введение. Колыбельные песни как древнейший феномен культуры являются сокровищницей традиционных ценностей и обычаев того или иного народа, которые тесно связаны со всеми элементами этнокультуры. Колыбельные песни на разных языках всегда вызвали неподдельный интерес у исследователей фольклора. Предметом исследований становились различные культурные и языковые доминанты колыбельных песен: на аварском языке [5]; адыгейском языке [2]; английском языке [1, 3]; калмыцком языке [9]; киргизском языке [8]; немецком языке [7]; русском языке [1]; узбекском языке [3] и др.

Цель настоящей статьи – заполнить языковой пробел, касающийся испанского языка, а именно, выявить универсальное и специфическое в испанских колыбельных песнях. Предмет исследования – структурно-композиционные, содержательно-тематические и языковые черты испаноязычных колыбельных песен.

Методы и материал исследования. Цель и характер описываемого материала определили выбор методов исследования: описательный, позволяющий передать особенности организационной структуры колыбельной песни на разных уровнях; интерпретационно-текстовый анализ и метод контекстуального анализа, позволяющие выявить лексико-тематические группы, культурные доминанты, найти лексические

эквиваленты при переводе с испанского языка на русский. Исследовательский корпус составил порядка 150 крупно и малоформатных текстов испанских колыбельных песен.

Исследовательские результаты и их интерпретация.

1. Место и роль колыбельной песни в национальном сознании

Колыбельная песня – представляет собой архаический жанр народной песни, которая, в свою очередь относится к музыкально-поэтическому жанру фольклора. Как утверждает Э. Гомолька, квалифицировать колыбельные песни как тексты детского фольклора не вполне справедливо, поскольку они создаются не детьми, а взрослыми людьми для детей [13, р. 14].

Жанр колыбельной песни сложен и многофункционален. С одной стороны, на них возложена достаточно простая первичная утилитарно-бытовая функция – укачать и усыпить ребенка. С другой стороны, являясь многослойным образованием, колыбельные песни выполняют информативную, личностно-психологическую, педагогическую, эстетическую и даже магическо-охранительную функции. Так, например, А.Н. Мартынова указывая на древнее происхождение колыбельных песен, считает, что они произошли из охранительных заговоров, которые должны были защитить ребенка от бессонницы, болезней, действий враждебных сил и т.п. При этом, автор выделяет три основных функции колыбельных: *успокоительную, воспитательную и эстетическую* [6, с. 101].

Испанский поэт Федерико Гарсия Лорка, рассуждая в своей лекции о колыбельных песнях, говорил, что цель европейских песен одна – убаюкать ребенка: «Таковы в особенности французские и немецкие песни [...]. В русских колыбельных [...] сквозит надрывная славянская тоска – скула и даль, – неразлучная со всей их музыкой, но в этих песнях нет незамутненной, крутой и бурной простоты наших. Ребенок может свыкнуться с печалью русской колыбельной, как с непогодой за окном, но испанской печали ребенку не одолеть» [4].

Испанская же колыбельная, по словам Ф.Г. Лорки, служит *«не для того, чтобы разнежить засыпающего, но чтобы окунуть его в суровую действительность, пропитать его страстной горечью мира. И слово колыбельной гонит сон, обрывает его спокойное течение. Стихи тревожат, нагоняют страх, мучат, и мгlistая рука мелодии вновь и вновь умирят и гладит одичалых лошадок, вздыбленных перед испуганным детским взором»* [4].

2. Структура колыбельной песни

В структуре колыбельной песни, как правило, прослеживаются три универсальных компонента:

- **вербальный** компонент, выполняющий информативную функцию и представляющий собой словесную репрезентацию сюжета: как картину мира этноса, так и индивидуальную картину мира автора;

- **невербальный** компонент, включающий в себя телодвижения при укачивании ребенка в ритм колыбельной песни;

- **паравербальный** компонент, представляющий собой музыкальное сопровождение, различные убаюкивающие звуки.

Неизменно, у всех народов колыбельная не требует каких-то инструментов для ее исполнения, достаточно лишь голоса. В соответствии с основной стратегией колыбельной песни – укачивание, успокаивание, убаюкивание и усыпление ребёнка – в ней, как правило, нет резких звуков. Звуки в рефренах по своим акустико-физическим характеристикам не резкие, а мелодичные и звучные, по фонологическим характеристикам – в основном гласные, сонорные и мягкие согласные.

Однако последний компонент имеет свое национально-специфическое воплощение в некоторых испанских колыбельных – особое гитарное сопровождение, характеризующееся скорее надрывной, нежели успокаивающей мелодией.

Такая многослойная организация дает основание говорить о колыбельной песне как об особом *креолизованном* тексте.

Среди произведений данного жанра выделяются различные типы. Так, в классификацию А.Н. Мартыновой входят: 1) императивные песни; 2) повествовательные песни; 3) песни – заимствования из других жанров; 4) песни литературного происхождения [6, с. 103]. Э. Гомолька различает колыбельные по форме речи: песни-диалоги и песни-монологи [13, р. 15]. С точки зрения интенции, анализируемый в данной работе языковой материал позволяет выделить следующие разновидности испанских колыбельных:

- песни-легенды/сказки (основные темы: выражение матерью любви и заботы к своему ребенку; повествование о животных, птицах, растениях, природе);

- песни-заговоры (содержащие призыв ко сну);

- песни-молитвы (в которых прослеживается обращение к религиозной тематике);

- песни-страшилки – *asustaniños* – (которые запугивают и поучают ребенка). В подобных колыбельных женщина ругала малыша за то, что тот не хочет спать и пугала вымышленными отрицательными персонажами.

Песни-страшилки стали причиной появления в детской фантазии мифического чудовища-призрака *коко* (ср. в русской лингвокультуре: *бабайка*). Ср. [11]:

<i>Duérmete, mi niño, que viene el coco y se lleva a los niños que duermen poco.</i>	Засыпай, моя детка, а то придет КОКО и заберет с собой деток, которые мало спят.
--	--

<i>Duérmete, niño, duérmete ya que viene el coco y te comerá.</i>	Засыпай, моя детка, засыпай уже, а то придет КОКО и тебя съест. (<i>Здесь и далее перевод с испанского языка выполнен авторами – С.Б. и Н.В.</i>)
---	---

Данному персонажу посвящена картина знаменитого испанского художника Франсиско Гойи *Qué viene el Coco*, что буквально означает «Идет Коко» (в русском переводе встречается версия «Идет баба-яга»). Как правило, *коко* изображается в виде человеческой фигуры, лица которого не видно (см. Приложение).

Мифические персонажи колыбельных песен меняются в зависимости от региона Испании. Так, например, в Андалусии – это *el bute* и *la marimanta*, на юге – *el toro*, *la mora*, *la reina mora*; в Кастилии – *la loba*, *la gitana*; в Бургосе – *la aurora*.

В составе вербального компонента испанских колыбельных обращают на себя внимание рефрены, которые сопровождают укачивание ребенка. Подобные слова и звуки не имеют аналога в русском языке (типа «баю бай») и практически не поддаются переводу: *aruru*, *arrorró*, *ruru*, *roro*, *ea-ea*, *na-na*, *no-no* и т.п. Espeland называет их “*palabrerías*” (букв.: «болтовня, пустословие») [Цит. по 13, р. 19].

Ср.:

- *Aruru mi niño, aruru mi amor*

- *Que está en la cuna*

Ea la nana

Ea la nana

- *Arrorró, mi niño, arrorró, mi Sol*

Arrorró pedazo de mi corazón

- *La Lechuza hace shhh, hace shhh*

- *Nanarina nai nai*

- *Y no se estira ira ira se sacude*

Другой вербальный элемент в структуре испанской колыбельной – это обращение к ребенку. Оно репрезентируется не только прямыми наименованиями, типа «детка/мальш»: *criatura, niño/a, bebido, bebé, pequeño*; но и специфическими метафорическими образами: *mi amor* «моя любовь», *pedazo de mi corazón* «кусочек моего сердца», *mi dulce* «мой сладкий», *mi capullo de nardo* «мой бутон туберозы», *lucero de la mañana* «утренняя звездочка», *mi dulce compañía* «моя сладкая/милая компания».

3. Лексические характеристики испанских колыбельных

Через колыбельную песню ребенок усваивает первичный словарный запас, без которого невозможны познание окружающего мира и развитие мышления. Именно поэтому введение в песню слов-понятий ограничено. Характерные признаки колыбельных песен – это смещение стилистических элементов, отрывочная передача события, пренебрежение логикой и точностью информации. Тексты колыбельных песен как бы сотканы из существительных и глаголов.

С лексической точки зрения в текстах испанских колыбельных различаются следующие основные лексико-тематические группы (ЛТГ):

1. ЛТГ «животные»: *cerdo* «свинья», *corcel* «конь», *vaca* «корова», *cerdito* «поросенок», *borreguito* «барашек, овечка», *lobo* «волк», *gato/a* «кот, кошка». Ср.:

Cinco lobitos

tiene la loba,

cinco lobitos

detrás de la escoba.

Пять волчат

есть у волчицы,

пять волчат

(прячутся) за метлой.

2. ЛТГ «птицы»: *patos* «утки», *lechuza* «сова», *ruiseñor* «соловей», *colibrí* «колибри», *pájaro* «птица», *gallina* «курица», *gorrión* «воробей», *pollito* «цыпленок», *paloma* «голубь».

3. ЛТГ «насекомые»: *mariposa* «бабочка», *abeja* «пчела», *alas* «крылья».

4. ЛТГ «вода»: *pez* «рыба», *mar* «море», *fuente* «фонтан», *laguna* «лагуна», *agua* «вода».

5. ЛТГ «родство»: *madre/mamá* «мама», *padre* «папа», *marido* «муж», *mujer* «жена».

6. ЛТГ «флоронимы»: *rosa* «роза», *jazmín* «жасмин», *selva* «лес», *pétalos* «лепестки», *flores* «цветы», *hoja* «лист», *espiga* «колос», *maíz* «кукуруза», *trigo* «пшеница».

7. ЛТГ «небесные тела»: *luna* «Луна», *cielo* «небо», *estrella* «звезда», *nubes* «облака». Ср.:

Dulces sueños

la luna le dará

para que mi ángel

pueda descansar, feliz, feliz

Сладкие сны

Луна подарит ему,

чтобы мой ангел

мог счастливо отдохнуть

y con las estrellas mi ángel jugará. и со звездами мой ангел будет играть.

8. ЛТГ «**религия**»: *ángel* «ангел», *dios* – Бог, *María* – Дева Мария, *Jesús* – Иисус, *Josef* – Иосиф, *santo* «святой»; *infierno* «ад, преисподняя». Ср.:

*Ángel de la guarda
mi dulce compañía
no me desampares
ni de noche ni de día*

Ангел-хранитель
составь мне компанию
не оставляй меня
ни ночью, ни днем

*Manita-tuerta
Llega a tu puerta.
Si no me lo das,
Al infierno te vas*

Одноглазая Манита
Приходит к твоей двери.
Если ты мне это не дашь,
Попадешь в преисподнюю.

9. ЛТГ «**погода**»: *nieve* «снег», *sol* «солнце», *lluvia* «дождь», *viento* «ветер».

10. ЛТГ «**время суток**»: *día* «день», *noche* «ночь», *candela* «свеча», *luz* «свет», *mañana* «утро», *tarde* «вечер», *sueño* «сон».

11. ЛТГ «**ребенок**»: *cuna* «колыбель», *cama* «кровать», *juguete* «игрушка», *sonajero* «погремушка», *niño/a* «ребенок», *hijo/a* «сын/дочь», *guagua* «мальш».

12. ЛТГ «**части тела**»: *mano* «рука», *ojo* «глаз», *boca* «рот», *cara* «лицо», *corazón* «сердце».

13. ЛТГ «**профессии**»: *doctor* «доктор», *carpintero* «плотник», *pastor* «пастух».

14. ЛТГ «**город**»: *calle* «улица», *jardín* «сад», *carro* «машина», *coche* «машина».

15. ЛСГ «**дом**»: *almohada* «подушка», *ventana* «окно».

16. ЛСГ «**чувства/эмоции**»: *amor* «любовь», *alegría* «радость».

Ср.:

*Porque mañana será otro día
Hay que vivirlo con alegría.*

Завтра будет другой день
Нужно прожить его весело (с радостью).

17. ЛСГ «**мифические существа**»: *coco* «Коко», *cisnu*, *brujo* «ведьма», *Mariquintana* «Марикинтана», *Manita tuerta* (миф. существо), *Cancón* «Канкон».

Единичными понятиями можно считать: *gitano/a* «цыган/ка», *tierra* «земля», *canCIÓN* «песня», *raz* «мир», *música* «музыка», *mundo* «мир», *beso* «поцелуй», *oro* «золото», *plata* «серебро».

Среди наиболее часто употребляемых глаголов в текстах испанских колыбельных песен можно выделить глаголы, связанные со сном/отдыхом, с одной стороны, и бодрствованием/игрой, с другой стороны: *acostarse* «ложиться спать», *dormir* «спать», *cerrar* (ojos) «закрывать» (глаза), *soñar* «видеть сны», *llorar* «плакать»; *despertar/despertarse* «будить/ просыпаться», *jugar* «играть», *decir* «говорить», *cantar* «петь». Ср.:

- *Llegó la hora de acostarse y soñar también.* – Пришло время ложиться спать и видеть сны.

4. Морфологические характеристики испанских колыбельных

С морфологической точки зрения в испанские колыбельные песни характеризуются следующими чертами:

- употреблением слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *fresquita*

«прохладненький», *colita* «хвостик», *patitos* «утята», *carita* «личико», *despacito* «медленно» и т.д. Ср.:

- *El más pequeño de los tres, un cochinito, lindo y cortés.* – Самый маленький из трех, маленький поросенок, милый и вежливый.

- *Estrellita, dónde estás? / Me pregunto quién serás.* – Звездочка, где ты? Интересно (букв.: я спрашиваю себя), кто ты?

• употреблением форм повелительного наклонения 2-го лица ед.ч.: *duerme* «спи», *no despiertes* «не буди», *no tengas temor* «не бойся» и т.п. При этом повеление может быть адресовано как ребенку, так и другим существам. Ср.:

- *Despacito duérmete como la abeja en la flor.* – Засыпай спокойно, как пчела на цветке.

- *Pajarito que cantas, / No despiertes al niño / Que está en la cuna.* – Маленькая птичка, что поет, **не буди** ребенка, который в колыбели.

- *Cállate que mi niño no se despierte.* – **Замолчи**, чтобы мой ребенок не проснулся
• употреблением неличных форм глагола (деепричастий): *llorando pedía* «плача, просила она», *estrellas nadando* «звезды, плавая», *meciendo los ojitos* «качая глазками». Ср.:

- *Por el cielo / la luna viene brillando, / pa velar a mi niño / que está soñando.* – По небу плывет луна, блистая, чтобы присмотреть за моим ребенком, который спит/ видит сны.

5. Синтаксические характеристики испанских колыбельных

В испанских колыбельных наиболее часто встречаются следующие типы предложений:

• Повелительные:

- *Vete ya, lobo malo, que el nene duerme. Márchate despacito, que no se despierte.* – Уходи, плохой волк, ведь ребенок спит. Уходи медленно, чтобы он не проснулся.

- *Ruiseñor que en la selva cantando llora, calla mientras la cuna se balancea.* – Соловей, поющий в джунглях, молчи, пока качается колыбель.

• Неполные предложения:

- *Sábanas de estrellas, luna de algodón.* – Покрывала звезд, хлопковая луна.

- *El más pequeño de los tres, un cochinito, lindo y cortés.* – Самый маленький из трех, милый и вежливый поросенок.

- *Nubes y estrellas lejos del sol.* – Облака и звезды вдали от солнца.

• Условные предложения:

- *Si el mi niño no se duerme llamo a la Mariquintana.* – Если мой ребенок не заснет, я позову Марикинтану.

- *Si este niño no se duerme, venga un ángel y lo lleve.* – Если этот ребенок не заснет, пусть придет ангел и его заберет.

К частотным стилистическим приемам испанской колыбельной можно отнести:

• Анафору:

Duerme la lluvia y el viento,

Duerme la luna, duérmete.

Duerme la tierra y el cielo.

Спит дождь, и спит ветер,

Спит луна, и ты засыпай.

Спит земля и спит небо.

Cierro los ojitos, me voy a dormir

Cierro los ojitos para descansar

Я закрываю глазки и буду спать,

Я закрываю глазки, чтобы отдохнуть.

• Эпифору:

*Que linda manito que tengo yo,
que linda y blanquita que Dios me dio.
Que lindos ojitos que tengo yo,
que lindos y negritos que Dios me dio.*

Какая у меня красивая ручка,
красивую и белую дал мне Бог.
Какие у меня красивые глазки,
красивые и черненькие дал мне Бог.

• **Экспрессивный повтор:**

- *A dormir, a dormir, a dormir, mi bebito.* – Засыпай, засыпай, засыпай, мой малыш.

- *Brillas, brillas sin parar* – Ты сверкаешь, ты сверкаешь, без остановки (все время, без конца).

- *La lechuza, la lechuza, hace shhh, hace shhh.* – Сова, сова, «делает шшш», «делает шшш».

Различного рода повторы (синонимы, тавтологические слова и выражения, повторы слов в одном стихе, повторы начальных слов смежных стихов, цепевидные повторения слов смежных стихов, повторения целых стихов, местоимений с предлогами и без предлогов, служебных слов, звукоподражаний) играют в колыбельной песне исключительную по своему значению роль: благодаря им колыбельная песня достигает благозвучия. Чрезвычайно редки тексты колыбельных песен, не содержащие повторов.

• **Метафору:** *pedazo de mi corazón* «часть моего сердца», *lucero de mañana* «утренняя звездочка», *capullo de nardo* «бутоны туберозы». Ср.:

- *Este niño / es un copo de nieve pura. / Jamás se vio en el mundo / tanta blancura.* –

Этот ребенок – чистая снежинка. Мир никогда не видел такой белизны.

• **Эпитет:** *lunita escabatera* «маленькая гремучая луна», *picaro sueño* «шаловливый сон», *dulce compañía* «сладкая компания».

• **Сравнение:**

- *Mi niño es tan chiquito como el jazmín* – Мой малыш такой маленький, как жасмин.

Выводы. Итак, колыбельные песни – это продукт общественного опыта, общественного сознания. Испанская колыбельная песня, с одной стороны, обладает всеми **универсальными** признаками (присущими песням данного жанра вне зависимости от принадлежности к той или иной лингвокультуре). С другой стороны, можно выделить национально-специфические признаки, которые сводятся к определенным героям песен (*цыгане, Иисус, Мария*), мифическим существам (*коко*), паравербальному сопровождению (особые гитарные звуки), своеобразным рефренам (убаюкивающим звукам), особенным обращением к ребенку (например, использование названий растений, характерных для Испании *nardo* «тубероза») и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бежиашвили М.Л., Павлова М.Н. Образы животных в колыбельных песнях (на материале русских и английских текстов) / М.Л. Бежиашвили, М.Н. Павлова // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 12. – С. 330–334.

2. Бухурова М.М. Отражение Кавказской войны в адыгских колыбельных песнях / М.М. Бухурова // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – 2020. – Выпуск 1 (252). – С. 161–166.

3. Каримова Ф.С. Отражение исторических личностей в колыбельных песнях на английском и узбекском языках / Ф.С. Каримова // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 448–453 <https://doi.org/10.33619/2414-2948/62>.

4. Лорка Ф.Г. Колыбельные песни / Пер. Н. Малиновской (проза), А. Гелескула (стихи) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flibusta.site/b/368345/read> (дата обращения: 31.01.2024).

5. Майнурова Р.М. Литературная и фольклорная колыбельная песня аварцев: традиционные мотивы и их трансформация / Р.М. Майнурова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 662–664.
6. Мартынова А.Н. Опыт классификации русских колыбельных песен / А.Н. Мартынова // Советская этнография. – 1974. – № 4. – С. 101–115.
7. Овсиенко Т.В. Лингвокультурные особенности немецкоязычного песенного фольклора (на примере охотничьих, солдатских и колыбельных песен) / Т.В. Овсиенко, Л.С. Караманян // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 4 (33). – С. 263–266 <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0904-0067>.
8. Сааданбекова Ч.И. Колыбельные песни Центральной Азии на примере творчества киргизского народа / Ч.И. Сааданбекова // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 4. – С. 60–65 <https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.9>.
9. Ханинова Р.М. Колыбельная песня в калмыцкой лирике XX–XXI вв. / Р.М. Ханинова // Новый филологический вестник. – 2020. – № 1 (52). – С. 187–203.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

10. 10 canciones de cuna para ayudar a dormir a tu bebé [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pamperslatam.com/bebe/el-sueno/articulo/10-canciones-de-cuna-para-ayudar-a-dormir-a-tu-bebe> (дата обращения 01.03.2024)
11. 7 mejores canciones de cuna para los más pequeños [Электронный ресурс]. URL: <https://mejorconsalud.as.com/7-mejores-canciones-de-cuna-para-los-mas-pequenos/> (дата обращения 01.03.2024)
12. Canciones de cuna [Электронный ресурс]. URL: <https://www.letras.com/playlists/905927/> (дата обращения 01.03.2024)
13. Gomólka E.Z. Canciones de cuna tradicionales españolas: característica formal y temática. URL: <https://docplayer.es/221489215-Canciones-de-cuna-tradicionales-espanolas-caracteristica-formal-y-tematica.html> (дата обращения 12.02.2024)
14. Las mejores nanas y canciones de cuna para tu bebé [Электронный ресурс]. URL: <https://blogdelbebe.com/nanas-canciones-cuna/> (дата обращения 01.03.2024)
15. Nanas para dormir a tu bebé: 20 canciones de cuna [Электронный ресурс]. URL: <https://www.serpadres.es/bebe/46562.html> (дата обращения 01.03.2024)

REFERENCES

1. Bezhiashvili, M. L., Pavlova, M. N. (2022). Obrazy zhivotnyh v kolybel'nyh pesnyah (na materiale russkih i anglijskih tekstov). *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 12, 330–334. (In Russian)
2. Buhurova, M. M. (2020). Otrazhenie Kavkazskoj vojny v adygskih kolybel'nyh pesnyah. *Ezhekvartal'nyj recenziruemyj, referiruemyj nauchnyj zhurnal «Vestnik AGU»*, 1 (252), 161–166. (In Russian)
3. Karimova, F. S. (2021). Otrazhenie istoricheskikh lichnostej v kolybel'nyh pesnyah na anglijskom i uzbekskom yazykah. *Byulleten' nauki i praktiki*, 7 (1), 448–453. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/62>
4. Lorka, F. G. *Kolybel'nye pesni* / Per. N. Malinovskoj (proza), A. Geleskula (stihi). URL: <http://flibusta.site/b/368345/read> (In Russian)
5. Majndurova, R. M. (2020). Literaturnaya i fol'klornaya kolybel'naya pesnya avarcev: tradicionnye motivy i ih transformacija. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 6 (85), 662–664. (In Russian)
6. Martynova, A. N. (1974). Opyt klassifikacii russkih kolybel'nyh pesen. In: *Sovetskaya etnografiya*, 4, 101–115. (In Russian)
7. Ovsienko, T. V., Karamanyan, L. S. (2020). Lingvokul'turnye osobennosti nemeckoyazychnogo pesennogo fol'klora (na primere ohotnich'ih, soldatskih i kolybel'nyh pesen). *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*, vol. 9, 4 (33), 263–266. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0904-0067> (In Russian)
8. Saadanbekova, CH. I. (2022). Kolybel'nye pesni Central'noj Azii na primere tvorcestva kirgizskogo naroda. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 4, 60–65. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.9> (In Russian)
9. Haninova, R. M. (2020). Kolybel'naya pesnya v kalmyckoj lirike XX–XXI vv. *Novyj filologicheskij vestnik*, 1 (52), 187–203. (In Russian)

Поступила в редакцию 14.05.2024 г.

SPANISH CHILDREN'S LULLABIES AS ETHNIC, LINGUISTIC AND CULTURAL PHENOMENON

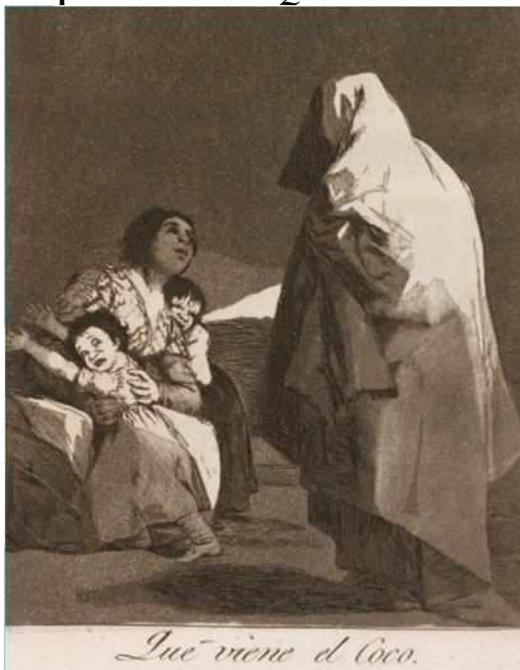
S.N. Bezus, N.S. Varfolomeeva

The present paper addresses Spanish lullabies, their place and role in the culture of the Spanish people. *The objective* of the work is to identify and describe the ethnic, linguistic, and cultural features of Spanish-language lullabies. As a result of the linguistic material analysis, on the one hand, the authors identify the formal features of lullabies, the so-called universals (verbal, nonverbal and paraverbal components); on the other hand, they determine specific features, which are characteristic only of the Spanish lullaby (special refrains, characters, plots, comparisons), thematic component, lexical composition, morphological, and syntactic features.

Key words: the Spanish language, lullaby song, genre, folklore, national and cultural specifics, cultural code.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Картина Ф. Гойи *Qué viene el Coco*

Безус Светлана Николаевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Российский новый университет, Российская
Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры теории и практики перевода.

ORCID 0000-0001-7051-1533

E-mail: luzazul@list.ru

Варфоломеева Наталья Сергеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Российский новый университет, Российская
Федерация, г. Москва.
Заведующая кафедрой теории и практики
перевода.

ORCID 0000-0002-6970-6875

E-mail: natalie.varf@mail.ru

Bezus Svetlana Nickolaevna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Russian New University, Russian Federation,
Moscow.

Associate Professor at Department of Theory and
Practice of Translation.

ORCID 0000-0001-7051-1533

E-mail: luzazul@list.ru

Varfolomeeva Natalia Sergeevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian New University, Russian Federation,
Moscow.

Chief of the Department of Theory and Practice of
Translation.

ORCID 0000-0002-6970-6875

E-mail: natalie.varf@mail.ru

Научная статья

УДК 81'373.23

DOI: 10.5281/zenodo.11403645

РЕДКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ИНСКРИПТАХ КНИГ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ «ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНИЦА»

© 2024 В.В. Дабеза

Государственное образовательное учреждение «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

ORCID 0000-0001-8758-2178

Автор изучает редкие антропонимы в текстах инскриптов книг из собрания старообрядческой общины г. Бендеры, обращая внимание на тот факт, что многие инскрипты оформлены как юридические документы, заверяющие куплю, продажу и дарение книги. Этим объясняется использование полуотчеств-«канцеляризмов» на -ов/-ев. Используя лексикографический метод исследования, автор указывает происхождение и семантику выявленных редких антропонимов и встреченные в инскриптах вариативные формы, образованные вследствие апокопы, синкопы, аферезы, эпентезы. Выдвигается несколько версий происхождения имени *Алимпий* (контаминация, субституция, эпентеза). Выявлены некоторые фамилии старообрядцев, проживавших на территории Приднестровья и приграничных территориях в XIX – начале XX века. На фоне довольно распространенных в приднестровском регионе фамилий (*Поляков, Соколов, Васильев* и др.) привлекают внимание две довольно редкие – *Неутов* и *Чернолуцкий*. Обе они, по мнению автора, происходят от топонимов.

Ключевые слова: инскрипт, инскриптомим, старообрядческие антропонимы, полуотчество, вариация имени, церковная форма имени, разговорная форма имени.

Для цитирования: Дабеза В.В. Редкие антропонимы в инскриптах книг из собрания музея «Древнерусская книжница» / В.В. Дабеза // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 42–50. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11403645>

Введение. В сентябре 2021 г. при старообрядческой общине г. Бендеры (Приднестровье) был открыт культурно-просветительский центр-музей «Древнерусская книжница». Финансовая поддержка организации центра стала возможна благодаря успешному участию проекта «Древнерусская книжница» в конкурсе социальных грантов Президента ПМР. Основные задачи центра – обеспечение сохранности книжного собрания общины (около 400 единиц хранения), консервация и реставрация книг, а также популяризация исторического и культурного наследия старообрядцев при помощи выставочной деятельности и обучающих мастер-классов. Руководитель центра – Ксения Николаевна Костромина.

Первая экспозиция музея под названием «В начале бе Слово» была открыта в стенах Покровского храма 24 мая 2022 г., в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. К началу работы выставки был выпущен каталог, который содержит научное описание 23 экземпляров кириллических печатных изданий (конца XVI – начала XX в.) и 16 рукописей (XVIII – середины XX в.). Особенно значимой в описании книг является точная фиксация владельческих и дарственных записей, которые в науке обозначаются термином «инскрипт» [4, 6].

Материалы и методы исследования. Материалом для нашего исследования стали инскрипты с фотографий книг, размещенных в каталоге «В начале бе Слово» (орфография и пунктуация сохранена за исключением некоторых букв старославянской

кириллицы, которые даны в современной транскрипции) [11]. Методы исследования: лексикографический и сопоставительный.

Основная часть. Существуют разные точки зрения на природу инскрипта: от библиофильского до социологического. В социологическом контексте инскрипт рассматривал исследователь чтения и коммуникаций в литературной среде А.И. Рейтблат. По его мнению, «...инскрипт обычно пишется не только для того человека, которому дарится книга, но и для других, потенциальных читателей, которым пожелает показать книгу с инскриптом ее владелец или которым он станет доступен после его смерти. Инскрипты делают публичными существующие отношения, и тем самым закрепляют и подтверждают их» [7, с. 162]. Инскрипты становятся и объектом изучения лингвистов. Е.А. Косых в работе «Имя собственное в тексте инскрипта» описывает реализацию имен собственных в текстах инскриптов разных авторов и вводит термин «инскриптоним» [5].

Именно инскриптонимы стали предметом нашего исследования. Далее приведем тексты инскриптов из каталога «В начале бе Слово» и содержащиеся в них редкие антропонимы.

1. Дарственная запись в Евангелии (рукопись конца XVI – начала XVII в.): «В научную библиотеку Московского уневирситета с гор. Бендеры от священника Полякова Викула Сименовича 17/VIII-73 г.» [11, с. 14].

Викул (Викула, Вакула) – разговорная форма имени *Вукол*, произошедшего от греческого *буколос* – «пастух».

Имя *Викул* – очень редкое даже для старообрядцев, так, оно упоминается как единожды встреченное в метрических книгах трех старообрядческих общин Екатеринбурга за 1907–1926 гг. в работе Ю.В. Боровика «Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX в.» [2, с. 43]

2. Запись в книге «Лествица» (год издания –1647): «Сія книга Афанасія Фроловича Сычева. Резановъ 1900 г. мая 3го» [11, с. 30]

Фролович – от имени *Фрол*, образованного в результате метатезиса от *Флор* (из латинского *Florus* < лат. *flos, floris* «цветок»).

3. Запись в книге «Избранное из Соборника (Цветник)»: «Сія святая богодухновенная книга Цветникъ принадлежит Черкасскому купцу Семену Артемонову Климову въ 1824 году» [10, с. 46].

Артемонов (Артемонович) – от имени *Артемон*. Это имя греческого происхождения с неясной семантикой. По версии А.В. Суперанской, имя образовано от греческого слова *артемон* – «парус-брамсель», а в словаре Н.А. Петровского указано, что от греческого слова *артемес* – «невредимый, здоровый», что роднит его с именами *Артемий* и *Артем*, у которых согласно Петровскому такое же значение. А.В. Суперанская приписывает значение «здоровый» лишь имени *Артем*, а *Артемий*, по ее мнению, означает «посвященный Артемиде, богине охоты и Луны».

Разговорная форма имени – *Артамон*. Она встречается нам в других инскриптах – в записях в книге «Ирмологий»¹⁴ на крюковых нотах: «Сія Книга нарицаемой Ермасы¹⁵ приобретены отъ торютенской старообрядческой церкви въ 1895 года Иваномъ

¹⁴ Ирмологий – богослужебная книга православной церкви, содержащая в себе богослужебные тексты, предназначенные для пения в церкви. Ирмологии бывают двух видов: первые, которые содержат тексты и ноты; вторые, содержащие одни тексты

¹⁵ Ирмос – в византийском и русском православном богослужении первая строфа в каждой из девяти песен канона, в которой прославляются священные события или лица. Ирмос служит мелодико-метрическим образцом для последующих строф (тропарей) данной песни.

Артамоновымъ Селезневымъ...»; «Сия книга бога духновеная принадлежит Ивану Артамоновичу» [11, с. 89].

Имя *Артемон* – очень редкое, упоминается как единожды встреченное в метрических книгах трех старообрядческих общин Екатеринбурга за 1907–1926 гг. в работе Ю.В. Боровика «Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX в.» [2, с. 43]

Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые отчества в исследуемых инскриптах употреблены в формах на *-ов/-ев* (полуотчеств). М. Горбаневский, ссылаясь на «Словарь русского языка XI–XVII вв.», указывает на то, что *-вич* – это старинный русский суффикс мужских отчеств для привилегированных лиц и сословий и в России XVII–XVIII вв. он мог восприниматься как титул [3, с. 51–55]. Таким образом, можно сделать вывод, что употребление полуотчества указывает на простонародное происхождение его носителя. Однако далее М. Горбаневский говорит о том, что в России XIX в. формы отчества на *-ов/-ев* употреблялись лишь в канцелярской речи, в документах, а в быту все именовали друг друга по именам и отчествам в привычной современным людям форме [3, с. 55]. В двух приведенных выше инскриптах указаны даты – 1824 и 1895 годы, следовательно, в данном случае мы, видимо, имеем дело с отчествами-«канцеляризмами», используя которые авторы надписей стремились оформить их как документы, удостоверяющие владение этой книгой.

Сравним эти инскрипты с записью в «Лествице» 1647 г.: «1700 г<о> июня в 21 день продалъ сию книгу с устного веду а стряпче Андрей Афансьев сын Аксютин зачисто и подписалъ своею рукою». Здесь, вероятно, полуотчество *Афанасьев* использовано по двум причинам: стряпчий Андрей Афанасьевич Аксютин титула не имеет и упоминается в документе как заверитель сделки.

Следует заметить, что многие из исследуемых нами инскриптов действительно по форме напоминают официальные документы, закрепляющие дарение, куплю-продажу книг и рукописей. П.Д. Скуро отмечает, что собственнические записи стали активно появляться с начала XVII в.: «Очевидно, это показывает, как широко распространилась книга к этому времени – ранее элитарный предмет теперь становился народным достоянием» [8, с. 34]. Н.А. Богомолов, говоря о дарственных надписях, указывает на то, что «...в подавляющем большинстве случаев такие надписи делаются автоматически по заранее разработанному или спонтанно возникающему в памяти шаблону» [1, с. 373]. Собственный шаблон был и у владельческих надписей: указание даты дарения, покупки или продажи, полученной суммы, имен продавца, покупателя, свидетелей сделки и др.

К книге относились как к величайшей ценности и боялись ее потерять. В инскриптах часто содержатся призывы относиться к книге бережно, не продавать и не красть ее: «Никому ни продать ни заложить а хто продаст тово судить Богъ» [11, с. 19]; «...а хто сию книгу украдет или затоит автот же монастырь не отдаст и тот будет проклетъ» [11, с. 20]; «...а куплена за свои собственные деньги, и никто не трошь апосмотри и полошь ибо ни твоя» [11, с. 55].

4. Среди записей в книге «Ирмологий» на крюковых нотах находим следующую: «Сия книга Кузмы Сакалова» [11, с. 89].

Кузьма – имя греческого происхождения, образовано от слова «космос» – мир, порядок, мироздание; *перен.* украшение, краса, честь. Древне-церковные формы – *Кузма, Козьма*, церковная – *Косма*, разговорные – *Казма, Казьма, Козма, Косьма*. Имя *Кузьма* содержится и в другом инскрипте – в книге «Азбука демественного пения» (автор: Л.Ф. Калашников) есть запись: «Кузьмы Труханова» [11, с. 108].

Вариации написания имени *Кузьма* можно проследить в многочисленных инскриптах из «Требника» 1625 г., процитированных на с. 23–24 каталога: *Кузма, Кузьмо, Козьмма, Козма*.

В других инскриптах часто встречается отчество *Куз(ь)мич* и его различные вариации, что дает основания предположить, что имя *Кузьма* было довольно распространенным в среде старообрядцев, проживающих на территории Приднестровья и приграничных территориях в XIX – начале XX вв.

5. В том же «Требнике» найдены и другие инскрипты, содержащие редкие антропонимы: «Благословена отцу Виктору Феопентовичу Зюзину в город Тирасполь от Полякова Авдея в селе Плоском» [11, с. 24]; «Старооб. Протоиерей Терентий Рыляковъ гор. Тирасполь» [11, с. 25].

Феопентович – от *Феопент* – разговорной формы имени *Феопемпт* (от греч. *теопемптос* – ниспосланный Богом).

Имя *Авдей* (церк. *Авдий*, др.-церк. *Аудий*) имеет две версии происхождения: 1) из др.-евр. *обадья* или *абдияху* – раб, слуга Бога; 2) из греч. *аудеис* – благозвучный.

Терентий (др.-церк. *Тереньтий*) – из лат. *Терентиус*: *терере* – тереть, молотить хлеб – римское родовое имя.

6. Запись в книге «Евангелие тетр»: «Сия святая и богодухновенная глаголима книга ТЕТРО ЕВАНГИЛІЕ; Пренадлежитъ церкви ПОКРОВА Пресвятой Богородице 2й исвятителя Христова Чюдотворца Николы; Благословено бывшимъ Священникомъ Елиозаромъ Неутовымъ исыномъ Его Никифомъ Неутовымъ въ вечное служеніе Пристаросты, Марка Иванова ипопечителя Андрея Худякова иустовшика Лукияномъ Семеновы пономарь Гордеи Макаровъ Присвященнику Симіона Агаповича Полякова 1920го года марта четвертого дня общество непреемлющии общины нинныхъ какихъ новшынъ; Свято нерушима Аминъ» [11, с. 48–49].

Елиозар – видимо, разговорная форма-эпентеза имени *Елизар* (от др.-евр. *эльзар* – «Бог помог»). В словарях А.В. Суперанской указано, что это имя – один из вариантов имени *Лазарь*, а также перечислены другие его формы: древне-церковная *Елиазар*, церковная *Елеазар* и разговорные: *Елизарий*, *Елезар*, *Лизар*.

Никиф – имя греческого происхождения, образованное вследствие апокопы от имени *Никифор*, которое означает «победоносец, победитель». В словарях А.В. Суперанской и Н.А. Петровского эта форма имени не зафиксирована.

Лукиян – форма церковного имени *Лукиан* (от лат. *Лукианус* – принадлежащий Луке, сын Луки). В словаре А.В. Суперанской отмечены разговорные формы этого имени *Лукин*, *Лукоян*, *Лутьян*, а в словаре Н. А. Петровского – просторечное *Лукан*.

Гордей – форма церковного имени *Гордий*, которое, по мнению А.В. Суперанской, пришло из древнегреческой легенды о гордиевом узле. Существует несколько версий происхождения имени. По одной из версий, оно произошло от древнегреческого *Гордий* и означает «царь», «повелитель», «властелин». Так звали крестьянина, которого по воле Зевса избрали царем Фригии и который завязал тот самый узел. Некоторые исследователи считают, что это славянское имя, которое переводится как «гордый», «гордец». Согласно третьему варианту, это вариация греческого имени *Горгий*, имеющего значение «грозный», «быстрый».

Агапович – отчество от имени *Аган*, образованного вследствие апокопы от *Аганий* – «любимый» (греч. *агапао* – любить). Агапэ – одно из четырех древнегреческих слов (другие: *эрос*, *филия*, *сторгэ*), переводимых на русский язык как «любовь». Древние греки так называли мягкую, жертвенную, снисходящую к ближнему любовь. В

позднейшем христианском представлении любовь-агапэ мыслится как проявление любви к ближнему, присущей человеку в целом.

7. Запись в книге «Скитское покаяние»: «Сія святая и богодухновенная книга глаголемая скитское покаяніе принадлежит дорогому свату Логгину Изотьевичу, а по фамиліи Василиеву, а куплена за свои собственные деньги, и никто не трошь апосмотри и полошь ибо ни твоя» [11, с. 55].

Логгин – древне-церковная форма имени *Лонгин* (от лат. *longinus* – «длинный», «долгий»; или от греч. *лонхе* – «копьё») – мужское имя, заимствованное в русский язык из греческого, в наши дни крайне редкое. Второе значение, вероятно, связано с евангельской легендой о копье Лонгина. Копьё Лонгина – одно из Орудий Страстей Христовых, пика, которую римский центурион Гай Кассий Лонгин вонзил в подреберье распятого на кресте Иисуса Христа, чтобы прекратить его мучения.

В словаре А.В. Суперанской зафиксированы разговорные формы имени *Логвин*, *Логан*, *Логантей*, *Лога*. Существует и фамилия *Логинов*, гораздо более распространённая, чем имя, от которого происходит.

Есть данные, которые позволяют предположить, что в начале XX в. имя Логгин (Логин) в приднестровском регионе было не таким уж и редким. Так, в биографическом справочнике «Имя Победы» [10] можем найти биографии участников Великой Отечественной войны, которых звали Апостол Константин Логинович (родился в 1919 г. в с. Плоть Рыбницкого района) и Рошкован Логин Семёнович (родился в 1918 г. в с. Карагаш Слободзейского района).

Изотьевич – от имени *Изот*. По поводу этого имени мнения Н.А. Петровского и А.В. Суперанской расходятся. А.В. Суперанская указывает, что *Изот* – разговорная форма имени *Зот* (церк. *Зотий*). Н.А. Петровский, наоборот, выделяет имя *Изот* в отдельную словарную статью как основу и указывает, что у него есть разговорная форма *Зот* и просторечная *Зотий*. Однако оба исследователя указывают одно и то же значение имени – «животворный, жизненный, дающий жизнь».

8. Запись в книге «Сборник учительный» (с эсхатологическими статьями): «Сія святая и богодухновенная книга глаголима апокалипсис и собрание божественных книгъ. Принадлежит смогиловскому мещенину Кондрату П(неразборчиво)» [11, с. 64].

Кондрат – форма-апокопа имени *Кондратий*, образованного от лат. *квадратус* – квадратный, широкоплечий. В словарях Н.А. Петровского и А.В. Суперанской зафиксирована форма *Кодрат* с пометами *стар.* и *церк.* соответственно.

9. Запись в книге «Сборник» смешанного состава (каноны, псалмы, учительные статьи, выписки из Требника): «Сія книга Сидора Семидетнова» [11, с. 70].

Сидор – усеченная форма имени *Исидор*, означающего в переводе с греческого «дар Исида». Исида – самая почитаемая богиня у древних египтян, однако ей также поклонялись греки и римляне. Ее имя означает «трон» (который является ее головным убором), или «место», или «пристанище». В этом случае при образовании имени *Сидор* наблюдается явление аферезы – выпадение безударной гласной в начале имени.

10. Запись в книге «Канонник»: «Аника Данилов Петеляевъ» [11, с. 73].

Примечание автора каталога К.Н. Костроминой: «Владелец канонника – старообрядец Пепеляев Иоаникий Данилович (1861-1934), крестьянин, проживал в с. Сузун (совр. Новосибирская область)...»

Имя *Аника* возникло как разговорная форма-афереза имени *Иоанникий*. По мнению Н.А. Петровского, *Иоанникий* – старая форма имени *Аникий*, которое восходит к др.-греч. *нике* – «победа». А.В. Суперанская указывает, что греческое *Иоанникиос* – это ласкательная форма имени *Иоанн*. Следовательно, и значение имени другое – от

древне-еврейского *йоханан* – «Бог милует». Она также фиксирует множество разговорных форм имени: *Аникий, Аникей, Аника, Аничко, Оникий, Оникей, Никей*.

В этом инскрипте также употреблено полуотчество *Данилов*. Вызывает вопросы замена буквы в фамилии (*Пепеляев – Петеляев*).

11. Записи в книге «Синодик» Хрисанфа Вышибаева: «Сіе поминаніе Хрисанфа Гаврича Вышибаева»; «1968 г. 8 нояб. Соколовъ Евстафій Стефанавичъ» [11, с. 74–75].

Примечание автора каталога К.Н. Костроминой: «Вышибаев Хрисанф Гаврилович (1889 г., г. Бендеры – 1943 г.) имел крестьянское происхождение, садовладелец и огородник, прихожанин большого Покровского храма старообрядческой общины № 1 г. Бендеры...»

Хрисанф – имя, образованное от греческого слова *хрисантос* – «златоцветный». В словаре А.В. Суперанской зафиксированы старая календарная форма *Хрусанф* и разговорные: *Хрисанфий, Кирсан, Кирсантий, Курсан, Крисан, Крисант, Кресан, Хрусан, Русан, Рунец*.

Гаврич – в данном случае форма-синкопа отчества *Гаврилович*, образованного от имени *Гаврила* (или, возможно, *Гаврил*), которое в свою очередь произошло от древне-еврейского слова *габриэль* (*габри* – «сильный муж» + *эль* – «бог» или «моя сила – бог»). В словаре А.В. Суперанской зафиксированы следующие формы имени: церковная *Гавриил*, древне-церковная *Гаврил*, разговорные *Гаврило, Гаврилей*.

Евстафий – имя, образованное от греческого слова *эустатиос* – «хорошо построенный, крепкий, здоровый» (А.В. Суперанская); «устойчивый» (Н.А. Петровский). В словаре А.В. Суперанской зафиксировано множество производных форм: разговорные *Евстахий, Стахий, Стахей, Естафий, Астафий, Остафий, Стафей, Стафий* и сокращенные *Астах, Евстах, Остах, Остап, Стах*.

12. Записи в книге «Синодик» И.К. Шишкина: «Сіе Поминаніе Бендерскаго Мещанина; Иоанна Кузмича Шишкина»; «Пренадлежить Трофиму Чернолуцкому. Передалъ Помин 1940 года. Cernoluțchii Trofim Pavlov»; «Передал читать Поминанія тестъ Иванъ Кузмичъ Шишкинъ своему зятю Трофиму Павловичу Чернолуцкому 1956 г. Получилъ 1940 года на руки» [11, с. 76–77].

Трофим – имя, образованное от греческого слова *трофимос* – «кормилец, питающий» (А.В. Суперанская); «кормилец, питомец» (Н.А. Петровский). В словаре А.В. Суперанской зафиксирована лишь одна разговорная форма – *Трофимей*.

13. Запись в книге «О родстве и свойстве»: «От Платона Кузмича Труханова. Отцу Стефану Кравцову въ память искренней любви и благодарности. Плоское, 1905 года Янв 7 дня» [11, с. 78].

Примечание автора каталога К.Н. Костроминой: «Старообрядец Платон Кузьмич Труханов родом из с. Великоплоское, в свое время известный художник-иконописец. В 1910 году был рукоположен во иереи, настоятель большого Покровского храма до 1934 года» [11, с. 95].

Платон – имя, образованное от греческого слова *платис* – «широкоплечий» (А.В. Суперанская), «полный» (Н.А. Петровский).

14. Запись в рукописи на крюковых нотах «Праздники»: «Сія святая Ибогодухновеная книга нарицаемая празо Празники принадлежит Алимпію Иванову Китаеву» [11, с. 87]

Алимпий – разговорная форма имен *Олимпий* и *Алипий*. В данном случае можно выделить три возможные причины появления антропонима *Алимпий*:

1) контаминация двух имен (*Олимпий* + *Алипий* = *Алимпий*);

2) субституция (замена одного звука другим, близким по звучанию) в имени *Олимпий* (О→А);

3) эпентеза (вставка в корпус антропонима звука, отсутствующего в первоначальной основе): в имени *Алимпий* появился звук *м*.

Алимпий – мужское имя греческого происхождения, означает «беспечальный». Имя *Олимпий* также греческого происхождения, означает «небесный, олимпийский». Таким образом, этимология и значение имени *Алимпий* не ясны.

Имя *Алимпий* – очень редкое, упоминается как единожды встреченное в метрических книгах трех старообрядческих общин Екатеринбург за 1907–1926 гг. в работе Ю.В. Боровика «Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX в.» [2, с. 43]

15. Записи на книге «Выписки из обихода и праздников» на крюковых нотах: «Сия книга Принадлежит Бельченко Ивану Дорофеевичу Куплена 1949 г. 10го января у Райковой Марфы Ивановной», «Степан Райков» [11, с. 103].

Дорофеевич – от *Дорофей* – имени, образованного от греческого слова *доротеос* – «дар Бога». В словаре А.В. Суперанской зафиксированы разговорные формы *Дорофий*, *Дорош*, *Дорон*.

Марфа – имя, образованное от сирийского слова *мара* – хозяйка, госпожа, имеет западный вариант – *Марта*.

Степан (в других инскриптах из каталога чаще встречается церковная форма *Стефан*) – имя, образованное от греческого слова *стефанос* – «венчик, венец, корона, диадема».

16. Запись на книге «Обедница знаменного и демественного роспева с архиерейским служением»: «Сия обедница пожертвована въ Большой храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы учитель старообрядчес. училища Савелий Ефимович Мельниковъ» [11, с. 106].

Савелий – имя, образованное от древнееврейского слова *шаул* – «испрошенный (у Бога)». В словаре А.В. Суперанской зафиксированы следующие формы: библейская *Савл*, церковная *Савел*, разговорные *Савелей*, *Совелий*, *Савёл*, *Саул*.

Ефимович – от *Ефим* – имени, образованного от греческого слова *эутимиос* – «благодушный, благожелательный». В словаре А.В. Суперанской зафиксированы следующие формы: церковная *Евфимий*, книжная *Евфим*, разговорные *Афим*, *Уфим*.

В инскриптах каталога «В начале бе слово...» выявлены некоторые фамилии старообрядцев, проживавших на территории Приднестровья и приграничных территориях в XIX – начале XX века: *Поляков*, *Селезнев*, *Труханов*, *Соколов*, *Рыляков*, *Неутов*, *Худяков*, *Васильев*, *Семидетнов*, *Пепеляев*, *Вышибаев*, *Шишкин*, *Чернолуцкий*, *Кравцов*, *Китаев*, *Бельченко*, *Райков*, *Мельников*.

На фоне довольно распространенных в приднестровском регионе фамилий (*Поляков*, *Соколов*, *Васильев* и др.) привлекают внимание две довольно редкие – *Неутов* и *Чернолуцкий*, в этимологии которых мы попытаемся разобраться. Обе фамилии, на наш взгляд, произошли от топонимов.

Неутов – вероятно, от названия реки *Неута* (*Невта*), протекающей на полуострове Камчатка. В переводе с эвенского *н'эвтэ* – «протока».

Чернолуцкий – вероятно, от топонима *Черная лука*. Примерно в 55 км от Омска Иртыш огибает крутой правый берег с реликтовым сосновым бором, который издавна называют Черная лука. Русло Иртыша делает в этом месте изгиб, а сосновый бор на берегу с возвышения кажется черным – отсюда и название. Здесь же расположено село *Чернолучье*.

Заключение. В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Многие инскрипты, приведенные в каталоге «В начале бе слово...», оформлены как юридические документы, закрепляющие сделки, предметом которых была книга (купля, продажа, дарение).

2. Для инскриптов из каталога характерна трионимия. Возможно, это объясняется их «юридическим» характером.

3. В некоторых инскриптах встречаются полуотчества на *-ов/-ев* (*Афанасьев, Арта(е)монов*). Использование полуотчеств объясняется двумя причинами: указание на простонародное происхождение владельца книги либо намеренный «канцеляризм», характерный для официально-делового стиля того времени.

4. Выявлены редкие даже для уникальной антропонимии старообрядцев имена – *Викул, Артемон, Никиф* (в словарях не зафиксировано), *Логгин, Алимтий* – и одно достоверно распространенное – *Кузьма* (в различных вариациях: *Кузма, Кузьмо, Козьма, Козма*).

5. Выявлены некоторые фамилии старообрядцев, проживавших на территории Приднестровья и приграничных территориях в XIX – начале XX века: *Поляков, Селезнев, Труханов, Соколов, Рыляков, Неутов, Худяков, Васильев, Семидетнов, Пепеляев, Вышибаев, Шишкин, Чернолуцкий, Кравцов, Китаев, Бельченко, Райков, Мельников*. Этимология фамилий *Неутов* и *Чернолуцкий* связана с топонимами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолов Н.А. Автографы писателей в букинистических каталогах / Н.А. Богомолов // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 5. – С. 373–406.
2. Боровик Ю.В. Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX в. / Ю.В. Боровиков // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 30–47.
3. Горбаневский М. Иван да Марья: рассказы о русских именах, отчествах, фамилиях, прозвищах, псевдонимах / М. Горбаневский. – Москва: Русский язык, 1987.
4. Ильина О.Н. Дарственные надписи на книгах в современных российских исследованиях / О.Н. Ильина // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2022. – Т. 226: Наука о книге: прошлое, настоящее, будущее. – С. 72–83.
5. Косых Е.А. Имя собственное в тексте инскрипта / Е.А. Косых // Культура и текст. – 2017. – № 2. – С. 116–121.
6. Косых Е.А. Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации / Е.А. Косых // Филология и человек. – 2022. – № 1. – С. 53–63. DOI 10.14258/filichel(2022)1–04
7. Рейтблат А.И. К социологии инскрипта // Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы / А. И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.
8. Скуро П.Д. Владычские записи на книгах как источник по истории чтения и пользования книгой в России XVI–XVII вв. / П.Д. Скуро // Время науки. – 2014. – № 1. – С. 31–36.
9. Унбенаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбенаун. – Москва: Прогресс, 1989.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

10. Имя Победы: биографический сборник об участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, родившихся, живших и захороненных на территории Приднестровской Молдавской Республики / отв. ред.: А.В. Березовский. – Тирасполь, 2023.
11. Костромина К.Н. «В начале бе слово»: каталог выставки старопечатных изданий и рукописей XVI–XX вв. из собрания Покровской православной старообрядческой общины г. Бендеры / под ред. Н.В. Литвиной. – Бендеры: Полиграфист – Санкт-Петербург: Невская типография, 2023. – 132 с.

REFERENCES

1. Bogomolov, N.A. (2010). Avtografy pisatelej v bukinisticheskikh katalogah [Autographs of writers in second-hand book catalogs]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5, 373–406. (In Russian).
2. Borovik Yu.V. (2019). Lichnye imena novorozhdennykh v ekaterinburgskikh staroobryadcheskikh obshchinah nachala XX v. [Personal names of newborns in Yekaterinburg Old Believer communities of the early

twentieth century]. *Voprosy onomastiki*, v.16, 3, 30–47. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.029 (In Russian).

3. Gorbanevskij, M. (1987). *Ivan da Mar'ya: rasskazy o russkih imenah, otchestvah, familiyah, prozvishchah, psevdonimah* [Ivan da Marya: stories about Russian names, patronymics, surnames, nicknames, pseudonyms]. Moskva: Russkij yazyk. (In Russian).

4. Il'ina, O.N. (2022). *Darstvennye nadpisi na knigah v sovremennyh rossijskih issledovaniyah* [Gift inscriptions on books in modern Russian studies]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, v.226: *Nauka o knige: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The science of the book: past, present, future.], 72–83. (In Russian).

5. Kosyh E. A. (2017). *Imya sobstvennoe v tekste inskripta* [Proper name in the text of the inscription]. *Kul'tura i tekst*, 2, 116–121. (In Russian).

6. Kosyh E. A. (2022). *Inskript v rechevoj paradigme sociuma: k probleme klassifikacii* [The inscription in the speech paradigm of society: on the problem of classification]. *Filologiya i chelovek*, 1, 53–63. [http://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-04](http://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-04) (In Russian).

7. Rejtblat A. I. (2014). *K sociologii inskripta* [Towards the Sociology of the inscription]. In *Rejtblat A. I. Pisat' poperek: stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury* [Writing across: articles on biography, sociology and literary history]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).

8. Skuro P.D. (2014). *Vladel'cheskie zapisi na knigah kak istochnik po istorii chteniya i pol'zovaniya knigoj v Rossii XVI–XVII vv.* [Ownership records on books as a source on the history of reading and using books in Russia in the XVI–XVII centuries]. *Vremya nauki*, 1, 31–36. (In Russian).

9. Unbengaun B.O. (1989). *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow: Progress. (In Russian).

Поступила в редакцию 18.04.2024 г.

RARE ANTHROPONYMS IN INSCRIPTIONS OF BOOKS FROM COLLECTION OF MUSEUM "DREVNERUSSKAYA KNIZHNITSA"

V.V. Dabezha

The author addresses rare anthroponyms in the texts of inscriptions of books from the collection of the Old Believer community of Bendery, paying attention to the fact that many of the inscriptions are designed as legal documents certifying the purchase, sale and donation of books. This accounts for the use of semi-patronymics-"clerical" on *-ov/ev*. Using the lexicographic research method, the author indicates the origin and semantics of the identified rare anthroponyms and the variable forms found in the scripts formed as a result of apocope, syncopation, apheresis, epenthesis. Several versions of the origin of the name *Alimpiy* are put forward (contamination, substitution, epenthesis). Some surnames of the Old Believers who lived in the territory of Transnistria and the border territories in the XIX – early XX century have been revealed. Alongside quite common surnames in the Pridnestrovian region (*Polyakov, Sokolov, Vasiliev*, etc.), two rather rare ones, i.e. *Neutov* and *Chernolutsky* attract the attention. Both of them, according to the author, are originated from toponyms.

Key words: inscription, inscriptonym, Old Believer anthroponyms, a semi-patronymic, a variation of the name, the church form of the name, the colloquial form of the name.

Дабезжа Виктория Владимировна.

Кандидат филологических наук.

Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко.

Доцент кафедры журналистики.

ORCID 0000-0001-8758-2178

E-mail: dabezha2013@yandex.ru

Dabezha Victoria Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Pridnestrovian State University named after
T.G. Shevchenko.

Associate Professor at Department of Journalism.

ORCID 0000-0001-8758-2178

E-mail: dabezha2013@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.161

DOI: 10.5281/zenodo.11408315

О ПРИРОДЕ КОМИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ДОНБАССКОМ ТЕКСТЕ¹⁶

© 2024 М.Г. Евсеева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0009-0009-2588-4379

Целевой спектр данной работы заключается в том, чтобы выявить и кратко охарактеризовать теории и методы исследования функционирования комического в тексте, а также представить и очертить структурно-семантический подход, который является одним из главнейших подходов исследования комического в тексте. Далее мы предпринимает попытку интерполировать эти теории на плоскость текста локуса (текста города в терминологии В.Н. Топорова) применительно к современному Донбассу в различных аспектах его существования. Целям работы соответствуют ее задачи: рассмотреть основные теории, концепции комического, раскрывающие сущность и проблемы категории комического в мире современных методик понимания художественных текстов комической направленности; дать краткую характеристику методологическим подходам, используемым при очерчивании роли слова, его эмоционально-экспрессивных модификаций, направленных на создание комического эффекта в художественном тексте; дать оценку релевантности понятия «язык города» сегодняшним реалиям Донбасса; рассмотреть на примерах реализацию вышеназванных теорий в «языке Донбасса» с точки зрения языковой природы и коннотирования актуализируемых в них номинаций.

Ключевые слова: семантика, синтагматика, картина мира, комическая картина мира, язык города, денотат, коннотация, ассоциативная коннотация, адгерентная коннотация.

Для цитирования: Евсеева М.Г. О природе комического в современном донбасском тексте / М.Г. Евсеева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 51–60. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11408315>.

Введение. Феномен комического зародился в античной философии и долгое время был объектом интереса как в естественных, так и в гуманитарных науках. Эти научные исследования беспрецедентного масштаба обусловили создание целостной картины мира комического в человеческой культуре и интеграцию ее в континуум гуманитарных наук, что, в свою очередь, породило такую область гуманитарного знания, как гелотология (производное от греческого γέλιο - смех), то есть учение о смехе, которое включает в себя весь массив разысканий в области природы комического. Проблема комического также широко рассматривается в контексте эстетики и литературной критики.

«Юмор – это сложная эстетическая и духовная категория» [4, с. 35]. Понимание комического текста – процесс человеческого мышления, направленный на выстраивание смыслов, оно же выступает и результатом, который может быть получен благодаря этому процессу. Ментальная обработка комического человеческим сознанием имеет природу интерпретации, а когнитивная специфика комических текстов связана с диалектизмом как универсальной природой творческих и

¹⁶ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 1023111500001-7).

познавательных процессов мышления и речи. Юмор – это не содержание или смысл, это эффект, который проявляется как единое целое. Результат его интерпретации [8, с. 52].

Современные профессионалы самых различных областей искусства, сопряженных с юмором, считают, что они не руководствуются существующей теорией комического, и им в принципе не нужно руководствоваться теорией в своей профессии. Но это не значит, что такой теории не существует, или, что в ней, как таковой, нет необходимости. Теория необходима в любой области человеческого знания. Без теории науки не существует. Прежде всего, теория носит когнитивный характер, и ее знание является одним из элементов всей научной картины мира [1, с. 58].

Первым и главным недостатком всех подобных теорий является абстракционизм, полное безразличие, как считает В. Пропп. «В большинстве случаев эти теории – мертвая философия, представленная сложным образом, который невозможно понять [4, с. 35].

Перечень трудов, раскрывающих те или иные аспекты комического грандиозен и едва ли не бесконечен. В их числе «Риторика» Аристотеля, «Левиафан» Гоббса, «Критика чистого разума» Канта, «Физиология смеха» Спенсера, «Страх смеха» Чойси, «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» Бахтина и многое другое.

В последнее время среди исследователей-лингвистов также наблюдается рост интереса к вопросам, связанным с изучением лингвистических факторов, которые определяют и регулируют эмоциональную сферу человеческой деятельности.

Также в современном исследовательском дискурсе актуализируется тенденция обращать внимание на стилистические особенности юмористических текстов. Эти особенности расширяют и углубляют известные представления о специфике языковой единицы в художественном тексте и ее воздействии на читателей.

Соответственно, обозначая целевой спектр нашего исследования, мы, прежде всего, стремимся выявить и кратко охарактеризовать теории и методы исследования функционирования комического в тексте, а также представить и очертить структурно-семантический подход, который является одним из главнейших подходов исследования комического в тексте. Далее мы предпринимаемо попытку интерполировать эти теории на плоскость текста города (в терминологии В.Н. Топорова) применительно к современному Донецку в различных аспектах его существования.

В соответствии с основной целью были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть основные теории, концепции комического, раскрывающие сущность и проблемы категории комического в мире современных методик понимания художественных текстов комической направленности;

- дать краткую характеристику методологическим подходам, используемым при очерчивании роли слова, его эмоционально-экспрессивных модификаций, направленных на создание комического эффекта в художественном тексте;

- дать оценку релевантности понятия «язык города» сегодняшним реалиям Донецка.

- рассмотреть на примерах реализацию вышеназванных теорий в «языке Донбасса» с точки зрения семантической парадигматики актуализируемых в них номинаций.

Основная часть. Категория комического существовала в сознании людей на протяжении всей истории человечества как вида, обладающего сознанием и самосознанием. Она реализуется как в устной, так и в письменной коммуникации, а также зафиксирована многими исследователями. Считается, что невозможно адекватно описать такой амбивалентный феномен, как комическое, средствами одной лишь

лингвистики, поскольку комическое затрагивает различные аспекты человеческого существования. Это способствует тому, что данный вид исследований сформировался и продолжает рассматриваться как комплексный, пограничный, метанаучный в русле философии, эстетики, социопсихологии, социокультурологии, литературоведения и лингвистики [10, с. 124]

Основным подходом к исследованию комического считается когнитивный подход. Потому что в рамках этого подхода формируются основные принципы теории комического, которые служат основой для других направлений. Среди когнитивных теорий большое внимание уделяется теории бисоциативной природы комического А. Кесслера, который исходит из того факта, что уже сама структура комического бисоциативна. Согласно А. Кесслеру, мы воспринимаем реальность в двух ассоциативных или матричных рамках, в процессе внезапного изменения потока мыслей от одного к другому. Вариантом кесслеровской теории является семантическая теория В. Раскина.

Согласно Раскину, комическое включает в себя комбинирование двух семантических сценариев с помощью так называемого «переключателя». Переключатели – это структурные элементы, которые могут быть эксплицитно выражены в тексте или шутке. Формальная теория С. Аттардо, в свою очередь, вытекает из теории В. Раскина. Она фокусируется на создании и восприятии комического на основе элементов оппозиций. Означенные лингвокогнитивные теории свидетельствуют, что комическое есть результат конвергенции двух модусов – реального и нереального, двух взаимоисключающих ассоциативных контекстов при восприятии комических текстов, иначе говоря, во фреймовых трансформациях [10, с. 124].

Все существующие теории трактуют комическое либо как чисто объективное свойство объекта, либо как результат умственных манипуляций человека, либо как итог взаимоотношений между объектом и субъектом. Эти три различных методологических подхода к интерпретации природы комического, и, по сути, все многообразие концепций комического можно встретить в существующих исследовательских трудах. В частности, польский исследователь Б. Дземидок в своей монографии «О комизме» описывает шесть общих типологических моделей.

1) теория отрицательного качества объекта осмеяния (Аристотель) и ее психологическая версия – теория доминирования субъекта над объектом насмешек (Т. Гоббс, К. Уберхорст);

2) теория деградации (триггером комического выступает унижение человека). Эта теория была разработана в XIX веке английским психологом А. Беном;

3) теория контраста. Жан Поль, И. Кант и Дж. Спенсер полагали, что смех возникает естественным образом, когда сознание внезапно переключается, например, с чего-либо масштабного на нечто практически ничтожное.

4) теория конфликта (противоречия) (А. Шопенгауэр, Г. Гегель, Ф. Фишер, М. Чернышевский);

5) теория отклонения от нормы. К. Гросс и Э. Обуе утверждали, что универсальной причиной веселья является то или иное отклонение от нормы.

6) теория пересекающихся мотивов, в которой присутствует не один, а несколько мотивов, объясняющих суть комического. Это группа включает в себя широкий спектр исследователей и исследований, среди которых А. Бергсон, З. Фрейд, А. Луначарский и др. [3, с. 12–40].

В.А. Самохина также отмечает существование множества теорий юмора. По наблюдениям исследовательницы, в начале XX века Дж. Грейг охарактеризовал около 90 различных теорий юмора, отметив, что большинство из них во многом схожи друг с другом [8, с. 62].

Изучение комического имеет ряд аспектов, включая биологический, социальный, психологический (теории доминирования и деградации) и лингвистический (теория противоречия). П. Кит-Спигель попыталась объединить множество теорий сатиры и представил одну из самых известных классификаций этих теорий. Ее классификация включает восемь основных типов.

1) Биологические, интуитивные и эволюционные теории – опции смеха и юмора "заложена" в нервной системе человека, представляя собой один из древнейших адаптивных механизмов социального взаимодействия индивидов.

2) Теория доминирования: детерминанта смеха заключается в победе над другими людьми или ситуациями. Глумление, издевательство и смех над глупыми поступками других людей играют ключевую роль в юмористической атмосфере произведений искусства в целом и текстов в частности.

3) Теория непоследовательности: комическое возникает из концепции идей и ситуаций, которые противоречат друг другу или отклоняются от устоявшихся представлений.

4) Теория неожиданности: элемент неожиданности представляет собой определенный шок, внезапные и неожиданные условия, необходимы для порождения комического в искусстве в целом и тексте в частности.

5) Теория противоречий: комическое зарождается, когда человек испытывает противоречащие друг другу, а порой и взаимоисключающие эмоции и чувства одновременно.

6) Теория освобождения: комическое способствует преодолению эмоционального, ментального или физического напряжения, либо их комбинации.

7) Теория конфигураций: комическое возникает, когда элементы, композиция которых считалась невозможной, внезапно занимают свое место.

8) Психоаналитическая теория: комическое предполагает заинтересованность, и одновременно требует умственной активности, своего рода траты сил, но разница между ироническими противоречиями и обманутыми ожиданиями очевидна. Юмор превращает события, которые обычно причиняют страдания, во что-то менее трагичное и значимое [8, с. 62].

При изучении проблемы лингвистической реализации комического, на наш взгляд, целесообразно выделить два методологических подхода. Ведущим нам представляется структурно-семантический подход, касающийся определения роли слов, семантических модификаций, направленных на создание комических эффектов в тексте, и определения лингвистических и экстралингвистических (ситуативных) инструментов в процессе порождения комического. В последние десятилетия XX века отмечалось также активное развитие когнитивно-прагматического подхода к анализу комического в тексте. Оба направления исследований связаны с выявлением методов интеграции противоречивых, поливалентных реляций между языковыми единицами и их значениями, а также с выявлением конфликтующих систем лексико-семантических и семантико-синтаксических компонентов языковых единиц. В этой системе та или иная языковая единица обновляется и трансформируется, мобилизуя свои ресурсы для выражения нового содержания.

Но именно последнее направление в лингвистическом изучении комического, ориентированное на выявление этнокультурных особенностей так называемой смеховой картины мира (одного из множества универсальных образов мира, существующих в сознании отдельных людей), выражающейся в форме соответствующего дискурса.

В любом исследовании метод может сыграть определяющую роль. За всю историю изучения данного проблемного континуума в большинстве случаев суть комического была предопределена в рамках философской концепции, которой придерживался автор. Выводы авторов были сделаны на основании определенных гипотез, из которых были отобраны образцы. Подобные примеры очевидным образом призваны проиллюстрировать и доказать конкретные гипотезы. Данный метод обычно определяют как дедуктивный. Он возможен и оправдан, когда речь идет о чем-либо ненаблюдаемом в принципе, или о необъяснимом любым иным образом.

Однако существует и другой путь получения реальных выводов не из гипотез, а из подробных сравнительных исследований и анализа фактов. Этот метод обычно называют индуктивным. Подобный метод исследования, основанный на обработке фактов, позволяет избежать абстракций и подтекстов, которые были характерны для научной картины мира девятнадцатого и двадцатого веков. Многие современные науки более не могут существовать только за счет выдвижения гипотез. Если позволяют факты, необходимо использовать индукцию, которая надежно доказывает истину.

Феномен комического в его языковом выражении рассматривается нами в семантическом пространстве текста локуса, в данном случае – Донбасса (не Донецка). Поэтому далее считаем необходимым обратиться к первоисточнику используемого нами понятия. Как известно, впервые в отечественном исследовательском пространстве язык города как своеобразный лингвокультурный семиотический континуум описан В.Н. Топоровым применительно к Петербургу как особое литературно-языковое явление – Петербургский текст русской литературы [9, с. 259]. В предложенной В.Н. Топоровым теории метафизичность (мифичность) тематики Петербурга, опирающаяся на мотивы устной народной мифологии, появившейся на свет практически одновременно с самой макрореалией (городом), несомненна и константна. При этом лежащая в основе “городской мифологии” семиотическая идея творения/гибели космоса в извечном противостоянии хаосу – один из немногочисленных, в силу своей глобальности, мотивов человеческого мифотворчества вообще. Все это дает основания судить об участии в создании названной группы текстов древнейших и наиболее универсальных моделей мифологического сознания.

«Петербургский текст» у Топорова – это реализация инварианта городской мифологии или, если угодно, единого городского мифа на текстовом уровне. Пространством для такой реализации выступают как отдельные художественные тексты, так и совокупности подобных текстов. Таким образом, текст города является производным от мифа города. Этот текст имеет некую смысловую (семантическую и семиотическую) основу, содержащую ключевые смыслы городского мифа, обеспечивающие его уникальность.

Такой основой выступает локус города, как исторической, культурной и географической реалии вещного мира. В очерченном контексте и исследуется феномен городского мифа и городского текста в труде В.Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст русской литературы” (введение в тему)». Прежде всего, автор ставит перед собой дефиниционную задачу определения критериев, позволяющих характеризовать совокупность текстов о городе как единый текст. Причину искомого

единства исследователь видит в семантической связности анализируемого комплекса текстов, маркирующей эти тексты как кросс-жанровые, кросс-темпоральные и кросс-персональные. Таким образом, по мысли Топорова, нивелируются жанровые, временные и авторские рамки отдельных текстов, превращая их в единый текст. В результате такого слияния в анализируемых текстах и может быть выделена единая смысловая основа, своего рода амбивалентная совокупность вероятностей, объединенных общим генезисом. Следует отметить, что аналогичный подход используется исследователем и при анализе традиционных мифологических систем.

В контексте экстралингвистического, философского подхода, культурный феномен города на примере Петербурга и сопутствующий ему миф города предстает синкретичным явлением, реализующимся в различных философских и культурологических плоскостях. Разворачивая эту мысль, исследователь констатирует следующее. «...петербургский текст, представляющий собой не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход а *realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать («проверять») связи с внешнеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста. Текст, следовательно, обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы, и этой связью с внетекстовым живет и сам Петербургский текст, и те, кому он открылся как реальность, не исчерпываемая вещно-объектным уровнем». [9, с. 259]

Как видим, по мнению автора концепции языка и текста города, для обладания собственным уникальным текстом город должен обладать собственным уникальным мифом, имеющим вполне определенную структуру, а также безошибочно и однозначно выделяющим конкретный город из числа других городов. Не беремся судить, какие города, помимо Петербурга, имеют то и другое, но Донецк, даже в масштабах России, не говоря уж о мировом лингвосомиотическом пространстве, к числу таких городов объективным образом не относится.

Смысловая парадигма его 'рождения' в целом аналогична парадигмам многих промышленных городов, заложенных в местах природного расположения соответствующих промыслов. Бытийственный контекст в качестве 'шахтерского города' также не уникален, даже в пределах региона, а номинации типа 'город миллиона роз' скорее локальны, чем кросс-культурны и кросс-темпоральны. Хотя бы потому, что ни одна семантическая парадигма не связывает 'Донецк' с 'розами' столь же однозначно, как тот же 'Петербург', например, с 'белыми ночами', при том, что белые ночи, так же, как и розы, встречаются и во многих других местах. Что же до эсхатологической мифологии, то она теоретически может быть сконструирована по аналогии с той же петербургской, но объективно не существует даже в сознании носителей одной лингвокультурной картины мира. То есть, можно, например, предположить, что, как Петербург, по словам Александра Городницкого, «*Погружается (...) в бездонные финские топи / Неизменно и медленно – за год на полсантиметра*», так и Донецк, возможно, однажды провалится в многочисленные пустоты шахтных выработок под ним. Но любой житель Донецка знает, что объективно это не так, потому что, в отличие от петербургских наводнений, данная проблема, во-первых, дает о себе знать лишь локальными проявлениями, и во-вторых, она решается путем совершенствования горнопромышленных и строительных технологий. Иными словами, локальный и уникальный конец света Донецку на самом деле не грозит, а

потому и эта составляющая городской мифологии у него отсутствует, а соответственно, и не представлена в текстах о городе сколь-нибудь широко и последовательно.

В то же время, непосредственно на наших глазах складывается миф Донбасса, как локуса ‘неукраинского’, и в то же время ‘этнически пестрого’, ‘говорящего по-русски’, ‘ментально русского’, ‘непокоренного’, ‘воюющего’, ‘возвращающегося домой’. Пожалуй, уже этот, далеко не полный комплекс семантических характеристик позволяет однозначно определить номинируемый локус носителю не только русской, но и любой сколь-нибудь интегрированной в текущие реалии языковой картины мира. А где есть миф локуса, там, по Топорову, параллельно формируется того же локуса язык и текст.

Поэтому, рассматривая образцы текстов о Донецке, мы относим их к прецедентам донбасского текста. Необходимо отметить, что различные языковые аспекты донбасского текста в настоящее время широко и активно анализируются исследователями-лингвистами с точки зрения их (текстов) когнитивного наполнения [2], номинативного разнообразия [5], в контексте формирования региональной языковой личности [6], а также по целому ряду других актуальных направлений.

В силу объективных причин, на наш взгляд, не нуждающихся в объяснении, комическое встречается в современном донбасском тексте весьма нечасто. Однако, тем выразительнее оно, как нам кажется, иллюстрирует нашу лингвоментальную специфику в целом и языковую картину мира в частности.

Симбиозом теории освобождения и теории противоречий выступают прецеденты комического в творчестве донецкого поэта И.Г. Шпарбера [13]

*В мирном небе донецком
Голубиные стаи
Разгоняет чужой самолет.
Что ж он, сука, летает,
По проходим стреляет,
Что ж он городу жить не дает.*

(И. Шпарбер. Наше 22 июня)

*Выйду я на улицу, гляну на район,
Слышу взрывы, выстрелы там со всех сторон.
Перестал работать вдруг дома интернет,
Как своей красавице передать привет?*

(И. Шпарбер. Пойду я выйду)

*А душа болит и стонет,
Потому-то есть резон
Выпить водку на балконе.
Только где он, тот балкон?*

(И. Шпарбер)

В первом и втором случаях комизм достигается путем контаминации очевидных оригиналов, причем в первом примере, как нам кажется, контаминации двойной («*В чистом небе донецком*» и «...*Что ж ты девушкам спать не даёшь?*») Автор создает комплексную ассоциативную коннотацию, отсылая читателя к советской (первый пример) и фольклорной (второй пример) социокультурным традициям как источнику душевных сил, необходимых, чтобы пережить происходящее. В третьем примере наблюдаем реализацию теории противоречия в создании комического путем использования адгерентной коннотации ‘балкона нет, он разрушен в результате артобстрела’.

В текстах донецкого журналиста И. Гомольского, приводимых нами по материалам его публичного телеграм-канала [11], доминирующими тропами, служащими для создания комического, выступают ирония и самоирония, начиная с регулярно повторяющегося авторского обращения к читателям «пацаны и пацанессы» и подкаста «Донецкая Прачечная», производного от известного мема, и включая контекст многих его публикаций. Можно предположить, что даже название канала «Dirty Harry» – не столько отсылка к Дикому Западу, сколько самоирония на тему проблем с водоснабжением в родном городе. Вот лишь несколько примеров.

«Ничто так не бодрит спозаранку, как поездка в Авдеевку. Наконец-то удалось выкроить минутку, чтоб целкнуться у стелы».

«Еду нынче по району, а навстречу бежит мужик.

А ведь оно ж как? Если на Петровке кто-то бежит, то лучше бежать вместе с ним (если ты гражданский) или в противоположном (ежели пресса) направлении.

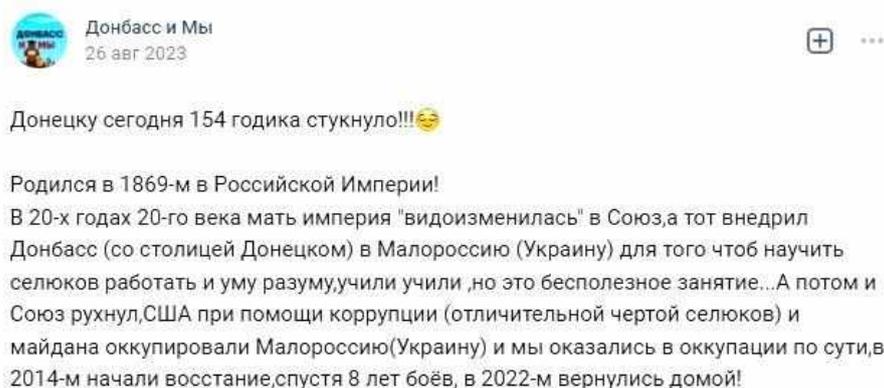
Но приглядываюсь и глазам не верю, поскольку дядька... бегаёт. То есть не бежит куда-то или откуда-то, но занимается спортом. Орел!»

«Если мебель в квартире трясется, а звука нет, значит, ВСУ в Красногоровке получают ФАБы.

«Артиллерия ВС РФ напоминает противнику, что в День солидарности трудящихся нужно вызывать «Волгу» и солидаризироваться, а не стрелять по Донецку».

«Ну надо же! Оказывается, что пленных не режут на ленты для бескозырок».

В качестве образца текста с элементами комического, который, на наш взгляд, можно отнести к современному городскому фольклору, хотя бы потому, что авторство текста не указано, а транслируемый им нарратив собирателен, приведём пост из сообщества ВКонтакте «Донбасс и Мы» [12] по случаю празднования Дня города в Донецке. Поскольку данный текст, увы, грешит орфографическими, пунктуационными и стилистическими неточностями, приводим его в виде скриншота (рис. 1), чтобы иметь возможность цитировать с необходимыми грамматическими коррективами.

(с) https://vk.com/wall-85596321_345561

Рис. 1

Как видим, заголовок поста формирует ассоциативную коннотацию личности и неформальности в отношении города: формулировка «(число) годиков стукнуло» употребляется главным образом по отношению к людям, причём достаточно близким, чтобы можно было позволить себе подобную вольность. Ту же коннотацию поддерживает и общая структура текста, построенного как своего рода биография, а также образная номинация «мать-империя».

Отметим, что мы намеренно не включали в предметную область исследования тексты, эксплуатирующие теорию доминирования в качестве языкового механизма создания комического в тексте, поскольку считаем тактики глумления и издевательства над кем бы то ни было не органичными как русской картине мира в целом, так и донбасскому тексту в частности.

Заключение. Резюмируя все сказанное, можем заключить, что в настоящее время донбасский миф и донбасский текст можно считать зародившимися и активно формирующимися сегментами русского лингвосемиотического пространства. Органичной составляющей этого текста выступает комическое во всем спектре его актуальных функциональных характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боров Ю.Б. О комическом / Ю.Б. Боров. – М.: Искусство, 1957. – 232 с.
2. Гладкая Н.В. Когнитивный аспект демотиваторов о Донбассе / Н.В. Гладкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2018. – № 2. – С. 29–33.
3. Дземидок Б. О комизме / Б. Дземидок. – Киев: [б. и.], 1967. – 284 с.
4. Кобякова И.К. Концептуализация и категоризация юмора / И.К. Кобякова // Вестник СумГУ. Серия: Филологические науки. – 2006. – № 11 (95). – С. 35–39.
5. Коробова-Латынцева В.С. Акты, средства и способы номинации войны в Донбассе / В.С. Коробова-Латынцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2003. – № 4. – С. 164–171.
6. Курмакаева Н.П. К вопросу о структуре региональной языковой личности и принципах её формирования / Н.П. Курмакаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2018. – № 1. – С. 9–14.
7. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. – СПб.: [б. и.], 1997. – 284 с.
8. Самохина В.А. Современная англоязычная шутка: [монография] / В.А. Самохина. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2008. – 356 с.
9. Топоров В.Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы” // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995. – С. 259–367.
10. Уткина А.В. Обоснование когнитивного подхода к категории юмора / А.В. Уткина // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Серия: Филологические науки. – Мойкоп: Изд-во АдГУ, 2007. – № 2. – С. 123–125.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Dirty Harry | Игорь Гомольский // Гомольский И. Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/harry_homolsky (дата обращения: 14.05.2024).
12. Донбасс и Мы. Донбасс и Мы // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-85596321_345561 (дата обращения: 14.05.2024).
13. Игорь Шпарбер на Стихи.ру // Шпарбер И.Г. Портал Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.ru/avtor/shparberig?ysclid=1w5bjd3n51709125015> (дата обращения: 14.05.2024).

REFERENCES

1. Borev Yu.B. About the comic / Yu.B. Borev. – M.: Iskusstvo, 1957. – 232 p. (In Russian)
2. Gladkaya N.V. The cognitive aspect of demotivators about Donbass / N.V. Gladkaya // Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology. - 2018. – No. 2. – pp. 29-33. (In Russian)
3. Dzemidok B. About comism / B. Dzemidok. – Kiev: [B. I.], 1967. – 284 p. (In Russian)
4. Kobyakova I.K. Conceptualization and categorization of humor / I.K. Kobyakova // Visn. Sumy State University. Series: Philological Sciences. 2006. – Vol. i, No. 11 (95). – pp. 35-39. (In Russian)
5. Korobova-Latyntseva V.S. Acts, means and methods of nominating the war in Donbass / V.S. Korobova-Latyntseva // Bulletin of the Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology. - 2003. – No. 4. – pp. 164-171. (In Russian)
6. Kurmakaeva N.P. On the question of the structure of the regional linguistic personality and the principles of its formation / N.P. Kurmakaeva // Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology. - 2018. – No. 1. – pp. 9-14. (In Russian)
7. Propp V.Ya. Problems of comedy and laughter / V.Ya. Propp. – St. Petersburg: [B. I.], 1997. – 284 p. (In Russian)

8. Samokhina V.A. Modern English-language joke: [monograph] / V.A. Samokhina. – Kharkov: V.N. Karazin KhNU, 2008. – 356 p. (In Russian)
9. Toporov V.N. Petersburg and the “Petersburg text of Russian literature” // Toporov V.N. Myth. The ritual. Symbol. Image. – М., 1995. – pp. 259-367. (In Russian)
10. Utkina A.V. Substantiation of the cognitive approach to the category of humor / A.V. Utkina // Vestn. Adygeisk State University. Series: Philological Sciences. – Moikop: Publishing House of the AdSU, 2007. – No. 2. – pp. 123-125. (In Russian)

Поступила в редакцию 14.05.2024 г.

ON NATURE OF THE COMIC IN MODERN DONBASS TEXT

M.G. Evseeva

The objective of this work is to identify and briefly characterize theories and methods that address functioning of the comic in the text. The contribution is also aimed at presenting and outlining the structural and semantic approach as one of the principal ways of studying the comic in the text. An attempt is made to interpolate these theories onto the plane of the text of the locus (the text of the city in V.N. Toporov's terminology) in relation to modern Donbass in various aspects of its existence. In order to reach the objectives, a number of tasks have been set, i.e. to consider the main theories, concepts of the comic, revealing the essence and problems of the category of the comic among modern methods of comic literary texts understanding; to give a brief description of the methodological approaches to delineating the role of the word, its emotionally expressive modifications aimed at creating a comic effect in a literary text; to assess the relevance of the concept *the Language of the City* to Donbass current realia; to consider the implementation of the above-mentioned theories in the "language of Donbass" from the point of view of the linguistic nature and connotation of the nominations actualized in them.

Key words: semantics, syntagmatics, worldview, comic worldview, city language, denotation, connotation, associative connotation, adherent connotation.

Евсеева Марина Геннадиевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0009-0009-2588-4379.

E-mail: m.g.evseeva@mail.ru

Evseeva Marina Gennadiivna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University, Russian Federation,
Donetsk.

Associate Professor of the Russian Language
Department.

ORCID 0009-0009-2588-4379.

E-mail: m.g.evseeva@mail.ru

Научная статья
УДК 811.551+811.824
DOI: 10.5281/zenodo.11408500

СПЕЦИФИКА ЗООМОРФНОГО ОБРАЗА ВОЛКА КАК МИФОЛОГИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ КОНСТАНТЫ (НА ПРИМЕРЕ САЛИШСКОЙ И РЯДА ПАЛЕОАЗИАТСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ)

© 2024 О.Н. Иконникова¹, С.С. Калинин²

¹Частное образовательное учреждение высшего образования «Таганрогский институт экономики и управления»

²Образовательная автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный славянский институт»

¹ORCID 0000-0001-5075-9988.

²ORCID 0000-0001-7371-9655.

В работе рассматривается семантическая специфика образа волка в мифологической и фольклорной традиции коренных народов Северной Америки (а именно, салишских племен), а также ряда носителей палеоазиатских языков (в частности, ительменского и чукотского). Показано, что данный образ в указанных мифологических, этнокультурных и лингвокультурных традициях маркируется как значимая культурная константа, обладающая, в то же время известной двойственностью: так, в салишской мифологии волк может выступать и как творец мира, и как трикстер и шут. Проанализированы различные лексические единицы, репрезентирующие семантику данного мифологического и фольклорного образа, как апеллятивного характера, так и имена собственные (топонимы). Приводятся примеры топонимов, которые, по мысли авторов, показывают значимость образа волка для салишской мифологической и языковой традиции. В заключение устанавливаются сходства и различия между семантикой данного образа в рассматриваемых нами мифологических традициях, а также выдвигается предположение о причинах сближения семантики данных образов в отдельных аспектах.

Ключевые слова: салишские языки, чукотско-камчатские языки, ительменский язык, палеоазиатские языки, мифология коренных народов Америки, мифология палеоазиатских народов, образ волка в мифологии, фольклорно-мифологический нарратив, культурная константа, модель мира.

Для цитирования: Иконникова О.Н. Специфика зооморфного образа волка как мифологической и культурной константы (на примере салишской и ряда палеоазиатских мифологических традиций) / О.Н. Иконникова, С.С. Калинин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 61–74. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11408500>

Введение. Образы животных, которые в дальнейшем будут обозначаться как зооморфные образы, всегда играли важную роль в культуре человека. Различные образы животных имели различное символическое значение в культуре: так, например, М.М. Маковский постулирует, что ряд образов животных маркируется в качестве негативно коннотированных символов, связанных, например, со сферами периферии, преисподней и зла [7, с. 35]. Различные животные имели значимость, в частности, и в языковых культурах древних индоевропейцев: так, ряд животноводческих терминов рассматривается в «Словаре индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста [1, с. 35–36, с. 38–40]. В то же время представляется важным и рассмотрение культурно и мифологически значимых образов животных и в других языковых традициях, в частности, в традициях аборигенов Северной Америки и тех народов, которые условно

объединяются под наименованием палеоазиатских, поскольку последние по ряду характеристик своих языков, а также отдельных феноменов своей материальной и духовной культуры сближаются с коренными жителями Нового Света.

Салишские языки, которые являются основным объектом анализа в рамках настоящей работы, практически на всем протяжении своей истории являлись бесписьменными, бытуя в качестве языков устно-бытовой коммуникации и фольклора. Вместе с тем, отраженная в фольклоре на данных языках архаичная модель мира представляет большую ценность в качестве объекта анализа, поскольку позволяет проследить особенности этнокультурной и лингвокультурной эволюции социума на протяжении значительного интервала времени (модель мира здесь понимается, вслед за исследованиями Т.В. Цивьян [10, с. 5], как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы знаний и представлений о мире в данной традиции в их системном и операциональном аспектах). Тем самым анализ основных образов и мотивов салишской мифологии (в частности, зооморфных образов) позволяет внести вклад в реконструкцию особенностей модели мира индейцев-салишей на предшествующих этапах дописьменного развития их языка и социума, чем и объясняется актуальность настоящего исследования. То же самое справедливо и в отношении палеоазиатских языков, в частности, языков чукотско-камчатских и ительменского языка, поскольку фольклорные произведения, созданные на этих языках, имеют достаточно хорошую сохранность для того, чтобы можно было анализировать архаичную модель мира их носителей. Следует заметить, что хотя некоторые чукотско-камчатские языки, а также ительменский язык имеют письменную форму, эта форма имеет довольно ограниченное употребление. В то же время архаические образы и мотивы, восходящие к фольклору и мифологии соответствующих народов, продолжают актуализироваться уже и в индивидуально-авторском творчестве, например, в произведениях писателей, творящих на соответствующем языке, что также может служить подтверждением актуальности изучения соответствующих элементов архаической мифологии.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования служат различные описательные грамматики и словарные материалы по салишским, чукотско-камчатским и ительменскому языкам. В частности, из салишских языков рассматриваются белла-кула [21], саанич [20], лиллуэт [16], колвилл-оканаган [32], сквамиш [18], спокан [14], лушущид [29], томпсон [34], кёр-д'ален [23]. Кроме того, использовались материалы толкового словаря ительменского языка [28] и тематического словаря чукотского языка [25], а также материалы фольклорных и бытовых ительменских текстов, записанных как в начале XX в. В.И. Иохельсоном, так и в конце XX – начале XXI в. другими исследователями [26], [27]. Также был использован материал из собраний мифологических и фольклорных текстов на салишских языках [23], [30], [33].

В рамках данного исследования использовался метод компонентного анализа значения и метод интерпретации значения. При необходимости привлекались также методы морфемного анализа и внутренней реконструкции. Для выявления схожести и различий между репрезентацией рассматриваемого нами мифологического образа в салишской и палеоазиатских мифологических традициях использовался метод сопоставительного анализа, а также метод контрастивного анализа.

Основная часть. В салишских языках многообразно представлены различные лексические единицы со значениями 'волк' и 'койот'. Приведем примеры из следующих языков этой семьи, относящихся к различным группам: лиллуэт, спокан, томпсон, халкомелем, лушущид, сквамиш, колвилл-оканаган, калиспел-спокан-флетхед:

лиллиуэт

naχ^w=ix^wlaχ

бежать галопом=земля, почва
'койот' (букв. 'бежать=земля')

калиспел-спокан-флетхед

s-n-čl=ep

NMLZ-PART-высушенный=основание
'койот'

томпсон

naχ^w=ix^wlaχ^w

бежать галопом=земля, почва
'койот' (букв. 'бежать=земля')

колвил-оканаган

s-n-kl=ip

NMLZ-PART=высушивать=основание
'койот'

лушущид

sbiaw

NMLZ-действовать.умно.и.хитро

'койот', в переносном значении 'человек, который притворяется, что он что-либо знает и затем, что не знает'

кёр'д ален

hn-čele7

'койот' (заимствование из калиспел-спокан-флетхед)

кёр'д ален

s-tiwiw

'койот'

кёр'д ален

s-pilye

'койот' (заимствование из спокана, герой в мифах)

кёр'д ален

hn-tl=ane7

'волк';

колвил-оканаган

s-n-kl=ip (kl-al – высушенный)

'койот'

колвил-оканаган

s-tuaw

‘койот’ (заимствование из венатчи)

КОЛВИЛ-ОКАНАГАН

ncicn (=cən – ‘рот’)

‘ВОЛК’

КОЛУМБИЙСКИЙ ВЕНАТЧИ

ncicən (=cən – ‘рот’)

‘ВОЛК’

СКВАМИШ

melmstye

‘ВОЛК’

СКВАМИШ

mlmsty-7i7lt

‘детеныш волка’

СКВАМИШ

s-klep

‘койот’ (от *x-kliplt* редупликации *klp-ilt* ‘детеныш койота’)

КАЛИСПЕЛ-СПОКАН-ФЛЕТХЕД

sən-čəl=ep

NMLZ-PART-высушенный=основание

‘койот’

ХАЛКОМЕЛЕМ

s-tqoua

NMLZ-шагать, двигаться

‘волк’

ХАЛКОМЕЛЕМ

slekiyar

s-leq=iy=ap

NMLZ-ровный=покрытие=на.крестце

‘койот’ (букв. ‘ровное покрытие на крестце’)

ТОМПСОН

k'i7p

čəl=ep

высушенный=основание

‘койот’

ТОМПСОН

q'awt

ВОЛК.

Как демонстрируют вышеприведенные лексемы, именующие волка и койота, их этимология восходит к понятию рта и пищеварения, бега, в том время как понятие койота представлено несколькими этимонами: среди них можно выделить *rom* (пищеварение), *хитрость*, *высушенное основание* (очевидно, земля), *ровное покрытие на крестце* (согласно мифологическим представлениям индейцев салишских племен, именно в данной части тела койота находятся его сверхъестественные силы). Кроме того, в языке томпсон есть отдельный лексический суффикс =*olk'*, обозначающий койота или его родственников в мифах и рассказах, а также шутовское именование койота. Отдельная лексема есть для шутовского названия койота в так называемом языке койота *s-n-k'y'ep*.

Среди мифов салишских племен выделяются 2 типа нарративов – *sptakwelh* – мифы о создании мира, то есть о том периоде, когда мир был населен животными, похожими на людей, но с особыми силами. Койот, медведь, гризли и сова – центральные фигуры таких мифов. Мифы, которые относятся к типу *spflaxem*, повествуют об истории, культурных традициях и верованиях [11], [15]. Койот в таких мифах выступает как создатель мира, его творец. Следует также отметить, что многие тотемные, мифологические герои мифов имеют двойственную природу, причём миф различает эту природу только в действии: герой ведёт себя то как животное, птица, то как человек: для первобытных представлений животное и человек находятся в постоянной связи, что их магическое взаимное воздействие постоянно пересекается, они переходят друг в друга. Это связано с тем, что природный мир для человека одушевлён, грани между человеком и растением, человеком и неживой природой, человеком и животным нет [17, р. 192].

Койот предстаёт главным героем, который и создает землю, и повелевает людьми, и обогащает реки рыбой, и обладает сверхъестественными силами, в частности, способностью к превращению людей в горы и др., и может быть обманщиком и шутом, при этом выступает в разных ипостасях в одном мифе, как в примере ниже из языка колвилл-оканаган:

<i>ixi7</i>	<i>captik^{wl}</i>	<i>l-sanklip</i>	<i>i7</i>	<i>captik^{wl}-l</i>	<i>sla7</i>
DEM	сказание	LOC-койот	DET	сказание-3SG.POSS	COMP
<i>k^{wul}-s</i>		<i>i7</i>	<i>təmx^{wula}7x^w</i>		
делать-3SG.ERG		DET	земля		

'Это сказание о койоте, когда он сотворил землю' [32, р. 199].

В мифах, когда животные могли жениться на людях, койот выступал одним из основных героев, который был умным и мог достать еду, поэтому был хорошим мужем. В примере ниже из колумбийского венатчи приведен фрагмент сказания, где как раз описывается подобный мотив:

n-səw=cən-əm-i-st-əm-ən-t-əm
 LOC-спрашивать=рот-?-PURP-REFL-MDL-ATV-TR-INDEF

<i>t ncicən 7aza7 ya</i>	<i>yəlmix^{wəm}</i>	<i>l</i>
волк	вождь	в
<i>s-təmkə7-ilt-s</i>	<i>7uli7</i>	<i>xə7-ina7</i>
ABS-дочь-ребенок-3SG	и	он.согласился

'Волк предложил дочери вождя (выйти) замуж, и он согласился' [19, р. 3].

В серии мифов «Когда животными были людьми» имеется цикл мифов о койоте как одном из главных героев. У койота есть друг – лиса. При этом волк и медведь выступают врагами койота. Койот созидает множество предметов и живых существ, от мира до лосося, добыча которого является важной составляющей жизни салишских племен [15, р. 67–76; 33, р. 257–261]. В одном из мифов под названием «Медведь гризли и койот» объясняется причина, по которой медведи гризли до сих пор обитают в Америке: койот не успел убить их всех [13, р. 188–189]. Если медведь выступает одним из яростных врагов койота и одним из главных героев мифов, то волк таковым не является, и в мифах и легендах представлен в основном как второстепенный герой.

Примечательно, что некоторые фитонимы и топонимы являются мифологизированными, то есть связаны с образом койота или мифами о койоте:

колвил-оканаган

s-qq7im

NMLZ-кормить.молоком

два холма к югу от церкви Св. Роджера, согласно поверью, эти холмы – груди одной из дочерей койота (букв. ‘грудь женщины’);

колвил-оканаган

k-n-qa7=iws

ручей койота (букв. ‘установленный посередине’).

колвил-оканаган

s-n-kl=ip i7

‘молочай’ (букв. ‘индейская конопля койота’)

ТОМПСОН

s-nk'y'ep=use7

‘ягода койота’ (плохая (испорченная, червивая) ирга ольхолистая (когда спеет, сыпется, ее ест койот)

ТОМПСОН

s-q'awm pet tkey

‘подъельник одноцветковый’ (букв. ‘моча волка’: говорят, что растение начинает расти, когда волк помочится на него; используется для заживления мозолей; согласно поверью, если растений много, будет много и грибов в наступающем сезоне)

колвил-оканаган

s-n-kl=ip qa7=xan-s

‘горные дамские тапочки’ (букв. ‘обувь койота’)

колвил-оканаган

s-wup=cin s-n-kl=ip

‘трехцветный овес’ (букв. ‘борода койота’)

В некоторых лексемах койот, наравне с волком, представляется и мифическим монстром. Есть специальные лексемы для номинации койота: например, его шуточное

наименование или наименование «койот-целитель». Кроме того, есть отдельные лексемы для обозначения магических сил, которыми обладает койот:

сквамиш

təlane ‘мифический монстр’

кёр’д ален

an-təlaneʔ ‘волк’

калиспел-спокан-флетхед

ntelaneʔ ‘жадный’, *na:lisqelix* ‘враг всех людей и всего живого, поедатель людей’

кёр’д ален

hn-č-čali

‘Маленький Койот, врачеватель’

кёр’д ален

qʷiyeʔ

‘название сверхъестественных сил койота’

томпсон

c’elus

‘обруч’ (золотой обруч, принадлежащий внуку койота)

Примечательно, что в этимологическом словаре салишских языков А. Кейперса протосалишская лексема **s-təwaw* обозначает крупное животное семейства кошачьих и собачьих: северный стрейтс (самиш) *sməwaw* ‘лиса’, лушущид *sblaw* ‘койот’, лиллуэт *sətwaw* ‘рысь’, шусвап *sməwew* ‘койот’, колумбийский венатчи *smiyaw* ‘койот’, халкомелем *skʷisəmiye* ‘ягуар’, кёр-д’ален *smiyiw* ‘койот’ [31, p. 70].

Следует отметить, что мифологема трикстера в воплощении лиса, шакала или койота широко представлена в мифах салишских племен. Койот является одним из центральных героев салишских мифов. Однако тот же мотив мы наблюдаем в мифах бантуязычной Африки, Европы, Азии, Кавказа, в ареале распространения эскимосско-алеутских языков. Примечательно в этой связи, что в древней индоевропейской традиции для обозначения ‘шакала’ и ‘лисы’ использовалась основа со значением «волк», что указывает на соотнесенность этих животных с волком в представлении индоевропейцев [5, с. 513]. В своем исследовании относительно данной мифологемы Ю.Е. Березкин поясняет, что «допустимо поэтому предположить, что в плане реальных исторических связей образы трикстера-Лиса и трикстера-Койота представляют собой один и тот же мотив» (см. комментарии в каталоге мифологических мотивов Ю.Е. Березкина к данной мифологеме [24]). В пользу этого свидетельствуют и сами североамериканские тексты. Лис в них занимает скромное место и чаще всего либо взаимозаменяем с Койотом в одних и тех же сюжетах, либо действует в паре с ним. Что касается Койота-трикстера, то он, в свою очередь, может восходить к евразийской Лисе. В Северной Америке в качестве трикстера в единичных случаях действует Волк, которого в данном контексте также можно соотнести с Койотом. Видимо поэтому лиса является другом койота, а не его врагом в салишской мифологии.

В языках чукотско-камчатской семьи лексическая единица со значением 'волк' выводится на протоязыковой уровень. Это может свидетельствовать в пользу того, что данная лексическая единица относится к базовому вокабуляру. При этом рефлексy соответствующей прачукотско-камчатской основы представлены во всех чукотско-корякских языках: ср. прачук. **lhiγ-nə* и чук. (*l*)*'iγ-nə*, кор. (*l*)*iγ-ən*, алют. *lhiγ-* [8, с. 82–83].

Общепитльменскую основу **xejnə*, которая реализуется в современном ительменском языке как *хивнэ* (южный диалект), можно рассматривать двояко: как результат развития исконного прачукотско-камчатского вокабуляра (и в этом случае данная лексическая единица имеет соответствующие когнаты в чукотско-корякских языках) либо как заимствование раннего периода в ительменский вокабуляр из чукотско-корякских языков, которое, по всей вероятности, могло восходить к корякскому языку. Следуя в этом отношении работам А.П. Володина (см. [2, с. 17–19], [3, с. 60], [4, с. 12–13]), мы считаем, что в случае рассматриваемой лексической единицы имеет место результат контактного сродства ительменского языка и чукотско-корякских языков, а не результат развития исконной чукотско-корякской лексической единицы.

Следует также отметить, что в различных чукотско-корякских языках и в ительменском данная лексическая единица представлена очень неравномерно. Базовой лексической единицей для номинации волка в южном диалекте является слово *хивнэ*, в северном – *хэйан* [28, с. 277]. Существует также и отдельная номинация для обозначения волчицы, которая является производной от *хивнэ* – *хивнэ мимсхʁин* [28, с. 277]. Буквальная семантика данной номинации – это 'женский волк', что подтверждается ее структурой, где используется притяжательная форма от слова *мимсх* 'женщина':

хивнэ мимсх-ʁин
волк женщина-POSS

Таким образом, можно заключить, что в ительменском языке существует только одна базовая лексическая единица для номинации волка, что также косвенно подтверждается словарными данными. В этом ительменский язык отличается от некоторых чукотско-камчатских языков, например, от чукотского.

По всей видимости, в ительменском языке данная лексическая единица встречается преимущественно в отдельных типах текстов и нарративов. Так, она присутствует в некоторых типах бытовых нарративов: в «Полном ительменско-русском словаре» приводятся такие примеры *тнаʒол к'эльчукнэн хайэнанкэу*, *инсхик кхэнэкнэн* 'Дедушка смотрел на волка, потом говорил' [28, с. 71], *маск'э хэйвнэ ч'иуэлахаʁн вирныкэʁн* 'медведь (и) волк злые звери' [28, с. 298]. Последний пример интересен тем, что, по всей видимости, в нем представлено негативно-оценочное маркирование образа волка, наряду с образом медведя.

Лексическая единица, являющаяся номинацией волка, встречается также и в наименованиях различных народных ительменских игр. Здесь можно привести следующий пример из северного (седанкинского) диалекта [27, с. 26–27], в котором в качестве наименования волка используется слово *хайэн* (о чем упоминалось чуть выше): *А эззанк ли вайма нма'лʒук: «Прятушки», потом «хайэн и ʒос – ʒос и хайэн»* 'А на улице очень весело играли: в «Прятушки», потом «Волк и... волк и олень. Олень и волки'. Следовательно, волк в ительменской модели мира включается также и в наименования различных детских подвижных игр, в которых представлены различные зооморфные образы, т. е. образ волка как культурная константа передается при помощи

различных семиотических моделирующих систем (т. е., таких систем, которые представляют определенную модель мира, см. дефиницию этого понятия у Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова [6, с. 8]), как вербальных, так и невербальных.

Образы волка и соответствующие лексические единицы достаточно широко представлены в ительменских сказочно-фольклорных текстах. Так, существует несколько сказок, где волк, наряду с лисой и центральным персонажем ительменской мифологии и фольклора вороном Кутхом, выступает в качестве одного из основных героев. Приведем здесь пример названия сказки, в котором встречается волк, из сборника В.И. Иохельсона [26, с. 56]: *Кутхэ'н п'э'н эк хывнэн куалоз* 'Дети Кутха и волчья семья' (Кутх – один из центральных персонажей ительменской мифологии, культурный герой, которого представляют в виде ворона): обращает на себя внимание использование в названии данной сказки притяжательной формы *хывнэн*, которая уже встречалась выше в лексической номинации волчицы.

У волка, как представлено в некоторых сказках, в частности, в упомянутой выше «Дети Кутха и волчья семья», есть семья – *хывнэн куалоз* 'волчья семья'. Так, в этой сказке, помимо прочих героев, фигурирует *хывнэ'ин лэусу* 'волчья мать', *хывнэ'ин лылыхл* 'волчья сестра', *хэвлан'ан лауэ* 'волчья девушка' (данное наименование используется в тексте сказки для обозначения одной из сестер волчих братьев). Указанные номинации построены по той же модели с посессивной конструкцией, которая уже встречалась нам ранее.

Если говорить о функциональном наполнении образа волка, то в ряде сказок он выступает в качестве антагониста лисы (*т'салай/ч'салай*), которая зачастую обманывает волка и насмехается над ним. Здесь в качестве примера можно привести сюжет сказки «Кутх, лиса и волк» (*Кутх, чсалай эк хывнэ*), в которой лиса «учила» волка ловить рыбу, опустив хвост в прорубь: ср. следующий фрагмент из данной сказки [26, с. 120]: *Хывнэн носу кытыткнэн. Куту'ин тхоуказ. Халч йэу чсалай клуэзэхтлэзюкнан. Хывнэ кхэуэ'ныкнэн* 'Хвост волка примерз. Не может вытащить. Засмеялась лиса. Рассердился волк'. Сюжет данной сказки сближается с сюжетом аналогичной русской сказки, в связи с чем можно предположить, что здесь могут проявляться какие-либо архетипические мотивы, связанные с трикстером-лисой, обманывающей доверившихся или поверивших ей «простаков». Следовательно, в ряде текстов ительменского фольклора волк может выступать в качестве одного из тех персонажей, которых обманывает или проводит герой-трикстер.

Подобную картину можно наблюдать в чукотско-корякских языках. Так, наиболее ярко лексическая единица со значением 'волк' представлена в чукотском языке. Согласно данным тематического словаря Ш. Венстена [25], в современном чукотском языке имеется несколько лексических единиц с таким значением. Нужно заметить, что в чукотском языке существует дифференциация употребления лексических единиц в зависимости от пола говорящего (т. е. выделяются два типа речи – мужской и женский). В нижеследующих примерах даются примеры лексических единиц из мужского типа речи (о чем есть пометка самого Ш. Венстена в предисловии к материалам своего словаря [25]).

Основными лексическими единицами для обозначения волка являются слова *и'гын* и *и'ны*. Они обладают нейтральной стилистической окраской, могут использоваться в различных типах нарративов, в частности, в устно-бытовом и в фольклорном. Так, Ш. Венстеном приводится следующий фрагмент подобного нарратива, в котором употреблена вышеуказанная лексическая единица: *И'ны-ым к'ынуур кыргыт'ол эрэтг'и* 'А волк упал, как кусок сухого дерева' [25].

Указанные выше лексические единицы *и'гын* и *и'ны* являются базовыми для чукотских номинаций для волка. Помимо прочего, они являются членами синонимического ряда, в который входят следующие лексические единицы с тем же значением [25]: *лейвыльын*, *н'аргыночьын*, *рыгналгын*. Так, лексическая единица *н'аргыночьын* используется, по всей вероятности, и в бытовых нарративах, что подтверждается тем примером, который дается для этой лексической единицы Ш. Венстеном [25]: *Н'аргыночьын кытымкатгээ* 'Волки умножились'. Существует также отдельное обозначение для волка-самца, которое также является принадлежностью фольклорных текстов, ср. следующий пример, который дается Ш. Венстеном [25]: *Гатваленат к'ликъины ынкъам н'эвъины* 'Были волк и волчица'. В этом примере можно видеть, что образ волка в чукотской языковой культуре подвергается дифференциации по признаку пола, поскольку для номинации волчицы существует отдельная лексическая единица *н'эвъины* [25] (ср. с представленной выше ительменской конструкцией). Ш. Венстеном на данную лексическую единицу приводится семантически близкий к указанному выше пример [25]: *Гатваленат н'ирэк' и'гыт, к'ликъины ынкъам н'эвъины* 'Были два волка, волк-самец и волчица'. Примечательно еще, что в данном высказывании употребляется и форма множественного числа *и'гыт* от базовой лексической единицы для обозначения волка *и'гын*.

Помимо прочего, в чукотском языке существует специальная лексическая единица *н'ойн'ыльын*, которая употребляется для обозначения волка преимущественно в текстах сказок [25]. Здесь можно привести следующий пример использования этой лексической единицы в контексте [25]: *Н'ойн'ыльа тымнэн ытля* 'Волк убил мать'.

В чукотском языке (в отличие, например, от ительменского) имеется также аугментативная форма от слова «волк» [25] – *э'гычгын* – которая семантически приблизительно эквивалентна русскому слову *волчище*. В самой ее семантике заключен компонент 'большой'. Наличие данной формы в вокабуляре отличает чукотский язык от ительменского, в котором, по словарным материалам и по имеющемуся корпусу текстов, функционально аналогичной формы не засвидетельствовано.

Заключение. Таким образом, в рамках данного исследования была сделана попытка продемонстрировать этнокультурную и лингвокультурную значимость образа волка в салишских, а также в ряде палеоазиатских языков. Было показано, что в мифологии салишских народов образ волка является в некотором роде «двойственным»: с одной стороны, эта мифологема реализуется в виде образа собственно волка, а с другой стороны – в виде образа койота. Последний является типичным представителем хищных для североамериканской фауны, поэтому вполне ожидаемо появление данного образа и в мифологии коренных жителей Северной Америки.

Мы предполагаем, что лексическая единица со значением 'волк' была заимствована в ительменский язык на одном из ранних этапов его существования, что объясняет материальную и семантическую схожесть между данными семантическими единицами на праязыковом уровне. Вместе с тем, как в чукотско-камчатских и ительменском, так и в североамериканских индейских языках существуют определенные семантические и функциональные параллели между образом волка. Кроме того, наблюдается и ряд отличий между данными мифологическими и языковыми традициями: так, например, в мифологиях салишских народов волк зачастую выступает в качестве центрального персонажа, который создает мир. При

этом, в различных мифах волк либо койот может выступать в противоположных функциях: как демиурга, так и трикстера, плута, обманщика.

Нужно также отметить многообразие топонимов и апеллятивной лексики салишских языков, которые тем или иным образом связаны с образом волка, что также отличает салишские языки от чукотско-камчатских и от ительменского языка. Некоторые из таких салишских топонимов связаны с определенными мифологическими нарративами или сюжетами.

Семантическая и отчасти материальная близость может объясняться также глубокими языковыми контактами между праязыками каждой из семей: прачукотско-камчатским языком, с одной стороны, и протосалишским, с другой: ср. список когнатов для данных протоязыков в статье С.Л. Николаева [22, р. 50–51]. Так, когнаты для прачукотско-камчатского **χixne* 'волк' обнаруживаются уже в праалгонкино-вакашском языке, а также и в ряде отдельных языков вакашской семьи [22, р. 54].

В то же время сам С.Л. Николаев утверждает [22, р. 47], что наличие подобных когнатов не свидетельствует о существовании общего праязыка для данных семей: более естественно, по его мнению, предположение о многочисленных языковых контактах между этими семьями, что привело к формированию общего лексикона. Мы также придерживаемся данного мнения, высказанного С.Л. Николаевым, считая, что общие лексические единицы со значением 'волк', принадлежа к культурной лексике, могли заимствоваться из одного праязыка в другой, а также и на уровне их языков-потомков.

Вместе с тем, нельзя забывать о том, что и салишские языки, и чукотско-камчатские языки вместе с ительменским входят в так называемый языковой союз Тихоокеанского пояса (более подробно об этом языковом союзе см. в статье Б. Бикеля и Дж. Николз [12]). По этой причине образ волка/койота в рассматриваемых нами языках можно классифицировать как одну из древних изоглосс, возникших внутри упомянутого языкового союза. Если применить к рассмотренному материалу идею С.М. Толстой об изоморфности языка и культуры, а также о существовании культуры в виде совокупности множества культурных идиомов-«диалектов» [9, с. 135], то в результате можно сделать вывод о значимости рассматриваемой нами культурной и мифологической константы «волк» для соответствующих салишских и палеоазиатских культурных «диалектов», а также об их взаимном сближении в рамках общности культурных идиомов языкового союза Тихоокеанского пояса.

Список используемых сокращений

3SG – притяжательный показатель третьего лица единственного числа; ABS – показатель абсолютива; ATV – показатель атематического глагола; COMP – комплемент; DEM – демонстратив; DET – детерминатив; ERG – показатель эргатива; INDEF – показатель неопределенности; LOC – локативный показатель; MDL – средний залог; NMLZ – номинализатор; PART – энклитика; POSS – посессивный показатель; PURP – целевая модальность; REFL – рефлексив; TR – показатель переходного глагола; ? – значение форманта неясно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – Пер. с фр. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
 Володин А.П. Ительменский язык / А.П. Володин. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1976. – 426 с.
 Володин А.П. Ительменский язык / А.П. Володин // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.:

Издательство «Индрик», 1997. – С. 60–71.

Володин А.П. Чукотско-камчатские языки / А.П. Володин // Языки мира. Палеоазиатские языки. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – С. 12–22.

Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч.2. Семантический словарь общиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – 1330 с.

Иванов Вяч.Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) / Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Книга по Требованию, 2021. – 246 с.

Маковский М.М. Индоевропейская мифопоэтика: миры и антимиря слова / М.М. Маковский. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 200 с.

Мудрак О.А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков / О.А. Мудрак. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.

Толстая С.М. Лингвистическая антропология / С.М. Толстая // Антропологический форум. – 2023. – № 58. – С. 133–136. – DOI 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.

Bastian D.E. Handbook of Native American mythology / D.E. Bastian, J.K. Mitchell. – Santa Barbara–Denver–Oxford: ABC-CLIO, 2004. – 297 p.

Bickel B. Oceania, The Pacific Rim and the theory of linguistic areas / B. Bickel, J. Nichols // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – 2006. – 32. – No. 2. – P. 3–15. – DOI 10.3765/bls.v32i2.3488.

Boas F. The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians / F. Boas., G. Hunt. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1897. – 426 p.

Carlson B.F. A Grammar of Spokane: A Salish Language of Eastern Washington / B.F. Carlson // University of Hawaii Working Papers in Linguistics. – Vol. 4. – № 4. – 1972. – 166 p.

Darwin H. Our Tellings. Interior Salish Stories of the Nlha7káp̓mx People / H. Darwin., H. Mamie. – Vancouver: UBC PRESS, 1995. – 217 p.

van Eijk J. The Lillooet Language. Phonology, Morphology, Syntax / J. van Eijk. – Vancouver: UBC Press, 1997. – 282 p.

Hojer H. Tonkawa Texts / H. Hojer // Linguistics 73. – University of California Publications. – Berkeley–Los Angeles–London, 1973. – 106 p.

Kuipers A.H. The Squamish Language: Grammar, Texts, Dictionary / A.H. Kuipers. – The Hague–Paris: Mouton and Co., 1967. – 407 p.

Mattina A. The Narrative of Peter J. Seymour Blue Jay and his Brother-in-Law Wolf / A. Mattina [Электронный ресурс] // IX International conference on Salishan languages (Vancouver, B.C. Canada). – Vancouver: University of British Columbia, 1974. – Pp. 1–98. – Режим доступа: https://lingpapers.sites.olt.ubc.ca/files/2018/04/1974_Mattina.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

Montler T. An Outline of the Morphology and Phonology of Saanich, North Straits Salish / T. Montler // University of Montana Occasional Papers in Linguistics. – 1986. – № 4. – 264 p.

Nater H.F. The Bella Coala Language / H.F. Nater. – Ottawa: National Museum of Canada, 1984. – 170 p.

Nikolaev S. Toward the reconstruction of Proto-Algonquian-Wakashan. Part 1: Proof of the Algonquian-Wakashan relationship / S. Nikolaev // Вопросы языкового родства. – 2015. – No. 1(13). – P. 23–61. – DOI 10.31826/jlr-2015-131-206.

Reichard G. An Analysis of Couer'd Alene Indian Myths / G. Reichard // Memoirs of the American Folklore Society. – Vol. 41. – Philadelphia: American Folklore Society, 1947. – 219 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам [Электронный ресурс] / Ю.Е. Березкин. – Режим доступа: <https://starlingdb.org/cgi-bin/main.cgi?root=/usr/local/www/data/berezkin> (дата обращения: 23.05.2024).

2. Венстен Ш. Тематический словарь чукотского языка (русско-чукотско-французско-английский) [Электронный ресурс] / Ш. Венстен. – Режим доступа: <http://charles.weinstein.free.fr/chukches/LEX/LxR.html> (дата обращения: 23.05.2024).

3. Ительменские сказки, собранные В.И. Иохельсоном в 1910–1911 гг. / ред. К. Халоймова, Э. Кастен, М. Дюпп. – Fürstenberg–Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2014. – 207 с.

4. Ительменские тексты / сост. Э. Кастен, М. Дюпп. – Fürstenberg–Havel: Kulturstiftung Sibirien,

2015. – 120 с.

5. Полный ительменско-русский словарь / ред. Ч. Оно, гл. сост. А.П. Володин. – СПб.: ИЛИ РАН; Fürstenberg–Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2021. – 489 с.

6. Bates D. Lushootseed Dictionary / D. Bates, T. Hess, V. Hilbert. – Seattle–London: University of Washington Press, 1994. – 381 p.

7. Folk-Tales of Salishan and Sahaptin Tribes // Memoirs of the American Folk-Lore Society. – Vol. XI. – 1917. – Lancaster and New York: American Folk-Lore Society, 1917. – 232 p.

8. Kuipers A.H. Salish Etymological Dictionary / A.H. Kuipers // University of Montana Occasional Papers in Linguistics. – 2002. – Vol. 16. – 240 p.

9. Mattina A. Colville-Okanagan Dictionary / A. Mattina. – Missoula: University of Montana, Department of Anthropology, 1987. – 354 p.

10. Salish Myths and Legends. One People's Stories. Ed. by M. Terry Thompson and Steven M. Egesdal. – Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2008. – 446 p.

11. Thompson L.C. Thompson River Salish Dictionary / L.C. Thompson, M.T. Thompson // University of Montana Occasional Papers in Linguistics. – 1996. – № 12. – 555 p.

REFERENCES

1. Bastian, D.E., & Mitchell, J. K. (2004). Handbook of Native American mythology. Santa Barbara–Denver–Oxford: ABC-CLIO. (in English)

2. Benvenist, Je. (1995). Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov [Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow: Progress-Univers. (in Russian)

3. Bickel, B., & Nichols, J. (2006). Oceania, the Pacific Rim, and the Theory of Linguistic Areas. Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, 32(2), 3–15. DOI 10.3765/bls.v32i2.3488. (in English)

4. Boas, F., & Hunt, G. (1897). The social Organization and the secret societies of the Kwakiutl Indians. Washington: U.S. Government Printing Office. (in English)

5. Carlson, B. F. (1972). A Grammar of Spokane: A Salish Language of Eastern Washington. (in English)

6. Civ'jan, T. V. (2009). Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy [World model and their linguistic foundations]. Moscow: LIBROKOM Publishing house. (in Russian)

7. Darwin, H. & Mamie, H. (1995). Our Tellings. Interior Salish Stories of the Nlha7kápmx People. Vancouver: UBC PRESS. (in English)

8. van Eijk, J. (1997). The Lillooet Language. Phonology, Morphology, Syntax. Vancouver: UBC Press. (in English)

9. Gamkrelidze T. V., & Ivanov, Vjach. Vs. (1984). Indoevropskij jazyk i indoevropcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokul'tury. Ch.2. Semantičeskij slovar' obshheindoevropskogo jazyka i rekonstrukcija indoevropskoj protokul'tury [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction, historical and typological analysis of protolanguage and protoculture. Part 2. Semantic dictionary of Common Indo-European and reconstruction of Indo-European protoculture]. Tbilisi: University of Tbilisi Press. (in Russian)

10. Hojer, H. (1973). Tonkawa Texts. (in English)

11. Ivanov, Vjach. Vs., & Toporov, V. N. (2021). Slavjanskije jazykovye modelirujushhie semiotičeskie sistemy (drevnij period) [Slavic linguistic modeling semiotic systems of early ages]. Moscow: Kniga po Trebovaniju. (in Russian)

12. Kuipers, A. H. (1967). The Squamish Language: Grammar, Texts, Dictionary. The Hague–Paris: Mouton and Co. (in English)

13. Makovskij, M. M. (2018). Indoevropskaja mifopojetika: miry i antimiry slova [Indo-European mythpoetics: worlds and anti-worlds of word]. Moscow: LENAND. (in Russian)

14. Mattina, A. (1974). The Narrative of Peter J. Seymour Blue Jay and his Brother-in-Law Wolf. In IX International conference on Salishan languages (Vancouver, B.C. Canada) (p. 1–98). Vancouver: University of British Columbia. (in English)

15. Montler, T. (1986). An Outline of the Morphology and Phonology of Saanich, North Straits Salish. (in English)

16. Mudrak, O. A. (2000). Jetimologičeskij slovar' čukotsko-kamčatskih jazykov [Etymological dictionary of Chukchi-Kamchatkan languages]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (in Russian)

17. Nater, H. F. (1984). The Bella Coola Language. Ottawa: National Museum of Canada. (in English)

18. Nikolaev, S. L. (2015). Toward the reconstruction of Proto-Algonquian-Wakashan. Part 1: Proof of the Algonquian-Wakashan relationship. Voprosy Jazykovogo Rodstva, 13(1–2), 23–62. DOI 10.31826/jlr-2015-131-206. (in English)

19. Reichard, G. An Analysis of Couer'd Alene Indian Myths (1947). Memoirs of the American Folklore Society, Vol. 41. (in English)
20. Tolstaja, S. M. Lingvističeskaja antropologija [Linguistic anthropology]. Antropologičeskij forum, 2023, 58, 133–136. DOI 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189. (in Russian)
21. Volodin, A. P. (1976). Iteľ'menskij jazyk [The Iteľmen language]. Leningrad: Nauka Publishing house. (in Russian)
22. Volodin, A. P. (1997). Iteľ'menskij jazyk [The Iteľmen language]. In Jazyki mira. Paleoaziatskie jazyki [Languages of the world. Paleo-Siberian languages] (pp. 60–71). Moscow: Indrik. (in Russian)
23. Volodin, A. P. Čukotsko-kamčatskie jazyki [Čukchi-Kamčatkan languages]. In Jazyki mira. Paleoaziatskie jazyki [Languages of the world. Paleo-Siberian languages] (pp. 12–22). Moscow: Indrik. (in Russian)

Поступила в редакцию 24.05.2024 г.

SPECIFICITY OF ZOOMORPHIC IMAGE OF WOLF AS MYTHOLOGICAL AND CULTURAL CONSTANT (ON THE BASIS OF SALISH AND SOME PALEO-SIBERIAN MYTHOLOGIC TRADITIONS)

O.N. Ikonnikova, S.S. Kalinin

The paper examines the semantic specificity of the image of a wolf in the mythological and folklore tradition of the indigenous peoples of North America (namely, the Salish tribes), as well as a number of speakers of Paleo-Siberian languages (Iteľmen and Čukchi, in particular). It is shown that this image is marked as a salient cultural constant in the mythological, ethnocultural and linguistic-cultural traditions mentioned above. At the same time this constant has a certain duality: for example, in Salish mythology, the wolf can act both as the creator of the world, and as a trickster and jester. Various lexical units representing the semantics of a given mythological image, both of an appellative nature and proper names (place names), are explored. Such place names examples are provided. In the authors' view, they stress the significance of the wolf image for Salish mythological and linguistic tradition. In conclusion, the similarities and differences in this image semantics in the mythological traditions under consideration are established. A hypothesis is made about the causes of the semantic convergence of these images in a number of aspects.

Key words: Salish languages, Čukchi-Kamčatkan languages, Iteľmen language, Paleo-Siberian languages, Native American mythology, Paleo-Siberian mythology, image of wolf in mythology, mythological and folklore narrative, cultural constant, world model.

Иконникова Ольга Николаевна.

Кандидат филологических наук.
Таганрогский институт экономики и управления,
г. Таганрог, Российская Федерация.
Доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
ORCID 0000-0001-5075-9988.
E-mail: iconolga@mail.ru

Калинин Степан Сергеевич.

Кандидат филологических наук.
Международный славянский институт, г. Москва,
Российская Федерация.
Научный директор научно-образовательного центра
русского языка и славянской культуры.
ORCID 0000-0001-7371-9655.
E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

Ikonnikova Olga Nikolaevna.

Candidate of Philology.
Taganrog Institute of Economics and Management,
Taganrog, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Humanities.
ORCID 0000-0001-5075-9988.
E-mail: iconolga@mail.ru

Kalinin Stepan Sergeevich.

Candidate of Philology.
International Slavic Institute,
Moscow, Russian Federation.
Scientific supervisor of Scientific and Educational
Center of Russian language and Slavic culture.
ORCID 0000-0001-7371-9655
E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

Научная статья

УДК 81:373

DOI: 10.5281/zenodo.11421653

ТЕЗОИМЁННОСТЬ В ТОПОНИМИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2024 *Е.А. Кузнецова*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
ORCID 0000-0002-0855-9752.*

В работе рассматривается явление тезоимённости в топонимии (наличие у нескольких связанных между собой объектов одного и того же названия), которое является примером реализации парадигматических отношений в топонимической системе. Анализ проведён на основе исследования разных топонимических систем: 1) региональной топонимии Владимирской области; 2) микротопонимии нескольких сельских поселений Судогодского района; 3) городского топонимического пространства города Владимира. Делается вывод о специфическом характере тезоимённости в разных топонимических системах: в региональной топонимической системе одинаковые названия чаще всего имеют реки и поселения, а также посёлки при железнодорожных станциях и сельские поселения, что изначально способствовало ориентации на местности, хотя со временем эта функция была утрачена; в микротопонимической системе тезоимённость не используется в целях ориентации на местности, а является примером метонимического переноса для экономии речевых средств; в городском топонимическом пространстве последовательно функцию ориентации тезоимённость реализует только в сфере названий остановочных пунктов.

Ключевые слова: тезоимённость, топоним, топонимия, ойконим, гидроним, микротопоним, урбаноним, топонимическая система, топонимическое пространство, парадигматические отношения.

Для цитирования: Кузнецова Е.А. Тезоимённость в топонимии Владимирской области / Е.А. Кузнецова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 75–83. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11421653>.

Введение. Топонимы, т.е. географические названия, будучи единицами языка, не существуют сами по себе, они всегда соотносятся с другими топонимами этой же территории, вместе с которыми образуют топонимию, т.е. совокупность географических названий конкретной местности. Это обуславливает тот факт, что на основе анализа отдельных топонимических единиц невозможно сделать вывод об особенностях топонимии целого региона. Кроме того, нельзя говорить и о специфике отдельного географического названия, базируясь на его изучении вне изучения других топонимов той же территории. Более того, мы не можем сделать вывод даже об отдельном географическом названии, если будем анализировать его обособленно. Указывая на данную особенность топонимов, В.А. Никонов писал: «Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо прежде всего понять, что оно возникло не изолированно, а лишь в определённом ряду других названий» [7, с. 34].

Для описания совокупности топонимов, наряду с термином «топонимия» используются понятия «топонимическое пространство» и «топонимическая система». Топонимическое пространство следует считать частным случаем ономастического пространства. Впервые термин «ономастическое пространство» был предложен

В.Н. Топоровым (в его формулировке – топономастическое пространство) [12, с. 31]. Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» трактует ономастическое пространство как «комплекс собственных имён всех разрядов, употребляемых данным народом в данный период» [8, с. 104]. В отдельных публикациях термин «топонимическое пространство» в известной степени отождествляется с понятием «топонимическая система» [6, с. 138]. В упомянутом уже «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской даётся следующее определение: «Топонимическая система – это определённым образом организованная совокупность топонимов данного этноса для данного времени на данной территории» [8, с. 146]. Авторы монографии «Теория и методика ономастических исследований» под топонимической системой понимают «известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего её коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности» [10, с. 51].

Говоря о специфике топонимической системы, А.В. Суперанская указывала, что она «служит важной движущей силой в перестройке отдельных топонимов, подчиняя их общим закономерностям, наблюдающимся на одной территории, придавая им сходство друг с другом и в то же время способствуя их дифференцированности» [11, с. 109]. Ещё на одну особенность топонимической системы обращала внимание И.А. Воробьева, которая писала, что «на многонациональной территории функционирует не одна топонимическая система, а две и более параллельные системы, которые действуют друг на друга и перекрещиваются друг с другом» [2, с. 8].

Таким образом, мы можем констатировать, что понятия «топонимическое пространство» и «топонимическая система», хотя и могут быть употреблены как синонимичные, всё-таки должны быть разграничены. Указанное разграничение может проводиться по следующему параметру: топонимическое пространство – это совокупность географических названий ограниченной территории, в то время как топонимическая система – это совокупность взаимосвязанных топонимических единиц, между которыми возникают особые отношения, демонстрирующие, с одной стороны, специфику этих единиц, а с другой стороны, особенности самой системы.

Как известно, единицы языковой системы вступают между собой одновременно в синтагматические (горизонтальные) и парадигматические (вертикальные) отношения. Топонимы являются частью лексического состава языка. Наиболее последовательно реализация указанных типов отношений осуществляется в классе нарицательной лексики, однако в топонимической системе, которая может быть рассмотрена как частный случай общезыковой лексической системы, синтагматические и парадигматические отношения могут проявляться весьма специфично, на что указывала в своих работах Л.А. Климкова: «Своеобразно проявляются в области собственных имён различные межсловные отношения – парадигматические (связи, объединения слов на основе «общей семантической темы» – Д.Н. Шмелёв – и дифференциальных признаков одного и того же порядка), синтагматические (отношения сочетаемости слов), ассоциативно-деривационные (отношения слов на основе «смысловых ассоциаций», а также на основе словообразовательных связей)» [3, с. 16].

В данной статье мы остановимся на одном из примеров реализации парадигматических отношений в топонимической лексике – тезоимённости, под которой вслед за Л.А. Климковой понимаем «наличие внешне одного и того же названия у нескольких объектов» [4, с. 25–26]. Рассмотрение случаев реализации

тезоимённости в топонимии конкретного региона и определение причин данного явления может дать сведения о специфике самой региональной топонимической системы.

Материалы и методы исследования. Настоящее исследование базируется на анализе единиц разных топонимических систем. Остановимся на их краткой характеристике:

1. Региональная ойконимия Владимирской области, т.е. совокупность названий населённых пунктов: было проанализировано 2526 названий городов, посёлков, сёл, деревень Владимирской области на основании данных Реестра административно-территориальных образований и единиц Владимирской области [13].

2. Микротопонимия сельских поселений Алфёрово, Дворишнево, Заястребье, Овсянниково, Травинино Судогодского района. Выбор указанных населённых пунктов обуславливается тем, что, находясь на достаточном отдалении от других населённых пунктов (4 км до ближайшего населённого пункта и 10 км до районного центра) и близко друг к другу (от 1 км до 200 м), данные поселения образуют собственное топонимическое пространство, которое имеет специфические черты и может быть проанализировано в качестве примера сельской микротопонимической системы. Всего проанализировано 152 микротопонима, которые были собраны в ходе полевого исследования на обозначенной территории.

3. Городское топонимическое пространство города Владимира, представленное различными классами топонимов: урбанонимы (годонимы, т.е. названия улиц, – 415 единиц; названия остановок общественного транспорта муниципального образования город Владимир – 182 единицы), а также эргонимы¹⁷, а именно названия заведений общественного питания, а также отелей и гостиниц – 118 единиц.

Основная часть. Тезоимённость как наличие у нескольких объектов одного названия не следует смешивать с омонимией, которая также является примером парадигматических отношений в языковой системе и которая в топонимии получает особую реализацию. Так, тезоимённость включает случаи, при которых одно имя носят объекты разного рода, которые при этом связаны между собой и, более того, чаще всего соположены в пространстве, в то время как под омонимией в топонимической системе следует понимать наличие одинакового названия у не связанных между собой объектов, причём эти объекты могут быть однородными (ср., напр., наличие названия *Высоково* у семи деревень в разных районах Владимирской области).

1. В региональной топонимической системе Владимирской области тезоимённость реализуется в том, что одно и то же название имеют реки и поселения на реке, озёра и населённые пункты по его берегам, а также посёлки при железнодорожной станции и находящиеся поблизости сельские поселения.

Интересным примером тезоимённости является перенос названия с реки на образовавшийся по её берегам населённый пункт. В исследуемом регионе достаточно много таких примеров, это при том, что во внимание не берутся случаи деривационных отношений между топонимами, когда поселение образовывается от названия реки с помощью каких-либо топонимических формантов. Не учитывались также случаи, когда

¹⁷ Вопрос о статусе эргонима как разновидности топонима, безусловно, является спорным, поскольку некоторые эргонимы представляют собой названия таких объектов, которые не имеют пространственной локализации (Союз писателей России, ООО «Эволюция» и пр.), однако рассматриваемые в настоящей статье эргонимы (названия кафе, ресторанов и гостиниц) имеют конкретное географическое расположение в городе, вписываются в его топонимическое пространство, в связи с чем их можно и нужно рассматривать как класс топонимов.

при переносе названия реки, протекающей по Владимирской области, имя получало поселение, которое формально находится в соседнем регионе.

Остановимся на примерах: с. *Ворша* (Собинский р-н) – от названия реки *Ворши*; д. *Дубна* (Александровский р-н) – от названия реки *Дубны*; д. *Каменка* (Меленковский р-н) – от названия реки *Каменки*; г. *Киржач* – от названия реки *Киржач*; д. *Колокша* (Собинский р-н) – от названия реки *Колокши*; с. *Коль* (Гусь-Хрустальный р-н) – от названия реки *Коль*; д. *Мележа* (Киржачский р-н) – от названия реки *Мележи*; пос. *Нерехта* (Ковровский р-н) – от названия реки *Нерехты*; д. *Пекша* (Петушинский р-н) – от названия реки *Пекши*; д. *Передел* (Судогодский р-н) – от названия реки *Передел*; д. *Сойма* (Судогодский р-н) – от названия реки *Соймы*; г. *Судогда* – от названия реки *Судогды* и др.

Как известно, случаи, когда одно и то же название имеет река и возникшее по её берегам поселение, – явление, характерное не только для Владимирской области, но и для всей России. Возникает вопрос, имеет ли явление тезоимённости в исследуемом регионе какую-то специфику. Во Владимирской области две крупные реки (Клязьма и Ока) и около сотни небольших рек, а также несколько сотен маленьких рек и ручьёв. Как мы видим из примеров, населённые пункты не получали название от Клязьмы и Оки, примеры тезоимённости встречаются только среди небольших рек. Можем предположить, что это обусловлено особенностями жизни и освоения окружающей действительности языковым коллективом, который проживал на этих территориях раньше. Для людей, которые вели хозяйство в небольшой деревне, возникшей на берегу реки, и которые не перемещались дальше некоторых соседних поселений, вполне нормально использовать название реки и для деревни тоже, поскольку у них не было представления, какова длина этой реки и могут ли существовать на протяжении её течения другие населённые пункты. Интересным при этом представляется тот факт, что в региональной топонимической системе всё-таки не было отмечено омонимии, возникшей вследствие того, что несколько поселений получили своё название при переносе имени с одной и той же реки.

Следует указать, что из представленных примеров большая часть названий рек имеет финно-угорское происхождение (*Ворша*, *Киржач*, *Колокша*, *Нерехта*, *Пекша*, *Сойма*, *Судогда*). Эти названия имеют субстратное происхождение, они сохранились с тех времён, когда на территории современной Владимирской области проживали финно-угорские племена (мурома, меря, весь и нек. др.). Однако уже начиная с IX в. эти земли стали заселяться славянами, которые приходили сюда с северо-запада и использовали для передвижения в основном реки. При этом ни о каком завоевании новых территорий славянскими племенами речи не шло, они стали мирно жить на тех же землях, используя, видимо, для водных объектов те названия, которые слышали в речи местных жителей. Со временем финно-угорское население подверглось естественной ассимиляции, в том числе и языковой, однако древние названия рек сохранились в русском языке, хотя и подверглись значительным фонетическим изменениям.

До сих пор открытым остаётся вопрос, почему именно конкретные поселения получили названия по реке. Рассуждая об особенностях освоения пространства финно-угорскими племенами, А.К. Матвеев писал: «Носители древнего субстрата были охотниками, рыбаками, может быть, оленеводами. Для тех и других характерно маршрутное видение и сезонные перекочевки, поэтому для них было важно прежде всего верховье, где часто кончалась уже освоенная хозяйственная зона» [5, с. 87]. С другой стороны, анализируя русскую топонимию, Е.Л. Березович указывала на

практику «освоения рек снизу вверх», а сравнивая специфику реализации особенностей освоения пространства в субстратной и русской топонимии, подчёркивала её этнокультурную обусловленность [1, с. 108].

Во Владимирской области названия финно-угорского происхождения, появившиеся в результате трансонимизации, т.е. перехода топонима из класса гидронимов (названий водных объектов) в класс ойконимов (названий населённых пунктов), имеют поселения, которые находятся либо сравнительно недалеко от устья (*Колокша, Пекша, Сойма*), либо в средней части течения реки (*Киржач, Нерехта, Судогда*). На основании этого мы можем сделать вывод, что названия по реке указанные поселения могли получить уже от славянских племён в период их проживания на этой территории. Косвенным подтверждением этой гипотезы может служить тот факт, что кроме финно-угорских есть и славянские названия рек, которые были перенесены на сельские поселения, а эти поселения располагаются либо в средней части течения соответствующей реки (*Дубна, Каменка, Колть, Передел*), либо ближе к устью (*Мелёжа*). Полагаем, что река в принципе была важным ориентиром для жителей этих территорий, поэтому было удобно назвать населённый пункт именно по реке.

Реже встречается во Владимирской области перенос названия с озера на образовавшийся по её берегам населённый пункт, ср., напр.: пос. *Санхар* (Вязниковский р-н) – от названия озера *Санхар*, д. *Братонеж* (Собинский р-н) – от названия озера *Братонеж*. Связано это, по всей вероятности, с тем, что озёр по сравнению с реками во Владимирской области не так много, а также с тем, что они не имели большого значения для жизнедеятельности человека.

Наиболее последовательно тезоимённость в региональной топонимии реализуется при образовании названий железнодорожных станций, ср., напр.: пос. *Арсаки* (Александровский р-н) – от названия д. *Арсаки*, пос. *Бельково* (Киржачский р-н) – от названия д. *Бельково*, пос. *Болдино* (Петушинский р-н) – от названия д. *Болдино*, пос. *Колокша* (Собинский р-н) – от названия д. *Колокша*, пос. *Передел* (Судогодский р-н) – от названия д. *Передел*, пос. *Улыбышево* (Судогодский р-н) – от названия д. *Улыбышево*. Как известно, большинство железнодорожных станций получали своё название по находящемуся поблизости населённому пункту. Это делалось для облегчения ориентации на местности, однако в итоге привело к существованию в одной региональной топонимической системе двух одинаковых названий у расположенных недалеко друг от друга населённых пунктов. Связано это, очевидно, с тем, что изначально железнодорожные станции выполняли исключительно утилитарную функцию, т.е. были только пунктом остановки на пути следования поезда, и уже со временем рядом со станциями стали селиться люди, появлялись целые посёлки.

Редки случаи (но во Владимирской области они всё-таки встречаются), когда станция получала название не по находящемуся поблизости населённому пункту, а по наименованию протекающей недалеко реки, ср., напр.: пос. *Вековка* – от названия реки *Вековки*. Это может обуславливаться тем, что более или менее крупного населённого пункта поблизости тогда не было, что подтверждают данные современных карт, а также карт XIX в.

2. Перейдём к рассмотрению явления тезоимённости в микротопонимической системе. Понятие микротопонима обычно противопоставлено макротопониму или просто топониму по признаку размера. Под микротопонимом обычно понимается «название небольшого местного объекта, как правило, физико-географического или внутригородского: луга, поля, рощи, улицы» [9, с. 16]. Микротопонимы зачастую

известны ограниченному кругу лиц, в основном жителям одной или нескольких деревень. Нередко микропонимы носят неофициальный характер и никак не отражаются в справочниках или на картах.

В настоящей статье анализу подвергнута микропонимическая система сельских поселений Алфёрово, Дворишнево, Заястребье, Овсянниково Судогодского района Владимирской области. Мы можем говорить о характерных именно для этих поселений системных связях в микропонимии, поскольку указанные населённые пункты находятся близко друг к другу и на значительном отдалении от других деревень.

Особенность проявления тезоимённости в микропонимии заключается в том, что одно название зачастую получают максимально близкие друг к другу объекты. При этом идентификация (т.е. отграничение одного объекта от другого) происходит только в речи местных жителей, а посторонним людям может быть недоступна. Рассмотрим следующие контексты употребления микропонимов, которые являются примером тезоимённости: (1) *Видел его на Пасху в **Николе**.* (2) *Хоронили его на **Николе**.* (3) *Поехал в Судогду, но на **Николе** машина сломалась.* (4) *Черника на **Николе** уже поспела.* Одно и то же название *Никола* в данном случае имеют разные объекты: (1) церковь Сретения Господня на погосте Новый Никола, которая имеет три престола (во имя Сретения Господня, Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая Чудотворца) [14, с. 46]), (2) кладбище, находящееся при указанной церкви, (3) гора по дороге из д. Травинино в сторону г. Судогды, на которой есть поворот в сторону церкви и кладбища, а также (4) лес, который находится слева от дороги к церкви. Очевидно, что второй, третий и четвёртый объекты получили название по церкви, которая в речи местных жителей называлась просто *Николой*.

Рассмотрим ещё контексты: (1) *Он из Овсянникова, поэтому на **Староверах** лежит.* (2) *Вчера на **Староверах** столько грибов нашли.* Староверами называли жителей д. Овсянниково, которые были старообрядцами, жили довольно обособленно и хоронили усопших не на общем деревенском кладбище недалеко от с. Заястребье, а на собственном – рядом с д. Овсянниково. В результате онимизации апеллятива «староверы» появился микропоним *Староверы*, который обозначал кладбище, где хоронили старообрядцев. Впоследствии *Староверами* стали называть весь лес, в котором находится это кладбище. На данный момент как таковых старообрядцев в д. Овсянниково уже не осталось, однако традиция называть местных жителей (в основном потомков прежних старообрядцев) староверами и использовать в речи указанные микропонимы осталась.

Как мы видим, примеров тезоимённости в микропонимической системе исследуемой территории совсем мало, однако даже они дают основания сделать некоторые предположения относительно специфики данного явления. Так, оба случая связаны с сакральными для местных жителей местами (кладбищами) и в обоих случаях перенос был осуществлён на название леса. Соположенность анализируемых объектов может указывать на то, что тезоимённость в микропонимии не содействует ориентации на местности, а, скорее, является примером метонимического переноса, который способствует экономии речевых средств.

3. Остановимся на проявлении тезоимённости в городской топонимической системе. В некоторых случаях тезоимённость выполняет в топонимическом пространстве г. Владимира исключительно утилитарную функцию ориентации. Это относится в первую очередь к названиям остановочных пунктов, которые в большинстве своём связаны с объектом, находящимся на минимальном расстоянии и при этом знакомым многим жителям города, что и обеспечивает ориентирование на

местности, ср., напр.: *Андреановский сквер*, *Князь-Владимирское кладбище*, *Михайловский пруд*, *Рябинка* (от наименования магазина «Рябинка»), *Соборная площадь*, *Студёная Гора* (от названия улицы Студёная Гора), *Театр «Разгуляй»* и мн. др.

Представляется логичным, чтобы функцию ориентирования на местности выполняла также тезоимённость при переносе названия с объекта в городе на учреждение общественного питания (кафе, рестораны) или организации проживания (отели, гостиницы): в таком случае местным жителям и гостям города было бы легче находить указанное учреждение. Однако в современной городской эргонимии функция ориентации уступила место функции привлечения внимания посредством использования креативного названия, вызывающего те или иные эмоции.

Явление тезоимённости было характерно для топонимической системы города Владимира несколько десятилетий назад. Так, из городского топонимического пространства уже исчезли названия *ресторана «Нерль»* и *гостиницы «Клязьма»* (оба эргонима образованы от названий рек), хотя и употребляются как неофициальные топонимы для обозначения появившихся на их месте объектов или района вокруг них. Особенность этих названий заключается в том, что именуемые объекты не соотносятся с реками напрямую (ни ресторан, ни гостиница не стоят на берегу указанных рек). Скорее всего, данные наименования были выбраны с целью придания называемым учреждениям статусности, что особенно важно в городе, являющемся туристическим центром.

В современном топонимическом пространстве города Владимира примером тезоимённости являются лишь названия гостиниц *«Владимир»* и *«Золотое Кольцо»*, которые также не выполняют функции ориентирования на местности, а, вероятно, тоже связаны со стремлением повысить статус данных объектов в ряду других.

Заключение. Тезоимённость в топонимии представляет собой интересный пример реализации парадигматических отношений. Причём в разных топонимических системах тезоимённость проявляется специфически. Так, в региональной топонимической системе одинаковые имена чаще всего имеют реки и появившиеся по их берегам поселения, а также (более последовательно) железнодорожные станции, посёлки при железнодорожных станциях и сельские поселения, находящиеся поблизости. Изначально это явление способствовало ориентации на местности, хотя со временем данная функция была во многом утрачена. В микротопонимической системе тезоимённость не используется для ориентации на местности, а является примером метонимического переноса, который способствует экономии речевых средств. В городском топонимическом пространстве последовательно функцию ориентации тезоимённость реализует только в сфере названий остановочных пунктов, в то время как в эргонимии перенос названия с известного в городе объекта на учреждение общественного питания или организации проживания является в основном средством повышения его статуса.

Тезоимённость в топонимии требует дальнейшего изучения ввиду того, что мотивация переноса названия с одного объекта на другой может дать интересную информацию о важнейших для языкового коллектива реалиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е.Л. Березович. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.
2. Воробьева И.А. Язык Земли. О местных географических названиях Западной Сибири / И.А. Воробьева. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. – 152 с.

3. Климкова Л.А. Региональная ономастика: учебное пособие к спецкурсу / Л.А. Климкова. – Горький: ГГПИ им. М. Горького, 1985. – 96 с.
4. Климкова Л.А. Системные отношения в микротопонимии / Л.А. Климкова // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – № 2-2. – С. 25–26.
5. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I / А.К. Матвеев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 346 с.
6. Мкртычян С.В. Моделирование топонимического пространства малого русского города: синхронический аспект / С.В. Мкртычян, В.В. Заонегина // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2022. – № 4 (75). – С. 138–146 DOI 10.26456/vtfilol/2022.4.138.
7. Никонов В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
9. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России / Г.П. Смолицкая. – М.: Армада-пресс, 2002. – 416 с.
10. Соколова Т.П. Коммодификация топонимии современной Москвы в социолингвистическом аспекте / Т.П. Соколова // Социолингвистика. – 2022. – № 3(11). – С. 9–26 DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-9-26.
11. Сокур Е.А. Гидронимическое пространство Адыгеи: структурная и семантическая организация / Е.А. Сокур, З.К. Беданоква, А.А. Адзинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 97–108. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.8>.
12. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
13. Суперанская А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1984. – 182 с.
14. Топоров В.Н. О палийской топономастике / В.Н. Топоров // Топонимика Востока: исследования и материалы / Ред. коллегия: Э.М. Мурзаев и др.; АН СССР. Ин-т востоковедения. Топоним. комис. Моск. филиала Геогр. о-ва. – М.: Наука, 1969. – 239 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Постановление губернатора Владимирской области от 13 июня 2007 года № 433 «О Реестре административно-территориальных образований и единиц Владимирской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/424086803> (дата обращения: 30.04.2024).
16. Судогодское благочиние: история приходов и храмов / Владимирская епархия Русской православной церкви. – Владимир; Судогда: Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – 132 с.

REFERENCES

1. Berezovich, E.L. (2009). Russkaya toponimiya v etnolingvističeskom aspekte: Prostranstvo i chelovek [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect: space and man]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russian).
2. Vorobyova, I.A. (1985). Yazyk Zemli. O mestnykh geograficheskikh nazvaniyakh Zapadnoy Sibiri [The Language of Earth. About local geographical names of Western Siberia]. Novosibirsk: West Siberian Book Publishing House. (In Russian).
3. Klimkova, L.A. (1985). Regional'naya onomastika: uchebnoye posobiye k spetskursu [Regional onomastics: textbook for the special course]. Gorky: State Pedagogical Institute named after M. Gorky. (In Russian).
4. Klimkova, L.A. (2008). Sistemnyye otnosheniya v mikrotoponimii [System relations in the microtoponymy]. Bulletin of Vyatka State University, № 2-2, 25–26. (In Russian).
5. Matveev, A.K. (2001). Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. Chast' I [Substrate toponymy of the Russian North. Part I]. Yekaterinburg: Ural Publishing House. (In Russian).
6. Mkrtychyan, S.V. (2022). Modelirovaniye toponimicheskogo prostranstva malogo russkogo goroda: sinkhronicheskiy aspect [Modeling of the toponymic space of a small Russian town: a synchronic aspect]. S.V. Mkrtychyan, V.V. Zaonegina. Bulletin of TVSU. Series «Philology», № 4 (75), 138–146. DOI 10.26456/vtfilol/2022.4.138.
7. Nikonov, V.A. (2011). Vvedeniye v toponimiku [Introduction to toponymy]. Moscow: LKI Publishing House. (In Russian).
8. Podolskaya, N.V. (1978). Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii [A Dictionary of the Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka. (In Russian).
9. Smolitskaya, G.P. (2002). Toponimicheskiy slovar' Tsentral'noy Rossii [Toponymic dictionary of Central Russia]. Moscow: Armada-press. (In Russian).

10. Sokolova, T.P. (2022). Kommodifikatsiya toponimii sovremennoy Moskvyy v sotsiolingvisticheskom aspekte [Commodification of toponymy of modern Moscow in the sociolinguistic aspect]. Sociolinguistika, № 3(11), 9–26 DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-9-26. (In Russian).
11. Sokur, E.A. (2023). Gidronimicheskoye prostranstvo Adygei: strukturnaya i semanticheskaya organizatsiya [Hydronymic space of Adygea: structural and semantic organization]. E.A. Sokur, Z.K. Bedanokova, A.A. Adzinova. Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics, Vol. 22, 2. 97–108 DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.8>. (In Russian).
12. Superanskaya, A.V. (1986). Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy [Theory and methodology of onomastic research]. A.V. Superanskaya, V.E. Staltmane, N.V. Podolskaya, A.Kh. Sultanov. Moscow: Nauka. (In Russian).
13. Superanskaya, A.V. (1984). Chto takoye toponimika? [What is toponymy?]. Moscow: Nauka. (In Russian).
14. Toporov, V.N. (1969). O paliyskoy toponomastike // Toponimika Vostoka: issledovaniya i materialy [On Pali toponomastics // Toponymy of the East: research and materials]. Editorial Board: E. M. Murzaev et al.; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Oriental Studies. Toponym. comis. Moscow. branch of Geogr., Moscow : Nauka. (In Russian).
15. Postanovleniye gubernatora Vladimirskoy oblasti ot 13 iyunya 2007 goda № 433 «O Reyestre administrativno-territorial'nykh obrazovaniy i yedinit Vladimirskoy oblasti» [Resolution of the governor of the Vladimir region dated June 13, 2007 No. 433 «About the register of administrative-territorial entities and units of the Vladimir region»]. Retrieved from: <https://docs.cntd.ru/document/424086803> (date of access: 04/30/2024).
16. Sudogodskoye blagochiniye: istoriya prikhodov i khramov / Vladimirskaya yeparkhiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi [Sudogodsky deanery: history of parishes and churches / Vladimir diocese of the Russian Orthodox Church]. Vladimir; Sudogda: Vladimir: Tranzit-IKS, 2015.

Поступила в редакцию 07.05.2024 г.

NAMESAKE IN TOPONYMY OF VLADIMIR REGION

E.A. Kuznetsova

The article deals with the phenomenon of the namesake, which is defined as the presence of several interconnected objects of the same name. It is considered in the toponymy, which is an example of the implementation of the paradigmatic relations. The analysis is based on a study of different toponymic systems: 1) regional toponymy of the Vladimir region; 2) microtoponymy of several rural settlements of the Sudogodsky district; 3) urban toponymic space of the city of Vladimir.

The research shows a specific nature of the namesake in different toponymic systems. In the regional toponymic system, rivers and settlements often have the same names, as well as villages near railway stations and rural settlements, which initially contributed to the terrain orientation, although in the course of time this function was largely lost. In the microtoponymic system the namesake is not used for the terrain orientation, but it serves as an example of the metonymic transfer for saving the speech means. In the urban toponymic space the namesake realizes the orientation function only in the sphere of the stopping points names.

Key words: namesake, toponym, toponymy, oikonym, hydronym, microtoponym, urbanonym, toponymic system, toponymic space, paradigmatic relations.

Кузнецова Екатерина Александровна.

Кандидат филологических наук.

Владимирский государственный университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Российская Федерация, г. Владимир.

Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0000-0002-0855-9752.

E-mail: e.a.kuznetsova@list.ru

Kuznetsova Ekaterina Alexandrovna

Candidate of Philology.

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Russian Federation, Vladimir.

Associate Professor of the Russian Language Department.

ORCID 0000-0002-0855-9752.

E-mail: e.a.kuznetsova@list.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.11421369

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАССМЕДИЙНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖАРГОНА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ТОК-ШОУ)

© 2024 Ю.В. Щипанова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

ORCID 0009-0001-4099-9678.

В настоящей статье рассматриваются семантические и функциональные особенности массмедийного политического жаргона. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения названного специфического лексического и фразеологического аппарата, который, используя в сфере массовых коммуникаций, не только является средством описания современных политических процессов и событий, но и способствует формированию общественного политического мировоззрения. В ходе исследования речевых высказываний участников популярных российских ток-шоу применялись различные методы и приемы: сплошная выборка, анализ, синтез и дифференциация лексем. Выделены основные лексико-семантические группы политических жаргонизмов: наименования лиц в соответствии со спецификой их общественно-политической деятельности; прозвища известных политиков, чиновников и общественно-политических деятелей; наименования общественной или политической ситуаций, форм государственного управления; наименования общественных течений, организаций, сообществ; наименования способов и приемов общественно-политической деятельности. Определены основные функции массмедийного политического жаргона: воздействующая, экспрессивная, коммуникативная, когнитивная и функция экономии времени.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, массмедийный политический жаргон, семантико-функциональные особенности, ток-шоу, лексико-семантическая группа.

Для цитирования: Щипанова Ю.В. Семантико-функциональные особенности массмедийного политического жаргона / Ю.В. Щипанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 84–91. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11421369>.

Введение. Современные политические ток-шоу стали неотъемлемой частью политического дискурса, влияя на восприятие политических событий и формирование общественного мнения. Речь спикеров подобных телевизионных дискуссий и их участников – известных российских и зарубежных журналистов, писателей, психологов, экономистов, политических деятелей, политологов, дипломатов, военных экспертов – является чутким индикатором происходящих изменений в общественно-политической жизни, сознании социума и языке, его обслуживающем. В связи с этим возникает необходимость изучения массмедийного политического жаргона – специфического лексического и фразеологического аппарата, который используется в сфере массовых коммуникаций для описания политических процессов, событий и феноменов.

Интерес к проблемам исследования политического дискурса и языка политики возник в отечественной и зарубежной науке достаточно давно (Н.А. Купина «Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции» [9], Р. Водак «Язык. Дискурс. Политика» [5], Э.В. Будаев Введение в политическую лингвистику [3], А.Н. Баранов «Введение в прикладную лингвистику» [2], А.А. Романов «Политическая лингвистика. Функциональный подход» [11], И.В. Вольфсон «Язык политики. Политика языка» [6],

А.П. Чудинов «Политическая лингвистика» [13], Э.В. Будаев, А.П. Чудинов «Зарубежная политическая лингвистика» [3], Л.В. Балашова «Метафоризация социальной лексики в русских жаргонах конца XX – начала XXI века» [1] и не утрачивает своей актуальности на современном этапе вследствие продолжающейся активной «демократизации» языка. Считаем, что специфика политического жаргона и механизмы его функционирования в современных массмедиа еще недостаточно изучены и нуждаются в дальнейшем глубоком анализе и уточнении.

Материалы и методы исследования. Материалом для настоящего исследования послужили высказывания ведущих и дискуссионных российских политических ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Соловьев Live», «60 минут», «Без Б».

Основная часть. Методом сплошной выборки было выявлено около 100 наиболее частотных жаргонных единиц, дифференцированных нами на следующие лексико-семантические группы (далее – ЛСГ):

1. Наименования лиц в соответствии со спецификой их общественно-политической деятельности:

а) должностное лицо в государственных структурах: *думак* – депутат Государственной Думы («Думак один здесь выступил с одним предложением...» (Без Б));

б) специалист в области политики: *кремлевед* – зарубежный знаток внешней и внутренней политики Советского Союза и России («И главное здесь не впасть в ту иллюзию, в какую впали специалисты-кремлеведы из Америки. Когда они выбирают удобную точку зрения и начинают ее возносить на самый верх, а потом не понимают, почему ожидания расходятся с реальностью» (Соловьев Live));

в) сторонник действующей власти, политических партий, групп:

путинист – приверженец политики Президента Российской Федерации В.В. Путина («...ты продажный, пророссийский, ты путинист» (Вечер с Владимиром Соловьевым), «Школьник – матери: «Холокоста не было! Всё выдумали ж*** Воевали под дулами НКВД! С путинистами и совками говорить бесполезно!» (Соловьев Live));

трампист – приверженец политики бывшего президента США Д. Трампа («В палате появилась значительная группа республиканцев-националистов, трампистов и они хотят, чтобы американская политика в отношении России, и не только России, больше отражала национальные интересы, а не глобалистские амбиции», «Республиканцы проходят конфликт отцов и детей. В сенате окопались ястребы. Там выступают за неприлично огромный военный бюджет. В том числе на военную помощь Украине. Эти люди лоббируют интересы Зеленского и военно-промышленного комплекса. А их дети-трамписты открыто говорят, что они не хотят выписывать Украине «чистые чеки». (Соловьев Live));

слон – человек, который придерживается пророссийской позиции («Наш слон!» (Без Б));

кремлебот – человек, чаще блогер или журналист, сотрудничающий с властными структурами и ведущий за бюджетные деньги пропаганду («Представьте: пишешь комментарии, а потом в один момент ты оказываешься кремлеботом и вся твоя жизнь – это эксперимент» (Без Б)), «Мусор стали удалять, что, собственно, было и нужно - тема тут же была подхвачена всякими помойками типа Кашина ему подобных на уровне «Ха-ха, посмотрите, как топорно работают кремлеботы - сначала нагнали волну заказного восторга, потом спалились и поудалили», «Кто не верит, тот вата и кремлебот» (Соловьев Live);

порохобот – человек или блогер, который (чаще всего за деньги) поддерживает в соцсетях бывшего президента Украины Петра Порошенко и постоянно критикует или оскорбляет его оппонентов («Верный соратник Порошенко нардеп Арьев со ссылкой на

свои инсайдерские источники написал, что Зеленский увольняет Залужного, мол новый министр обороны Умеров уже внес представление. Умеров тут же прокомментировал. Дескать нечистоплотные ‘порохоботы’ пытаются содействовать расколу украинского общества, а это ничем не лучше того, что делает Россия. Ну то есть Арьев – зрадник и кремлевская зазуля» (60 минут), «Никто ничего не вносил, кроме бациллы лжи в уста соратника Порошенко. Но депутат-порохобот не просто лжет, а сознательно манипулирует, говорит, что представление внесено на ставку, которая вообще не уполномочена это рассматривать. А когда этот фейк в который раз умрет своей смертью, порохоботы будут врать, что спасли Залужного своей информационной диверсией», «Если Киев не нашёл кого-то более достойных, чем блогеров-порохоботов с дурнопахнущей репутацией, то это проблема только Киева и Офиса Зеленского» (Соловьев Live));

ЛОМ – лидер общественного мнения («В Америке вякнул что-нибудь по поводу Байдена, и к тебе очень быстро пришли. У нас можно призывать убивать ЛОМов, и тебе за это ничего не будет» (Соловьев Live)).

г) сторонник деструктивных политических и общественных организаций:

навальнёнок, навальнист – презрительное наименование последователя А. Навального, внесённого в список лиц, причастных к экстремистской деятельности или терроризму («Как там звали этого навальнёнка-то, который предал все партии, в которых побывал..? Мэром у вас был... Сколько, две ходки у него было?», «Мерзкие шутки у навальнистов и прочих «борцов с режимом» не меняются. В 2014 году беглый навальнёнок Шаведдинов «шутил» про людей сожженных заживо в одесском Доме профсоюзов 2 мая, теперь вот какой-то другой дурачек от «либералов» потешается над горящим зданием в Казахстане» (Соловьев Live));

либераст (образовано путём сложения частей слов «либерал» и «педераст») – человек, придерживающийся либеральных взглядов («Думаете, только наши либерасты любят всех, кто им не нравится и мешает, в списки заносить», «Либерасты, ЦИПСО и ГУР пытались выдать его за сотрудника наших спецслужб», «Сколько всяких либерастов, решивших выступить на стороне противника, повылазило из всех щелей!» (Соловьев Live));

трансформер, трансформатор – человек, чья гендерная идентичность не совпадает с зарегистрированным при рождении полом («Вы не верьте всяким либерастам, дегенератам и трансформерам, которые придумали мне американское, израильское, итальянское, филиппинское и какое-нибудь еще гражданство», «Путин о выпячивании «трансгендеров, трансформеров и трансформаторов» в западной культуре» (Соловьев Live));

нацик – член экстремистской националистической группировки («...а мне нужно пройти через тротуарчик. Стоят два нацика в желтых повязках» (Вечер с Владимиром Соловьевым), «Та самая 30-я отдельная мотострелковая бригада 2-й гвардейской Краснознаменной армии Вооруженных сил России, которую президент отметил по итогам «авдеевской операции», оказалась не по зубам ни ВСУ, ни нацикам из «Азова» (признана террористической, запрещена в РФ)» (Соловьев Live));

майданутый – участник майдана (массового выступления против власти) или человек, поддерживающий его («Пришла тем майданутым, которые ставили своей задачей уничтожить все русское», «После так называемого Евромайдана 2014 года Украину начали превращать в натуральный прокси-полигон. Уже в первые месяцы своего существования «майданутая» квазивласть стала получать от Вашингтона подарки в стиле «милитари»: обмундирование, армейские пайки, средства связи, приборы ночного видения, транспорт и прочее» (Соловьев Live)).

Большинство жаргонизмов данной ЛСГ имеют отрицательную коннотацию, поскольку используются как наименования лиц, чья деятельность оценивается обществом как малопродуктивная, бесполезная или даже вредоносная, разрушительная.

2. Прозвища известных политиков, чиновников и общественно-политических деятелей:

ливерная колбаса – канцлер Германии Олаф Шольц («Германия... где умудрились выбрать... ну-ну, ну просто... Если бы это был турнир на самую искусственную ливерную колбасу, то они угадали – Шольц, бесспорно, таков» (Вечер с Владимиром Соловьевым));

обкуренный террорист, наркоман, наркет, клоун, Зе – президент Украины Владимир Зеленский («Этот обкуренный террорист отдал личное указание, чтобы был проведен бандеровский аттентат, для того чтобы ликвидировать ненавистного ему еврея-антифашиста, то есть меня» (Вечер с Владимиром Соловьевым), «От былой популярности осталась только придурковатая улыбка кокаинового наркомана, и клоун окончательно превратился в жалкое посмешище», «Так что это заявление Зе – ответ За на его материал в CNN. Очевидно, что все эти «приветы» через иноСМИ свидетельствуют о глубоком кризисе управления в Киеве и полном отсутствии взаимного доверия в высших эшелонах укронацистской власти» (Соловьев Live));

быстроногая Нуланд – американский дипломат Виктория Нуланд, занимавшая пост заместителя госсекретаря по политическим вопросам с 2021 по 2024 год («А где-то там суетилась, хотел сказать меж ног, подумал, что сейчас не поймут... лучше не будем про ноги... Виктория Нуланд. Вспомнил, почему про ноги, потому что В. В. Медведев в телеграм-канале назвал ее “быстроногая Нуланд, раздающая печенюшки”» (Вечер с Владимиром Соловьевым));

дед, дедушка – президент США Дж. Байден («Дед начал рассказывать, что у него есть ядерный чемоданчик, который носит за ним морпех, и стоит Байдену нажать кнопку, как весь мир взорвется <...> Это уже какая-то сумеречная сторона мышления, и от этого все тревожнее»; «Понятно, что уже под конец заездили деда...» (Соловьев Live)), «Не понятно, что хотел сказать дед...» (Вечер с Владимиром Соловьевым), «Дедушка обзывается, дедушка не очень доволен...» (60 минут).

Прозвища, наиболее активные в речи участников ток-шоу, чаще всего содержат указание на какую-либо заметную черту характера или внешние особенности человека и имеют явно уничижительный и оскорбительный характер.

3. Наименования общественной или политической ситуаций, форм государственного управления:

марионеточное государство, марионеточное правительство, марионеточный режим – государство или правительство, остающееся номинальным образом независимым, но проводящее политику, в значимой степени продиктованную иностранным государством («...это территория, оккупированная американцами, и, безусловно, это марионеточное правительство» (Без «Б»), «В прошлую пятницу, 9 июня, по преступному приказу Буданова и Зеленского марионеточный киевский режим устроил на меня настоящую охоту, выпустив более десяти высокоточных английских ракет по местам моего предполагаемого нахождения в Херсонской области» (60 минут));

байденизм – 1. Забавное или комичное слово или фраза из речей и выступлений президента США Дж. Байдена; 2. Явление, связанное с политическими и социальными трансформациями, происходящими в мире во время президентского срока Дж. Байдена («Это байденизм! Потому что когда он (Байден) не читает с сфлера, он может сказать то, что вызывает скандал», «Половина американцев чувствуют себя чужаками в собственной стране. И лишь 38% испытывают особую гордость за Америку на фоне раскола страны в эпоху байденизма» (СоловьевLive));

трампизм – политическая идеология, социальные эмоции, стиль управления, политическое движение и набор механизмов для приобретения и удержания контроля над властью, связанные с 45-м президентом США Дональдом Трампом («Байден заявил, что с ним на выборах может сражаться даже не Трамп. Он будет сражаться с теми же лозунгами и той же политикой. Не важно кто, Байден будет биться с трампизмом» (Соловьев Live)).

4. Наименования общественных течений, организаций, сообществ:

фемшиза (образовано путем сложения частей слов «феминизм» и «шизофрения») – 1. Токсичная форма современного российского феминизма; 2. собир. Женщины, фанатично проповедующие феминистические ценности («Даааа, фемшиза прогрессирует...» (Без Б));

демшиза (образовано путем сложения частей слов «демократическая» и «шизофрения») – взгляды радикальной части российских демократов, расцениваемые их политическими оппонентами как психическое расстройство («Мерзость либеральной демшизы. Адская мерзость» (Соловьев Live)).

5. Наименования способов и приемов общественно-политической деятельности:

вливание – инвестиция финансовых средств в определенный проект, программу («И вливание триллионов долларов в экономику, в банковскую систему спровоцировало всплеск глобальной инфляции» (Соловьев Live), «Американцы устали от бесконечных вливаний денег в Украину, но Байдену нет до этого дела» (60 минут));

договорняк – имитация политических действий, результат которых известен заранее («Если мы говорим с военной точки зрения, а можно всякие приводить аргументы, почему и что не сделали, всегда взвешивается очень много факторов, на основании которых принимается решение. Эти факторы были частично озвучены Суровикиным. Были и те, которые он не озвучил. И это не какой-то договорняк, как я сейчас читаю в некоторых телеграм-каналах. Нет, это было взвешенное решение» (Соловьев Live), «Договорняк не отменен. Его нет, и его не было – он существовал только в головах авторов части телеграм-каналов» (60 минут));

чёс – большое количество поездок и встреч за короткое время с целью получения финансовой выгоды («Новогодний «чёс» кровавого киевского диктатора Зеленского в США – провалился. Ни денег, ни славы он не получил» (Соловьев Live), «Пока у Зеленского чёс по метрополии, оставшиеся дома нацисты расстреливают пленных» (60 минут));

печенюшки, печеньки – подкуп оппозиционеров Госдепартаментом США в целях стимулирования антиправительственных выступлений («По самым острым и срочным темам дня услышим сегодня мнения экспертов: Помидоры или огурцы: чем закусывать. Новый вид мошенничества через дип-фейки. У Нуланд закончились печеньки» (Соловьев Live), «Нуланд приехала в Киев. Про печеньки шутить не хочу. Но бедная Украина» (60 минут));

бросить гуся – оставить должность, уволиться («Надо подморозить самого Зеленского, надо убедить его, как Паниковского, бросить гуся... Почему? Потому что ты токсичный, мы же понимаем, что с тобой никто не будет вести переговоры» (Вечер с Владимиром Соловьевым));

воевать через прокси, вести прокси-войны – военные действия между двумя странами, которые происходят на территории и с использованием ресурсов третьей страны («Украина проигрывает войну, она понесла катастрофические потери, страна наполовину разрушена, и что касается именно прокси-войны Запада против России, западные санкции оказали более негативное влияние на Запад, чем на Россию. Это не

Россия дестабилизирована внутри, а западные страны» (Соловьев Live), «Прокси-война с нами ведётся по всем фронтам» (60 минут));

пить кофе – принимать участие в уличных беспорядках («21 ноября Мустафа Ноем написал свой знаменитый пост о том, что пойдем кофе на Майдан пить» (Вечер с В. Соловьевым)).

В результате предпринятого исследования речи участников политических ток-шоу было установлено, что наиболее частотными являются жаргонные наименования лиц в соответствии со спецификой их общественно-политической деятельности и прозвища известных политиков, имеющие, как правило, негативные коннотации.

Политический жаргон, являясь специальным средством в опосредованной коммуникации средств массовой информации и человека, выполняет следующие функции: 1) сокрытие и искажения истинного значения сообщений, возможность давать двусмысленные и нечёткие ответы на поставленные вопросы; 2) установление групповой идентичности, создание ощущения принадлежности к определённой политической группе или партии, что укрепляет солидарность и поддержку среди её сторонников; 3) упрощение и ускорение коммуникации, возможность быстрой передачи ключевой информации, эффективного взаимодействия между политиками и другими участниками политических событий.

Особенности функционирования жаргонной лексики разнообразны, однако единого понимания роли такой лексики среди отечественных лингвистов нет. Так, Г.Р. Иванова выделяет три ключевые функции жаргонизмов: когнитивную (дополнительное значение, метафоричность), коммуникативную (для упрощения или оптимизации коммуникации) и номинативную (заполнение терминологических лагун и номинация значений, отсутствующих в языке) [7]. В.А. Марьянчик отмечает также воздействующую функцию [9].

Анализируя ситуации взаимодействия спикеров и участников политических ток-шоу, мы пришли к выводу, что используемые ими массмедийные жаргонизмы выполняют прежде всего воздействующую роль: они должны вызывать определенные реакции, формировать политическое сознание адресата, создавать медиакартину. Так, например, в реплике *«От былой популярности осталась только придурковатая улыбка кокаинового наркомана, и клоун окончательно превратился в жалкое посмешище»*, лексема *клоун*, заимствованная из английского языка и буквально означавшая *«остолоп, грубиян, шут»*, актуализирует отрицательные ассоциации, демонстрирует негативные стереотипы: «несерьезный человек», «посмешище».

Эффективно в речи участников политических ток-шоу реализуется и экспрессивная функция жаргонизмов, проявляющаяся в желании говорящего придать своей речи выразительность, привлечь внимание к высказыванию, вызвать необходимый эмоциональный отклик. Например, в высказывании *«Этот обкуренный террорист отдал личное указание, чтобы был проведен бандеровский атентат, для того чтобы ликвидировать ненавистного ему еврея-антифашиста, то есть меня»* экспрессивное воздействие на слушателя достигается использованием лексем, характерных для жаргона наркоманов и политического жаргона: *обкуренный* – производное от глагола *обкуриться*, т.е. *«находиться в состоянии наркотического опьянения посредством курения гашиша или анаши»*, *«выкурить большую дозу наркотика»*; *террорист* – «бандит» (полит.). Автор подчеркивает свое презрительно-пренебрежительное отношение к предмету высказывания и добивается аналогичной эмоциональной реакции аудитории.

Когнитивная функция жаргонных и сленговых лексических единиц, по мнению Г.Р. Ивановой, проявляется в том, что многие из них несут в себе дополнительную информацию, отсутствующую в стандартных обозначениях, и посредством этого

репрезентируют дополнительные знания об окружающем мире [7]. Например, в ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» ведущий в ходе дискуссии употребляет лексему *трансформер*, имеющую, помимо основного значения «детская игрушка, которую можно превращать в различные модификации из взаимозаменяемых элементов её конструкции», значение жаргонное – «человек, чья гендерная идентичность не совпадает с зарегистрированным при рождении полом», и это слово не просто понятно собеседникам и аудитории, но и необходимо в данной речевой ситуации. Таким образом реализуется когнитивная функция жаргонной единицы, содержащей дополнительную информацию, знания об окружающем мире.

Т.Е. Захарченко отмечает, что жаргонизмы помогают говорящему экономить время и место. Средствами реализации этой функции являются аббревиация, сокращения, а также разнообразные надписи-сокращения в письменной речи [6]. Участники политических ток-шоу, употребляя жаргонные сокращения (*агитка*, *нацик*, *демишиза* и под.), во-первых, экономят время, во-вторых, способствуют увеличению экспрессивности высказываний.

Заключение. Обобщая сказанное, приходим к следующим выводам. В сфере современных массовых коммуникаций для описания политических процессов, событий и феноменов и формирования политического мировоззрения общества широко используется массмедийный политический жаргон.

2. Анализ речи ведущих и участников политических ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Соловьев Live», «60 минут», «Без Б» позволяет констатировать частотность следующих лексико-семантических групп используемых политических жаргонизмов: наименования лиц в соответствии со спецификой их общественно-политической деятельности; прозвища известных политиков, чиновников и общественно-политических деятелей; наименования общественной или политической ситуации, форм государственного управления; наименования общественных течений, организаций, сообществ; наименования способов и приемов общественно-политической деятельности.

3. Наряду с экспрессивной, коммуникативной, когнитивной функциями и функцией экономии времени массмедийный политический жаргон реализует функцию эффективного средства воздействия на аудиторию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова Л.В. Метафоризация социальной лексики в русских жаргонах конца XX – начала XXI века / Л.В. Балашова // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2018. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforizatsiya-sotsialnoy-leksiki-v-russkikh-zhargonah-kontsa-xx-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 30.04.2024).
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
3. Будаев Э. В. Введение в политическую лингвистику: учебное пособие. – СПб.: Научное издание, 2020 – 168 с.
4. Будаев Э.В. Зарубежная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 352 с.
5. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
6. Вольфсон И.В. Язык политики. Политика языка / И.В. Вольфсон. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – 125 с.
7. Захарченко Т.Е. Английский и американский сленг / Т.Е. Захарченко. – Москва: Изд-во «АСТ», 2009. – 133 с.
8. Иванова Г.Р. Функции сленга в речевой деятельности американских студентов / Г.Р. Иванова // Когнитивные и коммуникативные аспекты английской лексики. – Москва, 1990. – 140 с.
9. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург: УрГУ, 1995. – 144 с.
10. Марьянчик В.А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): автореферат дис. ... канд. филол. наук / В.А. Марьянчик. – Архангельск, 2013. – 38 с.

11. Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход /А.А. Романов. – М.: ИЯ РАН, 2002. – 191 с.

12. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А.В. Моченов и др. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 253 с.

13. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2012. – 256 с.

REFERENCES

1. Balashova L.V. (2018) Metaphorization of social vocabulary in Russian jargons of the late XX – early XXI century. *Izv. Sarat. un-ta Nov. Ser. Ser. Philology. Journalism. № 4* [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforizatsiya-sotsialnoy-leksiki-v-russkih-zhargonah-kontsa-xx-nachala-xxi-veka> (date of access: 30.04.2024). (In Russian)

2. Baranov A.N. (2001) Introduction to applied linguistics (360 p.). Moscow : Editorial URSS. (In Russian)

3. Budaev E. V. (2020) Introduction to political linguistics: a textbook. (168 p.). St. Petersburg: High-tech technologies. (In Russian)

4. Budaev E.V. (2018) Foreign political linguistics (352 p.). Moscow : FLINTA. (In Russian)

5. Vodak R. (1997) Language. The discourse. Politics (139 p.). Volgograd : Peremena. . (In Russian)

6. Wolfson I.V. (2003) The language of politics. The politics of language (125 p.). Saratov: Publishing House of the Saratov University. (In Russian)

7. Zakharchenko T.E. (2009) English and American slang (133 p.) Moscow: AST Publishing House. (In Russian)

8. Ivanova G.R. (1990) The functions of slang in the speech activity of American students (140 p.). Moscow. (In Russian)

9. Kupina N.A. (1995) Totalitarian language: Vocabulary and speech reactions (144 p.) Yekaterinburg: USU. (In Russian)

10. Maryanchik V.A. (2013) The axiological structure of the media-political text (linguistic and stylistic aspect): abstract of the dissertation of the Candidate of Philology (38 p.). Arkhangelsk. (In Russian)

11. Romanov A.A. (2002) Political linguistics. Functional approach (191 p.). Moscow : IYA RAS. (In Russian)

12. Dictionary of modern jargon of Russian politicians and journalists (2003). Moscow : OLMA-PRESS. (In Russian)

13. Chudinov A.P. (2012) Political linguistics (256 p.). Moscow : Flinta. (In Russian)

Поступила в редакцию 01.05.2024 г.

SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES OF MASS MEDIA POLITICAL JARGON (BASED ON MATERIAL OF MODERN RUSSIAN TALK SHOWS)

Yu.V. Shchipanova

This article deals with semantic and functional features of mass media political jargon. The relevance of the work is due to the need to study the specific lexical and phraseological apparatus, which, being used in the field of mass communications, is not only a means of describing modern political processes and events, but also an instrument contributing to the formation of a public political worldview. In the course of the analysis of speech utterances of participants of popular Russian talk shows, various methods and techniques have been used among them are continuous sampling, analysis, synthesis, and differentiation of lexical units. The main lexical and semantic groups of political jargon are have been singled out, among them are names of persons according to their socio-political activities; nicknames of famous politicians, officials and socio-political figures; names of public or political situations, forms of public administration; names of social movements, organizations, communities; names of methods and techniques of socio-political activity. The main functions of mass media political jargon are identified, including influencing, expressive, communicative, cognitive and time-saving functions.

Key words: mass media, mass media political jargon, semantic and functional features, talk shows, lexical and semantic group.

Щипанова Юлия Владимировна.

Кандидат филологических наук.

Оренбургский государственный университет, г.

Оренбург, Российская Федерация.

Доцент кафедры русской филологии и методики

преподавания русского языка.

ORCID 0009-0001-4099-9678.

E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

Shchipanova Yulia Vladimirovna.

Candidate of Philology.

Orenburg State University, Orenburg, Russian

Federation.

Associate Professor at Department of Russian Philology

and Teaching methods of the Russian language.

ORCID 0009-0001-4099-9678.

E-mail: yuliya_yuliya_77@mail.ru

Научная статья

УДК 81'373.2

DOI: 10.5281/zenodo.11424955

ЯЗЫКОВАЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТОНИМОВ РОМАНА ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

© 2024 В.Г. Бартенева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет»

ORCID 0000-0001-6202-2588

В работе представлен полигенетический анализ поэтонимов романа Дж. Джойса «Улисс». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения функционального значения каждой онимной единицы, участвующей в конструировании текста, поскольку без этого невозможно понимание идейно-художественного содержания всего романа. Для решения поставленных в работе задач главное место отводилось методу системного анализа, опирающемуся на соотношение части и целого в тексте, использованы методы сравнительного, компонентного и контекстного анализа, описательный метод. Изучение поэтонимов предполагает исследование языковых приемов создания образности собственных имён, выявление фоновых знаний читателей в различных сферах культуры, а также экспликацию литературных параллелей с протонимами, в скрытом или явном виде «входящими» в содержательную структуру проприальных лексем романа «Улисс». Сочетание этих приемов интерпретации дает возможность установить полисемантическую сущность большинства поэтонимов романа, сформированных с учетом фонетических, смысловых, исторических, аллюзийных и т.д. связей с пространством текста «Улисса», общего текста, включающего все предшествующие «Улиссу» произведения автора.

Ключевые слова: поэтоним, протоним, антропоэтоним, топоэтоним, интертекстуальность, проприальные лексемы, ассоциативные связи, фоновые знания.

Для цитирования: Бартенева В.Г. Языковая и интертекстуальная интерпретация поэтонимов романа Дж. Джойса «Улисс» / В.Г. Бартенева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 92–100. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11424955>.

Введение. Понимание идейно-художественного содержания романа Дж. Джойса «Улисс» невозможно без определения функциональной нагруженности каждой онимной единицы, участвующей в конструировании текста. Соучастие читателя в событиях произведения происходит по мере проникновения в поверхностные и глубинные смыслы, заложенные в поэтонимах романа.

Целью данной статьи является полигенетический анализ поэтики собственных имен романа «Улисс». Простейшими уровнями языка являются фонографемный, морфемный и лексический. Далее следуют более сложные: уровень словосочетания, уровень предложения и уровень текста. Однако, рассматривая текст и проприальные единицы как составные элементы этого текста с позиции этих уровней, мы ограничиваемся областью лингвистической поэтики. Наш подход заключается в более комплексном привлечении всех имеющихся возможностей интерпретации текста, включая фоновые знания и интертекстуальность со всеми её функциональными реализациями.

Основная часть. Содержательная структура поэтонимов «Улисса», с помощью которых обозначаются, как правило, проходные персонажи или упоминаемые объекты, связана со звуковой формой, вещественным значением (этимологией) производящего апеллятива, либо с морфемной и словообразовательной спецификой имен. Достижение

различных эстетических и стилистических эффектов осуществляется у Джойса за счет обыгрывания всех имеющихся в языке средств, направленных на реализацию поэтики имени. Без исследования языковых («игра» фонетикой, графикой, лексикой, семантикой, грамматикой) средств онимной игры невозможно понимание функции собственного имени в тексте, равно как и содержательной образности всего текста произведения.

Источником содержательной стороны поэтонимов в романе Дж. Джойса нередко становится фонетическая структура имен. При этом семантизации собственных имён (СИ) может способствовать явление паронимии, используемое для создания иронического эффекта поэтонима и контекста: « – Наши древние далекие предки, как можно прочесть в первой главе книги *Путья*, имели пристрастие к проточной воде» [9, с. 138] (в оригинале – *Guinness* /сорт пива/). Толкование имени с учетом расширяющегося контекста, который представляет собой свободную вариацию библейских мотивов («*Отрадно быть здесь. Поставим жертвенник Иегове*» [9, с. 138]), эксплицирует аллюзийный характер СИ книга *Путья*, используемого вместо паронимически близкого *Genesis* / книга *Бытия*.

Прием паронимии является основой обыгрывания антропоэтонима *Британское* величество: « – А что вы скажете <...> про этих святош, ирландских попов и епископов, которые разукрасили его покои в Мануте скаковыми эмблемами его *Поганского* то бишь *Британского*, величества<...>» [9, с. 357] (в оригинале – *His Satanic Majesty's*).

Распространенным средством актуализации фонетической выразительности поэтонимов становятся криптограммы – особый вид тайнописи, непонятной для непосвященных лиц. Однако апелляция Джойса к эрудированному читателю проявляется в разнообразных подсказках, позволяющих дешифровать имя с учетом предшествующего или последующего контекста. Так, например, в предтексте криптонима «*N. IGS./WI. UU. OX/W. OKS. MH/Y. IM*» [10, р. 980] / «*Т.ОМ./БЮ.К. К.УФ/БІ.УК.СН/Ю.ОС*» [9, с. 709] контексте сообщается, что в ящике Блума среди прочих вещей находится «3 письма, напечатанных на машинке, адресат Генри Флауэр, почтовое отделение Уэстленд-роу, до востребования, отправитель Марта Клиффорд, почтовое отделение Долфинс-барн, до востребования; имя и адрес отправителя трех писем, транслитерированные в обращенную алфавитную бустрофедонную точечную квадрилинную криптограмму (с удаленными гласными) <...>» [9, с. 709] (эпизод «Итака»). Здесь помимо указания на разновидность криптографической надписи, построенный на инверсии – каждая буква заменяется другой, стоящей в алфавите (с удаленными гласными) на том же месте, но от конца [9, с. 974] – употребляется и имя *Марта Клиффорд*. Таким образом антропоэтоним появляется сперва в явном, и лишь затем в скрытом, перевернутом «облике» (двойная инверсия): МАРТА ДРОФФИЛК ДОЛФИНС БАРН / MARTA DROFFILK, DOLPHIN'S BARN.

Иронические прозвища вымышленного лица – контр-адмирала *Геркулеса Ганнибала Хабеаса Корпуса Андерсона* (эпизод «Циклопы») – фигурируют в виде ряда криптонимов, пародийный характер которых эксплицируется автором в «послетексте»: «Спасательные работы, расчистка руин, удаление человеческих останков и проч.

Доверены фирме Майкл Мид и Сын, Большая Брансвик-стрит, 159, и фирме Т. И. К. Мартин, Норс-Уолл, 77, 78, 79 и 80, в помощь которым отряжены солдаты и офицеры полка легких пехотинцев герцога Корнуоллского под общим командованием Его королевского высочества, контр-адмирала высокочтимого сэра Геркулеса Ганнибала Хабеаса Корпуса Андерсона, К.О.П., К.О.С.П., Р.О.Х., Т.С., К.О.Б., Ч.П., М.С., Б.М., К.О.З.Б.С., П.Е.Д., М.Л.О., М.Б.И.Ж., Б.П., Д.М., П.Б.О., П.Д.К.Т.Д., П.Д.К.И.У., П.Д.К.К.И.В. и П.Д.К.К.И.Х.» [3, с. 371-372]. – «The work of salvage,

removal of d, bris, human remains etc has been entrusted to Messrs Michael Meade and Son, 159 Great Brunswick street, and Messrs T. and C. Martin, 77, 78, 79 and 80 North Wall, assisted by the men and officers of the Duke of Cornwall's light infantry under the general supervision of H. R. H., rear admiral, the right honourable sir Hercules Hannibal Habeas Corpus Anderson, K. G., K. P., K. T., P. C., K. C. V., M. P, J. P., M. V., D. S. O., S. O. D., M. F. H., M. R. I. A., V. L., Mus. Doc., P. L. G., F. T. C. D., F. R. U. I. F. R. C. P. I. and F. R. C. S. I.» [10, p. 373], где первые буквы прозвищных номинаций обозначают соответственно: «Кавалер ордена Подвязки, кавалер Ордена Св. Патрика, Рыцарь Ордена Храмовников, Тайный Советник, Кавалер Ордена Бани, Член Парламента, Мировой Судья, Бакалавр Медицины, Кавалер Ордена за Безупречную Службу, Педераст, Мастер Лисьей Охоты, Ментор Братства Ирландских Журналистов (или Моя Благородная Ирландская Жопа), Бакалавр Права, Доктор музыки, Попечитель Благотворительного Общества, Почетный Доктор Колледжа Тринити, Дублин, Почетный Доктор Королевского Ирландского Университета, Почетный Доктор Королевского Колледжа Ирландских Врачей и Почетный Доктор Королевского Колледжа Ирландских Хирургов» [9, с. 372].

В основе фонетической организации поэтонимов находятся приемы аллитеративно-ассонансного повтора имени и окружающего контекста. Так, в одном из самых «звуковых» эпизодов «Сирены» говорящие имена персонажей как бы сливаются со звуковым рядом всего предложения и своим произношением, иногда в сочетании с другими словами, воссоздают необходимый образ: «Искрящаяся бронзы лазурь окинула небесно-голубые глаза и галстук Голубойлана» [9, с. 285]. – «*Sparkling bronze azure eyed Blazure's skyblue bow and eyes*» (аллитеративный повтор слогов гол, гла, гал / azure, eye).

Множество проприальных единиц «Улисса» имеет прозрачную внутреннюю форму. В основе создания таких собственных имен – онимизация апеллативов, звуковая структура которых полностью или без каких-либо существенных изменений воспроизводится при именовании объекта. Так, список рождений и смертей в ирландской газете «Айриш индепендент» (эпизод «Циклопы») включает СИ *Trunner*: «Некрологи. Бристоу, Уайтхолл-лейн, Лондон; Кэрр, Стоук Ньюингтон, от гастрита и болезни сердца; *Trunner*...

– Этого парня я знаю, – говорит Джо, – по горькому опыту.

– *Trunner*, Мот-хаус, Чепстоу» [9, с. 321] – «Deaths. Bristow, at Whitehall lane, London: Carr, Stoke Newington, of gastritis and heart disease: *Cockburn*, at the Moat house, Chepstow...

– I know that fellow, says Joe, from bitter experience.

– *Cockburn*». Доонимная семантика фамилии *Trunner* (триппер, или гонорея – венерическая болезнь, вызываемая гонококком) проявляется в контексте – замечание Джо относится к его личному «горькому опыту».

Наибольшее количество проприальных лексем отапеллативного происхождения содержится в эпизоде «Цирцея», где галлюцинации, возникающие в сознании Блума и Стивена Дедала, обретают статус «реальности»: неодушевлённые предметы, различные понятия превращаются в одушевлённые и имена нарицательные становятся собственными. В феерическом театрализованном «спектакле» внутреннего мира персонажей именами наделяются *Веер / THE FAN*, *Ивы / THE YEWS*, *Водопад / THE WATERFALL*, *Идиллические дни / THE HALCYON DAYS*, *Часы / THE TIMEPIECE*, *Пружины / THE QUOITS*, *Граммфон / THE GRAMOPHONE*, *Светопреставление / THE END OF THE WORLD*, *Эхо / THE ECHO* и т.д. В этом же эпизоде вымышленное имя несуществующего лица, «магистра искусств», – преподаватель *Хью К. Хейнс Лав* [9,

с. 585] / *The Reverend Mr Hugh C Haines Love* базируется на антонимии производящих лексем, заимствованных из французского и английского языков: *haine(s)*– ненависть (фр.), *love* – любовь (англ.).

Экспрессивные мотивирующие слова в сочетании с приемом паронимии использованы при выборе имен персонажей в выдуманной пьесе Быка Маллигана (эпизод «Сцилла и Харибда»), представленной им самим как «бесовское измышление»: «*Каждый сам себе жена, / Или / Медовый месяц в руке / (национальное аморалите в трех оргазмах) / сочинение / Мудака Маллигана*» [9, с. 232] / «*Everyman His Own Wife / or / A Honeymoon in the Hand / (a national immorality in three orgasms) / by Ballocky Mulligan*» [10, p. 324]. Экспликация семантики СИ и сопроводительных обозначений действующих лиц, среди которых – *ТОБИ ДРОЧИНЬСКИЙ* (задроченный полячок), *МЕДИК ДИК*, *МАТУШКА ГРОГАН* (водородица) [9, с. 232], осуществляется с помощью выявления производящих лексем, паронимически связанных с поэтонимами (*Дрочиньский* – задроченный, *водородица* – Богородица), и аллитеративного повтора, актуализируемого в онимно-апеллятивной конструкции *МЕДИК ДИК*.

Говорящая фамилия, в основе которой лежит апеллатив *гроб / coffin* (англ.), употребляется в эпизоде «Аид», где описываются похороны школьного товарища Блума Падди Дигнама. Контекстное наполнение эпизода предопределяет и выбор СИ священника, отпевающего Дигнама: отец *Гробби / Coffey*. Несмотря на прозрачную семантику антропозоним получает дополнительный комментарий с точки зрения Блума, рефлексиирующего над неслучайностью фамилии священника: «Они стали у гроба, и священник принялся быстро каркать по своей книжке.

Отец *Гробби*. Я помню, как-то похоже на *гроб*» [9, с. 109] – «They halted by the bier and the priest began to read out of his book with a fluent croak.

Father *Coffey*. I knew his name was like a *coffin*» [10, p. 155].

Образность поэтонимов усиливается за счет грамматических средств – обыгрывания категории падежа. Окказионально образованным именем является географическое название *Процедура-на-Пустом-Месте*, в основе которого лежит антропозоним *Процедура* и апеллятивная конструкция «предложно-падежная форма словосочетания *на пустом месте*» (эпизод «Циклопы»): «– Делегация крупнейших хлопковых магнатов Манчестера была вчера представлена Его Величеству Алаки Абеакутскому дежурным Главой Протокола лордом *Процедурой* из *Процедуры-на-Пустом-Месте*, дабы выразить Его Величеству горячую благодарность английских коммерсантов за привилегии, данные им в его владениях» [9, с. 360].

Иногда прием звукосемантической игры с именем демонстрируется в контексте произведения. В эпизоде «Сирены», по утверждению исследователей «Улисса», слово и текст берутся здесь как «звучащая материя» [9, с. 883] эксплицируется фонетическая выразительность имени *Арон Фигфурт (Aaron Figatner)*, воспринимаемого Блумом как *Фигфунт (Figather)*. Блум пытается разобраться, на чем основывается его собственное искажение имени: «А почему мне всегда читается *Фигфунт*? Выходит *фунт фиг*, наверно поэтому» [9, с. 278]. – «Why do I always think *Figather*? *Gathering figs*, I think». Замена согласных *p – n* (в оригинале – *n/h*) позволяет разложить выдуманную Блумом фамилию на апеллятивные лексемы '*фиг*'/ '*fig*' и '*фунт*'/ '*gathering*' (рус. '*собираение*'), свидетельствующие о семантическом обыгрывании имени с помощью приема паронимии.

Важнейшим аспектом проблемы понимания является механизм межкультурного общения, основанный на фоновом знании и фиксированный в языковых формах, которые моделируются конфронтацией различных культурных систем. Разумеется,

проблема фонового знания тесно взаимосвязана с понятием интертекстуальности как «свойства художественного произведения формировать свой собственный смысл (полностью или частично) посредством ссылки на другие тексты» [6], поскольку интертекстуальность, апеллирующая к текстам культуры, представляет собой только часть фоновых знаний. Недостаточное «фоновое знание» или отсутствие его делает невозможным понимание.

Поэтика романа Дж. Джойса «Улисс» ориентирована на «просвещенного читателя», обладающего глубинными фоновыми знаниями в области науки, религии, материальной и духовной культуры и т.д. Это предполагает интерпретацию идейно-содержательной образности поэтонимов, формирование которых происходит с ориентацией на фоновые знания, позволяющие читателю стать соучастником в событиях «Улисса».

Рассмотрим прозвища *The bulldog of Aquin* [10, p. 311]/ *Бульдог Аквинский* [9, с. 222] (эпизод «Сцилла и Харибда») и «*пузатый Аквинам frate porcospino (брат-дикобраз)*» [9, с. 52] (эпизод «Протей»). Эти собственные имена являются аллюзийными образованиями, скрывающими имя Святого Фомы Аквинского (Thomas Aquinas). Прозвище «*The bulldog of Aquin*» основано на паронимической игре латинских слов «*Dominican*» (доминиканец) и *Domini canis* (собака Бога). Доминиканцы, к которым принадлежал Святой Фома, в Средние века каламбурно назывались псы Божьи [9, с. 868]. Использование прозвищной номинации обусловлено «требованием контекста» – Стивен намекает на преданность церкви, стойкость и упрямство *the bulldog of Aquin* в спорах и дискуссиях. Наименование «*пузатый Аквинам, frate porcospino (брат-дикобраз)*» предполагает энциклопедические знания, касающиеся внешности и эрудиции Фомы Аквинского: по средневековой легенде, у Фомы Аквинского был огромный живот; Дикобразом его называли за остроту аргументов и всестороннюю огражденность ими [9, с. 811].

Одна из сверхзадач, реализованная в эпизоде «Быки Солнца», состоит в создании серии стилистических моделей, объемлющих историю английского литературного языка от древности до современности. Для этого Джойс использует стилизацию под англосаксонские хроники, раннюю латинизированную английскую прозу, под манеру Томаса Мэлори, Джона Беньяна, Джонатана Свифта, Чарльза Диккенса и многих других писателей. В связи с этим некоторые поэтонимы, использованные в эпизоде, являются архаизмами и историзмами, что предполагает наличие «фоновых знаний» в сфере истории и языкознания. Так, остров Англси, популярный в начале XX века морской курорт на северо-западе Уэльса носит в тексте своё древнее название *Остров Мона* [9 с. 418] / *Mona Island*, включенное в контекст-стилизацию древнеанглийской поэмы «Странник» (X в.). Топопоэтоним *Алба Лонга* [3, с. 420] / *Alba Longa* отсылает сразу к двум источникам: это название древнего города в Италии, столицы племени латинов, основанной, по преданию, сыном Энея; и ирландское название Шотландии [9, с. 915].

В эпизоде «Нестор» Стивен дает урок истории в школе дублинского пригорода Долки, а затем беседует на исторические темы с главой школы *Гэрретом Дизи / Mr Deasy*. Связь персонажа с прототипом – Фрэнсисом Эрвином, убежденным сторонником англичан, раскрывается в выборе происхождения: Дизи – из северных, ольстерских, ирландцев, протестантов и противников независимости Ирландии [9, с. 795]. На это отчасти указывает и его имя, фонетическая структура которого воспроизводит название земельного законодательства «Дизи акт» (1860), ограничившему права ирландских землевладельцев, обеспечивая права англичан.

Разумеется, проблема «фоновых знаний» тесно взаимосвязана с понятием интертекстуальности как «текстовой категории, отражающей соотнесённость одного

текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [5, с. 618], поскольку интертекстуальность, апеллирующая к текстам культуры, представляет собой только часть фоновых знаний. Традиционно в аспекте интертекстуальности изучаются так называемые «прецедентные имена», к которым принято относить известные в мировой и национальной культуре СИ общественных деятелей, деятелей науки и искусства, литературных героев [4]. Согласно Ю.Н. Караулову, прецедентность подразумевает широкую известность, значимость, актуальность данной языковой единицы для определенного языкового сообщества. Прецедентные поэтонимы связываются с известными текстами и их создателями [2], [3], [7]. С точки зрения В.И. Супруна, в литературном произведении прецедентное имя может быть текстообразующим центром, являясь именем главного персонажа, или входить в образную систему текста, являясь фоновым или факультативным именем [1, с. 146]. Следовательно, в художественном произведении маркерами интертекстуальности становятся собственные имена, заимствованные из историко-культурного пространства для реализации той или иной авторской интенции.

В художественном произведении возникает необходимость интертекстуального анализа тех собственных имен, которые обладают статусом «вымышленности», т.е. существования в текстах «иных художественных миров». Важной причиной герменевтического анализа собственных имен с позиции интертекстуальности является содержательная связь романа «Улисс» не только с литературным контекстом, но и с ранними произведениями Дж. Джойса, которая подтверждается во многих авторитетных исследованиях. До «Улисса» Джойс написал две книги прозы: сборник новелл «Дублинцы» (1914) и роман «Портрет художника в юности» (1914–1915); кроме того, большой роман «Герой Стивен» остался незаконченным и был частично уничтожен автором, а частично использован в «Портрете». Связующим звеном между произведениями Джойса, прежде всего, является главный герой «Портрета художника в юности», «Героя Стивена» и «Улисса» – *Стивен Дедал*, имя которого становится очевидным маркером внутренней интертекстуальности, поскольку каждое произведение Джойса как бы вытекает из предыдущего. В комментариях С. Хоружего отмечено, что «Улисс» прямо продолжает «Портрет художника в юности» во всем, что касается Стивена Дедала: теперь описанное в «Портрете» становится прошлым Стивена, которое часто проходит в его сознании во множестве эпизодов «Улисса» [9, с. 780]. Кроме того, многие герои новелл «Дублинцы» изменяют свой «статус», превращаясь в эпизодических персонажей «Улисса» [9, с. 780]. Таким образом, «повторяющиеся» имена, использованные Джойсом в «Дублинцах», «Герое Стивена», «Портрете художника в юности» и, наконец, «Улиссе», вводятся в тексты не случайно, представляя целенаправленную и сознательную стратегию интертекстуальности. Поэтика таких собственных имен формируется в контекстах всех произведений Джойса (с учетом хронологической последовательности их написания), а идейно-содержательная образность имен наполняется новыми смыслами в каждом последующем тексте.

Дж. Джойс выбирает СИ для своих персонажей с учетом нескольких «предтекстов». Так, в финальном эпизоде «Пенелопа» упоминается имя *Кэтлин Карни / Kathleen Kearney* – персонажа рассказа Джойса «Мать» из сборника «Дублинцы». Выбор имени для героини рассказа обусловлен его символическим характером: в качестве протонима Джойс использовал СИ *Кэтлин* из пьесы Йейтса «Графиня Кэтлин», ставшее символом Ирландии (внешняя интертекстуальность). Имя *Кэтлин* стало очень популярным в среде ирландских националистов, и в контексте рассказа

«Мать» ирландское «происхождение» СИ помогает музыкальной карьере героини. В романе «Улисс» антропоним *Кэтлин Карни* возникает в «потоке» воспоминаний Мэрион Блум о своем последнем концерте в зале святой Терезы, где Мэрион пренебрежительно отзывается о выступлениях молодых певичек: «<...> теперь там у них поют разные малявки вроде Кэтлин Карни» [9, с. 740]. Следовательно, анализ поэтики онима *Кэтлин Карни* («Дублинцы») должен осуществляться с учетом фоносемантической связи с СИ *Кэтлин* («Графиня Кэтлин»), а появление имени в контексте «Улисса» обусловлено его взаимодействием с двумя источниками: *Кэтлин* (Йейтс) и *Кэтлин Карни* (Джойс), актуализированными на уровне звука и смысла.

В эпизоде «Телемак» фальшивый друг и завистник Дедала Бык Маллиган, насмешничая и иронизируя, неожиданно берет Стивена под руку. Внутренний монолог Стивена Дедала включает реплику («Рука *Крэнли*. Его рука» [9, с. 9]. – «*Cranly's arm. His arm*» [10, p. 11]), непонятную без учета контекста «Портрета художника в юности». Именем *Крэнли*, которое впервые появится в «Портрете», Джойс называет своего близкого студенческого друга Джона Берна [9, с. 791]. Семантика и поэтика антропонима *Крэнли* («Улисс») интерпретируется только с учетом контекста «Портрета художника в юности»: воспоминание Стивена о *Крэнли* обусловлено сходством ситуаций, поскольку в финальном эпизоде «Портрета» *Крэнли*, как и Маллиган в «Улиссе», прижимает к себе руку Стивена: «*Крэнли схватил Стивена за руку и повернул его обратно по направлению к Лисон-парку. Он лукаво засмеялся и прижал к себе руку Стивена с дружелюбной нежностью старшего*» [8, с. 349].

Список кредиторов Дедала (эпизод «Нестор») представляет собой пародийный ряд СИ, сконструированный с использованием стратегии интертекстуальности: «*Mulligan, nine pounds, three pairs of socks, one pair brogues, ties. Curran, ten guineas. McCann, one guinea. Fred Ryan, two shillings. Temple, two lunches. Russell, one guinea, Cousins, ten shillings, Bob Reynolds, half a guinea, Koehler, three guineas, Mrs MacKernan, five weeks' board*» [10, p. 46–47]. В этом списке курьезно перемешаны имена, воспроизводящие реальный (биография Джойса) и литературный («Портрет художника в юности») планы. Так, знакомыми Джойса, жителями Дублина являются упомянутые в контексте *Карэн*, *Фред Райен*, *Рассел*, *Казинс*, *Келер*, миссис *Маккернан* [9, с. 799]. Вымышленными персонажами, знакомыми Стивена Дедала, становятся действующие лица «Героя Стивена» и «Портрета художника в юности» *Макканн* и *Темпл*. Ср.: « – Он думает, что я болван, – пояснил *Темпл* Стивену, – потому что я верю в силу разума»; « – Дедал, – сказал *Макканн* прерывающимся голосом. – Мне кажется, вы неплохой человек, но вам не хватает альтруизма и чувства личной ответственности» и др. [8, с. 277].

Происхождение множества поэтонимов «Улисса» связано с несколькими историко-культурными источниками или «предтекстами» из предшествующих этому роману произведений Джойса. Интертекстуальный подход необходим при экспликации семантики библиопоэтонимов *Paradise Lost* / «Потерянный рай» и *The Sorrows of Satan* / «Горести Сатаны» [9, с. 195] (эпизод «Сцилла и Харибда»). Учет внешней интертекстуальности позволяет восстановить протонимы собственных имен, которыми являются поэма Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1667) и популярный роман английской писательницы Марии Корелли «Горести Сатаны» (1827). Контактное расположение названий произведений обусловлено, в первую очередь, тем фактом, что «Горести Сатаны» тематически и сюжетно соотносятся с «Потерянным раем» и с поэмой Блейка «Мильтон» (1804) [9, с. 855]. Во-вторых, использование библиопоэтонимов подчинено задачам эпизода: Стивен склонен к апологии Сатаны как романтического героя-богоборца, и Джон Эглинтон иронизирует над его намерением заново написать

«Потерянный рай» – но не под диктовку Музы, как Мильтон, а диктуя богохульным «доблестным медикам»; при этом получились бы скорее «Горести Сатаны»: « – Have you found those six brave medicals, John Eglinton asked with elder's gall, to write Paradise Lost at your dictation? The Sorrows of Satan he calls it» [10, p. 277]. Кроме того, этот фрагмент представляет собой аллюзию на «Героя Стивена», где Стивену предназначается реплика «шестеро студентов-медиков перепишут под моим руководством «Потерянный рай», за вычетом 100 стихов» [9, с. 855], что свидетельствует о внутренней интертекстуальной связи между двумя произведениями Джойса, с учетом которых интерпретируется семантика СИ «*Потерянный рай*» и «*Горести Сатаны*».

Заключение. Развертывание смыслов, заложенных в собственные имена, происходит по мере развития идейно-художественного содержания «Улисса». Анализ поэтонимов предполагает исследование языковых приемов создания образности СИ, выявление социолингвистической информации и фоновых знаний читателей в различных сферах культуры, а также экспликацию литературных параллелей с протонимами, в скрытом или явном виде “входящими” в содержательную структуру проприальных лексем романа «Улисс». Сочетание этих приемов интерпретации дает возможность установить полисемантическую сущность большинства СИ романа, сформированных с учетом фонетических, смысловых, исторических, аллюзийных и т.д. связей с пространством текста «Улисса», а также общего текста, включающего все предшествующие «Улиссу» произведения («Дублинцы», «Герой Стивен», «Портрет художника в юности»), биографию писателя, и широкого историко-культурного контекста (интертекста).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардакова В.В. Прецедентные имена собственные в произведениях детской литературы / В.В. Бардакова // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. научн. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 146–148.
2. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка: VI конгресс МАПРЯЛ. – Будапешт, 1986. – С. 105–110.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. Стереотип. – М.: Ленанд, 2024. – 264 с.
4. Маслова В.А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность : учеб. пособие для вузов / В.А. Маслова ; под ред. У.М. Бахтирковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 201 с.
5. Руденко Ю.В. Понятие интертекстуальность в аспекте выбора позиции анализа художественного текста / Ю.В. Руденко // Мир науки, культуры, образования. – № 2 (69). – 2018. – С. 616–619.
6. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака // И.П. Смирнов. – С.-Петербург. гос. ун-т. – 2-е изд. – СПб. : Языковой центр СПбГУ, 1995. – 190 с.
7. Терещенко А.В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования / А.В. Терещенко // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2016. – № 11 (176). – С. 76–82.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

8. Джойс Дж. Портрет художника в юности / Дж. Джойс // Роман: Пер. с англ. М. Богословской. – СПб.: Азбука, 2000. – 358 с.
9. Джойс Дж. Улисс / Дж. Джойс // Роман : Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 778 с.
10. Joyce J. Ulysses. – Published by David Campbell Publishers Ltd., London. – 1992. – 1084 p.

REFERENCES

1. Bardakova, V. V. (2005). Precedentnye imena sobstvennyye v proizvedeniyah detskoj literatury [Precedent proper names in works of children's literature]. In Onomastika v krugu gumanitarnyh nauk: Materialy

mezhdunar. nauchn. konf., Ekaterinburg, 20–23 sentyabrya 2005g. [Onomastics in the circle of humanities: Materials of the international. scientific Conf., Ekaterinburg, September 20–23, 2005] (pp. 146–148). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian).

2. Karaulov, YU. N. (1986). Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii yazykovoj lichnosti [The role of precedent texts in the structure and functioning of the linguistic personality]. In Nauchnye tradicii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka: VI congress of MAPRYAL [Scientific traditions and new directions in teaching Russian language: VI congress of IATRLL] (pp. 105–110). Budapest. (In Russian).

3. Karaulov YU. N. (2024). Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Lenand. (In Russian).

4. Maslova V. A. (2024). Lingvisticheskij analiz teksta. Ekspressivnost' [Linguistic text analysis. Expressiveness]. Moscow: Yurajt. (In Russian).

5. Rudenko Yu. V. (2018). Ponyatie intertekstual'nost' v aspekte vybora pozicii analiza hudozhestvennogo teksta [The concept of intertextuality in the aspect of choosing a position for analyzing a literary text]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2 (69), 616–619. (In Russian).

6. Smirnov I. P. (1995). Porozhdenie interteksta. Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. Pasternaka [Generation of intertext. Elements of intertextual analysis with examples from the work of B. Pasternak]. Saint Petersburg: S.-Peterb. gos. un-t. (In Russian).

7. Tereshchenko A. V. (2016). Precedentnye imena v sovremennom russkom i anglijskom yazykah: status, semantika, osobennosti funkcionirovaniya [Precedent names in modern Russian and English languages: status, semantics, features of functioning]. Scientific Journal of Tomsk State Pedagogical University (TSPU Bulletin), 11 (176), 76–82. (In Russian).

Поступила в редакцию 05.04.2024 г.

LANGUAGE AND INTERTEXTUAL INTERPRETATION OF POETONYMS IN NOVEL «ULYSSES» BY J. JOYCE

V.G. Bartienieva

The paper deals with a polygenetic analysis of the poetonyms in the novel “Ulysses” by J. Joyce. The relevance of the study is accounted for by the need to study the functional meaning of each onymic unit involved in the construction of the text. It should be pointed out that the language units addressed contribute to the ideological and artistic content of the entire novel. The principal method applied was system analysis, based on the relationship between the part and the whole in the text. The methods of comparative, componential and contextual analysis, as well as the descriptive method have been used, too. The study of poetonyms involves the consideration of linguistic techniques of creating proper names imagery, revealing the readers’ background knowledge in various spheres of culture, as well as explicating literary parallels with protonyms, implicitly or explicitly constituting the content structure of the proprietary lexemes in the novel “Ulysses”. The combination of these interpretation techniques makes it possible to establish the polysemantic essence of most poetonyms used in the novel, and phonetically, semantically, historically, etc. connected with the space of the text of Ulysses, as well as of the general text that includes the author’s works preceding Ulysses.

Key words: poetonym, protonym, anthroponym, topopoetonym, intertextuality, proprietary lexemes, associative connections, background knowledge.

Бартенева Виктория Георгиевна.

Донецкий национальный технический университет.

Старший преподаватель кафедры английского языка.

ORCID 0000-0001-6202-2588

E-mail: dravika2016@yandex.ru

Bartienieva Viktoriia Georgievna.

Donetsk National Technical University.

Senior lecturer at Department of English Language.

ORCID 0000-0001-6202-2588

E-mail: dravika2016@yandex.ru

Научная статья

УДК 811'373.611 + 811'373.421

DOI: 10.5281/zenodo.11425254

**СРАВНЕНИЕ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗД С СИНОНИМИЧНЫМИ ВЕРШИНАМИ
КАК ЭЛЕМЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОГНИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗД *УЧИТЬ* И *ПРЕПОДАВАТЬ*)**

© 2024 Д.И. Борозенец¹, А.А. Алтухова²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹: 0009-0008-5480-5556.

ORCID²: 0009-0002-5023-0368.

В статье предпринимается попытка создания матрицы словообразовательных гнёзд с вершинами синонимичными *учить* и *преподавать* как элементов семантического поля когниции. Авторы дают определение семантического поля и выдвигают гипотезу, что его модель – матрица – будет соответствовать матрице отдельно взятых элементов. Для создания матрицы авторы руководствуются разработанной ими методикой, которая включает анализ каждого лексико-семантического варианта исследуемых слов, максимальное обобщение значений и объединение лексико-семантических вариантов на основе таких значений. Особое внимание уделяется описанию словообразовательных пар, производное и производящее в которых входят в разные семантические группы, что отражается в создаваемой модели. Полученные результаты могут быть экстраполированы на другие словообразовательные гнёзда, части которых включаются в семантическое поле когниции.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, деривационный потенциал, синонимия, лексико-семантический вариант, семантическое поле, семантико-словообразовательная матрица, когниция.

Для цитирования: Борозенец Д.И. Сравнение деривационного потенциала словообразовательных гнёзд с синонимичными вершинами как элементов семантического поля когниции (на примере словообразовательных гнёзд *учить* и *преподавать*) / Д.И. Борозенец, А.А. Алтухова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 101–110. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11425254>.

Введение. В современной лингвистике прослеживается тенденция к комплексному исследованию крупных языковых единиц, одной из которых является семантическое поле. До сих пор в научном обиходе отсутствует единое определение семантического поля, что отмечают исследователи [напр., 1; 8; 10]. Мы, основываясь на определениях Л.А. Новикова [5, с. 8], Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой [11, с. 245] и А.Н. Тихонова [12, с. 448], под семантическим полем понимаем совокупность языковых единиц, объединённых, с одной стороны, семантическими, с другой – словообразовательными связями.

В связи с тем, что «язык стал рассматриваться... как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [4, с. 9], для современной науки о языке особый интерес стала представлять лексика, описывающая когнитивные процессы, «поскольку, давая представление о внутреннем мире субъекта, она позволяет проанализировать, как в узуальных значениях слов фиксируется совокупность когнитивных установок отдельного носителя языка и нации в целом» [9, с. 84].

В семантическое поле когнитии входят словообразовательные гнезда, вершины которых имеют значение одного из когнитивных процессов или состояний. На основании экстралингвистических факторов нами выявлены следующие семантические группы: 1) отсутствие знания (до познания) – данная группа представлена словами *не знать, незнание, незнайка*; 2) приобретение знания – *когнития, познание, изучать*; 3) наличие знания – *знать, ведать, знаток, музыковед*; 4) оперирование знанием – *учитель, преподавать*; 5) утрата знания – *забыть, запомнить*; 6) отсутствие знания (после утраты) – данная группа представлена теми же словами, что и первая. Таким образом, в семантическое поле включены такие слова, как *знать, учить, забывать*, их синонимы и все производные лексемы.

В этой связи была выдвинута гипотеза о том, что матрица поля совпадает с матрицей входящих в него словообразовательных гнёзд с учётом имеющихся между ними семантических связей. На данный момент в научной практике отсутствуют подобные исследования, в связи с чем возникает необходимость не только в проведении анализа, но и в разработке методики для него.

В рамках данного исследования используется предложенная нами ранее система названий семантических групп, которая включает цифробуквенный код, указывающий на частеречную принадлежность лексем, её отношение к участникам и соответствующий этап когнитивного процесса [2; 3]. Такая система позволяет представлять информацию схематично, упрощённо.

Под матрицей поля (и, соответственно, словообразовательных гнёзд) мы понимаем набор обобщённых значений, которые имеют связанные отношениями производности слова. Такие значения являются регулярными для данного поля (или гнезда). Так, в матрице центральное слово поля – *когнития* – представлено в виде следующего обобщения: C_2N «Процесс получения знания», в этом же обобщении находят отражение и лексико-семантические варианты слов *познание, узнавание, осведомление* и т. п.

Методика построения подобных матриц строится на следующих положениях:

а) отобранные слова (в данном случае слова, входящие в вышеуказанные гнёзда) анализируются по своим лексико-семантическим вариантам;

б) значение каждого лексико-семантического варианта максимально обобщается и упрощается (при необходимости – уточняется соотносимо с полем, в которое включено);

в) все лексико-семантические варианты, имеющие идентичное обобщённое значение, включаются в одну позицию в матрице, несмотря на наличие незначительных различий в дифференциальных семах (такие различия представляют интерес, но не в рамках данного исследования).

В случаях, когда для анализа берётся не одно гнездо, а несколько взаимосвязанных гнёзд, их матрицы накладываются друг на друга, постепенно формируя матрицу всего поля. Уточним, что в первую очередь анализ происходит именно на основании семантики слов, следовательно, слова схожей структуры, но разной семантики будут классифицированы по-разному.

Подобный матричный подход удобен тем, что он позволяет определять лакуны и предсказывать появление тех или иных позиций в смежных гнёздах. Это важно как при анализе отдельных гнёзд, так и при описании целого поля.

Материалы и методы исследования. Для анализа нами выбраны 210 слов в 240 лексико-семантических вариантах из гнёзд с глагольными вершинами *учить* и *преподавать*, относящимися к четвёртому этапу цикла когнитивных процессов и имеющими обобщённое значение G_4S «Оперировать знанием (передавать знание)». Используются описательный, сопоставительный и структурный методы.

Основная часть. Вершина словообразовательного гнезда *преподавать* представлена одним лексико-семантическим вариантом и имеет значение ‘обучая, сообщать, передавать сведения о чем-нибудь’. Данное слово восходит к глаголу *дать* ‘совершить действие, в результате которого кто-нибудь получит что-нибудь’, следовательно, когнитивное значение у него исторически вторично. В состав данного гнезда входит 8 слов, расположенных на 3 ступенях словообразования.

На первой ступени расположены слова *преподаватель* ‘тот, кто занимается преподаванием, преподает что-либо’, *преподавание* ‘действие по значению глагола *преподавать*’ и *преподаваться* ‘излагаться, сообщаться в процессе преподавания’. Они образованы при помощи широко распространённых в современном русском языке морфем: суффиксов существительных *-тель-* и *-ниј-*, а также глагольного постфикса. Вторая ступень словообразования реализуется через существительные *преподавательница* ‘женское к *преподаватель*’, *преподавательство* ‘занятие преподавателя; педагогическая деятельность’ и прилагательное *преподавательский* ‘прилагательное к *преподаватель*’. Все эти слова также образуются при помощи продуктивных морфем – суффиксов *-ниц-*, *-ств-*, *-ск-*. Третий этап словообразования включает только два слова: субстантив *преподавательская* ‘комната для преподавателей’ и сложное прилагательное *профессорско-преподавательский* ‘прилагательное к *профессор* и *преподаватель*’.

Все лексемы гнезда *преподавать* (*преподаваться; преподавание, преподаватель, преподавательница, преподавательство, преподавательский, преподавательская, профессорско-преподавательский*) однозначны и нейтральны. Дополнительная семантическая окраска относительно производящего присутствует лишь у субстантива *преподавательская* (<прилагательное *преподавательский*), образованного по аналогии с субстантивом *учительская* (<прилагательное *учительский*). Такая семантическая простота гнезда обусловлена, вероятно, происхождением его вершины.

Совсем иначе устроено словообразовательное гнездо *учить*.

Вершина данного словообразовательного гнезда представлена пятью лексико-семантическими вариантами: *учить*¹ ‘передавать кому-нибудь какие-нибудь знания, навыки’, *учить*² ‘передавать свой опыт, свои взгляды’, *учить*³ ‘то же, что *изучать*’, *учить*⁴ ‘высказывать, обосновывать какую-либо мысль, положение’, *учить*⁵ ‘занимаясь, усваивать, запоминать’.

Глубина данного гнезда составляет 6 словообразовательных ступеней, общий объём – 314 лексем, однако предметом нашего исследования являются лишь те из них, которые произведены от вступающих в синонимические отношения со словом *преподавать*: *учить*¹, *учить*², *учить*⁴ – 201 слово в 231 лексико-семантическом варианте.

Лексико-семантический вариант *учить*¹ является производящим для следующих групп слов:

- существительные, обозначающие процесс (2 лексико-семантических варианта, образованных с помощью суффиксов *-ениј-*, *-об-*);
- существительные, обозначающие результат (1 лексико-семантический вариант, образованный с помощью суффикса *-об-*);
- существительные, обозначающие лицо – производителя действия (2 лексико-семантических варианта, образованных с помощью суффикса *-тель-*);
- существительные, обозначающие место действия (1 лексико-семантический вариант, образованный с помощью суффикса *-лиц-*);
- прилагательные, обозначающие характеристику лица (1 лексико-семантический вариант, образованный с помощью суффикса *-тельн-*);

- прилагательные, обозначающие характеристику предмета (1 лексико-семантический вариант, образованный с помощью суффикса *-тельн-*);

- глаголы, обозначающие завершённое действие (16 лексико-семантических вариантов, образованных с помощью префиксов *вы-, до-, на-, недо-, об-, от-, пере-, под-, про-, раз-*).

В ходе последующего анализа определялось словообразовательное значение производного. Также в ходе данного анализа значения максимально обобщались с целью дальнейшего их объединения в группы и построения матрицы словообразовательного гнезда. Так, слово *учитель* было классифицировано как «лицо – производитель действия», слова *учебник* и *самоучитель* – как «предметы, предназначенные для действия». Впоследствии обобщённые значения были несколько уточнены с учётом общего значения семантического поля, в которое они включены (когниция – познавательный процесс и цикл процессов): значение «лицо – производитель действия» превратилось в значение «субъект передачи знаний (человек)», а «предмет, предназначенный для действия» – в «субъект передачи знаний (предмет)».

Значительное число слов из анализируемого гнезда не отличается какими-либо словообразовательными особенностями, их значение чаще всего является суммой значений производящего и средства словообразования, а обобщённое значение легко определяется. Особого внимания в этой связи заслуживают слова, значения которых выходят за рамки суммы значений производящего и словообразовательного форманта.

У слова *учитель* в первом лексико-семантическом варианте ‘тот, кто преподаёт какой-либо учебный предмет в школе; преподаватель’ значение, помимо указания на деятельность субъекта, включает уточнение по поводу места выполнения функций. Второй лексико-семантический вариант данного слова – ‘человек, являющийся высоким авторитетом для кого-либо в какой-либо области, имеющий последователей’ – также выходит за рамки значений производящего и словообразовательного средства. Вероятно, это значение развилось на базе первого значения слова *учитель*. Для некоторых производных от слова *учитель* мы наблюдаем схожую проблему: значения слов *законоучитель* ‘преподаватель закона божьего в дореволюционной русской школе’ и *самоучитель* ‘учебник, руководство для самостоятельного изучения чего-либо без помощи руководителя’.

Глагол *научить* во втором и третьем лексико-семантических вариантах (‘посоветовать, подговорить сделать что-либо’, ‘заставить понять что-либо, убедить в чем-либо’), вероятно, тоже развил данные значения на базе своего основного.

Наконец, слово *учение* в третьем лексико-семантическом варианте – ‘система воззрений какого-либо ученого или мыслителя’ – реализует не только обозначение результата определённого действия, но также и указание на субъекта данного действия.

Все перечисленные случаи в рамках нашего исследования были отнесены к тем же семантическим группам, что и их производящие, но особо помечены.

Лексико-семантический вариант *учить*⁴ также соотносится с лексико-семантическими вариантами *учить*¹ и *учить*² и представляет собой семантическую модификацию последних. Он имеет два производных: *учение*³ ‘система воззрений какого-либо ученого или мыслителя’ и *ученье* ‘система воззрений какого-либо ученого или мыслителя’, образованных с помощью суффиксов *-ниџ-*, *-н’џ-*. Примечательно, что с помощью этих же суффиксов образуются производные от лексико-семантических вариантов *учить*¹ и *учить*².

Как видно из описания словообразовательных гнезд, глагол *учить* обладает большим словообразовательным потенциалом, чем глагол *преподавать*. Это, по всей

видимости, связано в первую очередь с полисемантическим характером первого глагола и с его более долгой связью с когнитией (глагол *преподавать* получил значение передачи знания значительно позднее).

На основании этих результатов можно построить следующую модель, обобщающую данные и являющуюся частью семантического поля:

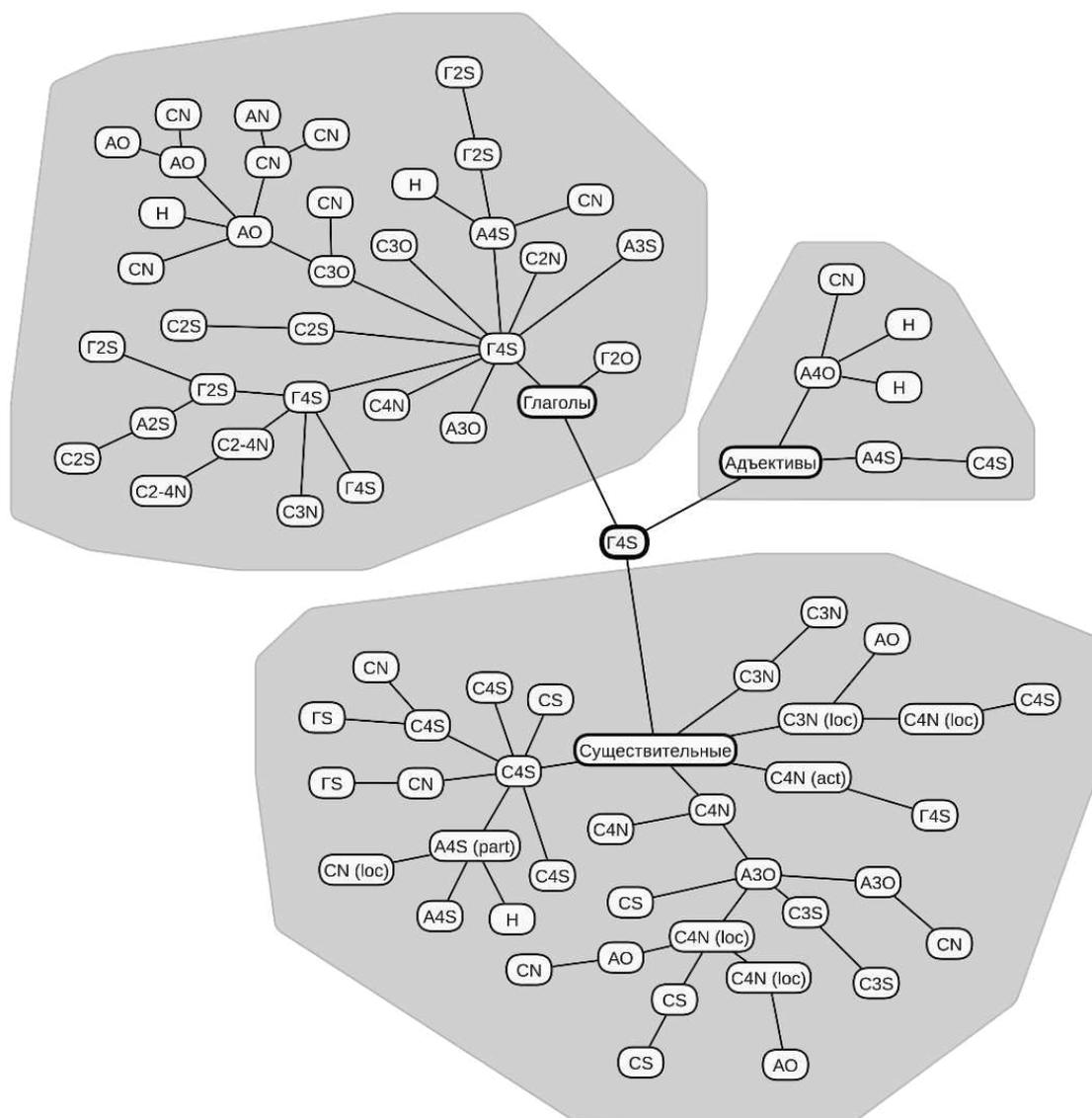

Рисунок 1. Матрица словообразовательных гнёзд *учить* и *преподавать*

В центре получившейся матрицы – группа Г4S «Оперировать знанием (передавать знание)», представленная двумя словами – вершинами словообразовательных гнёзд: *учить*, *преподавать*. Производные от неё слова мы объединили в три группы в зависимости от частеречной принадлежности.

Самыми малочисленными оказались адъективы, включающие на первой ступени словообразования следующие слова: *учащий*, *преподающий* (входящие в группу А4S «Субъект передачи знаний и его характеристика»; что примечательно, последнее слово отсутствует в словаре, его мы восстановили по аналогии с причастием *учащий*);

учительный, нравоучительный (входящие в группу А4О «Характеристика передаваемого знания»).

Первая группа имеет производные в виде субстантивированных прилагательных, отнесённых к группе С4S «Субъект передачи знаний (лицо)» (*учащий*). Группа А4О «Характеристика передаваемого знания» является производящей для групп CN «Свойство процесса передачи знаний» (*нравоучительность*), Н «Характеристика передачи знания» (*нравоучительно* ‘с нравоучением, поучая’), а также для слова *нравоучительно* ‘оценочная характеристика чего-либо как поучающего’, соотнесение которого с какой-либо семантической группой анализируемого поля представляется невозможным.

Уже на примере перечисленных групп видно, что деривационный потенциал сопоставляемых гнёзд различается: в то время как производные от *учить* реализуют разные значения, производные от глагола *преподавать* отмечаются только в группе А4S «Субъект передачи знаний и его характеристика».

Группы, в которые могут быть объединены существительные первой степени словообразования, более разнообразны: С3N «Совокупность знаний» (*учение, ученье*), С3N (loc)¹⁸ «Место передачи знаний» (*училище*), С4N «Процесс передачи знаний» (*учение*), С4S «Субъект передачи знаний (лицо)» (*учитель*). Все эти группы включают слова, образованные от глагола *учить*, и лишь две – С4N «Процесс передачи знаний», С4S «Субъект передачи знаний (лицо)» – производные от глагола *преподавать* (*преподавание* и *преподаватель* соответственно).

Существительные первой степени словообразования, представленные в матрице, имеют большое количество собственных производных разной частеречной принадлежности. Значительное количество производных от имён существительных на второй степени словообразования принадлежит тем же семантическим группам, эти слова отличаются лишь небольшими семантическими изменениями: С4S «Субъект передачи знаний (лицо)» (*учитель*) → С4S «Субъект передачи знаний (лицо)» (*учительница* – указание на половую принадлежность денотата); С3N «Совокупность знаний» (*учение*) → С3N «Совокупность знаний» (*вероучение* – уточнение характеристики денотата); С4N «Процесс передачи знаний» (*учёба*) → С4N «Процесс передачи знаний» (*политучёба* – уточнение характеристики денотата); С3N (loc) «Место передачи знаний» (*училище*) → С3N (loc) «Место передачи знаний» (*недучилище* – уточнение характеристики денотата). Подобных словообразовательных пар для групп в рассмотренных гнёздах 18. Основными семантическими модификациями в них являются следующие: а) указание на половую принадлежность лица, обозначенного производящим словом; б) указание на область знаний, уточнение сферы применения того, что обозначено производящим словом; в) стилистическая окраска производного.

Отдельно следует упомянуть лексико-семантический вариант *учительша* ‘жена учителя’, который не представляет для нас интереса, не имея непосредственной связи с когнитивным процессом.

Другим весьма частотным является случай образования от существительных адъективов – в данном случае исключительно прилагательных. Это группы АО «Характеристика объекта передачи знаний», А4S «Субъект передачи знаний и его характеристика».

Глаголы на первой степени словообразования объединяются в две группы: Г4О «Усвоение знания» и Г4S «Оперирование знанием (передача)». В первую группу

¹⁸ Уточнение в скобках является рабочим.

включено слово *преподаваться* ‘страдательный к *преподавать*’; соответствующего ему слова, производное от глагола *учить*, нет – слово *учиться* образовано от лексико-семантического варианта, имеющего другое значение.

В группу Г₄S «Оперирование знанием (передача)» включены 12 глаголов в 20 лексико-семантических вариантах. Это префиксальные образования от глагола *учить*, все они имеют дополнительные семы, но благодаря интегральной семе ‘передача информации’ их можно объединить в рамках одной группы.

Несмотря на большое количество глаголов и наличие множества дифференциальных сем в их значениях, данная часть речи представлена ограниченным числом групп: Г₄O «Усвоение знания», Г₄S «Оперирование знанием (передача)». Образование глаголов осуществляется преимущественно путем перфективации, обнаружен также один случай образования возвратной формы, которая при этом включена в другую семантическую группу.

Семантические группы адъективов не отличаются разнообразием, их также две: А₄S «Субъект передачи знаний и его характеристика» и АО «Характеристика объекта передачи знаний».

Словообразовательные процессы и семантические связи, обнаруженные нами на первом уровне словообразования, характерны и для остальных уровней. Наиболее активны в словообразовании слова, включённые в группу Г₄S «Оперирование знанием (передача)» – они являются производящими на каждом этапе словообразования, помимо последнего. Набор производных для этой группы также примерно одинаков.

Особого внимания заслуживает один случай. От глаголов группы Г₄S «Оперирование знанием (передача)» на третьем этапе словообразования происходят слова *переобучение* и *переучивание*, включённые нами в группу С₂-₄N «Приобретение знания на основе уже имеющегося». Значение лексем синкретично, два этапа когнитивного процесса – приобретение знаний и оперирование знаниями – взаимосвязаны в рамках этих слов, их нельзя разделить.

Заключение. В ходе сравнения деривационного потенциала словообразовательных гнёзд с синонимичными вершинами как элементов семантического поля и построения на основе полученных данных матрицы мы пришли к следующим выводам.

1) Словообразовательный потенциал всех включенных в матрицу лексем может зависеть от вершины. Так, исконно носящее когнитивное значение слово *учить* имеет значительно больше производных, чем глагол *преподавать*, когнитивная семантика которого сформировалась значительно позже. Многозначность вершины *учить* отражается в производных данного гнезда, что может проявиться как на первом этапе словообразования, так и на последующих.

2) Сравнение гнёзд на основании общей матрицы позволяет не только констатировать наличие лакун (как в случае отсутствия слова *преподающий* при наличии слова *учащий*), но и заполнить их, в случае если обнаруженная лакуна является мнимой (слово наличествует в русском языке, но не отражено в словаре по какой-либо причине).

3) В качестве основы семантического поля матрица, построенная на основании словообразовательных гнёзд, является удобным инструментом, который позволяет определить связь между разными группами слов в поле, а также более точно установить, какие слова входят в состав поля, а какие уже утратили когнитивное значение, из-за чего не могут относиться к полю.

4) Анализ обобщённой семантической матрицы семантического поля показал, что в тех случаях, когда производное и производящее относятся к одной группе, производное имеет более сложное значение и включает сему с уточнением половой принадлежности субъекта действия; сферы, цели или способа действия. В рамках матрицы обнаружены постоянные пары, к которым относятся: Г₄S «Оперирование знанием (передача)» – С₄S «Субъект передачи знаний (лицо)»; Г₄S «Оперирование знанием (передача)» – С₄N «Процесс передачи знаний»; Г₄S «Оперирование знанием (передача)» – С₃O «Совокупность знания»; Г₄S «Оперирование знанием (передача)» – С₂N «Процесс приобретения знаний»; Г₄S «Оперирование знанием (передача)» – Г₂S «Самостоятельное усвоение знаний»; С₄S «Субъект передачи знаний (лицо)» – GS «Осуществление деятельности субъекта передачи знаний (человека)»; С₄N «Процесс передачи знаний» – Г₄S «Оперирование знанием (передача)».

5) Вершины словообразовательных гнёзд – глаголы *учить* и *преподавать*, – относясь к группе Г₄S «Оперирование знанием (передача)», на разных ступенях словообразования дают производные, отражающие другие этапы когнитивного процесса либо же вовсе не связанные с когницией, что может стать предметом нового исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка: монография / В.П. Абрамов. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта, 2020. – 336 с.
2. Борозенец Д.И. Классификация единиц лексико-семантического поля когниции (на материале русского языка) / Д.И. Борозенец // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. – Донецк, 2022. – С. 7–10.
3. Борозенец Д.И. Собственно когнитивные адеквативы в семантическом поле когниции: синхронное состояние / Д.И. Борозенец // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции. – Донецк, 2023. – С. 5–10.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля / Л.А. Новиков // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 2. – С. 8–17.
6. Осильбекова Д.А. Комплексные единицы словообразования и семантические группы слов / Д.А. Осильбекова // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2016. — № 4 (73). — С. 189–191.
7. Смолькова М.В. Морфемарий словообразовательной категории суффиксальных существительных со значением лица / М.В. Смолькова // Гуманитарные исследования. — 2010. — № 4 (36). — С. 142–147.
8. Шарашова Е.А. Сравнительный анализ определений «семантическое поле», «тематическая группа», «лексико-семантическая группа» в различных словарях лингвистических терминов / Е.А. Шарашова, Т.С. Алексеева // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сер. «Лингвистика» / Под ред. А.И. Фефилова. – Ульяновск, 2021. – С. 82–85.
9. Шляхова Г.И. Семантическое поле «Информация» как инструмент анализа лексики ментальной сферы / Г.И. Шляхова // Наука и инновации – современные концепции: Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума. Отв. редактор Д.Р. Хисматуллин. – М., 2022. – С. 84–87.
10. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 254 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
12. Русский язык: Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: [в 2 т.] / А.Н. Тихонов [и др.]; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М. : Флинта: Наука, 2008.

REFERENCES

1. Abramov V.P. (2020) Semanticheskie polya russkogo yazyka: monografiya [Russian language semantic fields: monography] (336 p.). Moscow : Flinta. (In Russian)
2. Borozenecz D.I. (2022) Klassifikaciya edinic leksiko-semanticheskogo polya kognicii (na materiale russkogo yazyka) [Classification of units of the lexico-semantic field of cognition (based on the material of the Russian language)] in Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti : materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhyonnoj 85-letiyu Donetskogo nacional'nogo universiteta [Donetsk Readings 2022: Education, science, innovation, culture and Modern Challenges : proceedings of the VII International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of Donetsk National University] (pp. 7–10). Donetsk. (In Russian)
3. Borozenecz D.I. (2023) Sobstvenno kognitivnye adiektivy v semanticheskom pole kognicii: sinxronnoe sostoyanie [Proper cognitive adjectives in the semantic field of cognition: synchronous state] in Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Donetsk Readings 2023: education, science, innovation, culture and Modern Challenges: Proceedings of the VIII International Scientific Conference] (pp. 5–10). Donetsk. (In Russian)
4. Kubryakova E.S. (2004) Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world] (560 p.). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russian)
5. Novikov L.A. (2011) E'skiz semanticheskogo polya [Sketch of the semantic field] in Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of the RUDN, series Theory of language. Semiotics. Semantics], 2, 8–17 (In Russian).
6. Osilbekova D.A. (2016) Kompleksnye edinitsy slovoobrazovaniia i semanticheskie gruppy slov [Complex units of word formation and semantic groups of words] in Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Oryol State University], 4(73), 189-191 (In Russian).
7. Smolkova M.V. (2010) Morfemarii slovoobrazovatelnoi kategorii suffiksalnykh sushchestvitelnykh so znacheniem litsa [Morphemarium of the word-formation category of suffixal nouns with the meaning of a person] in Gumanitarnye issledovaniia [Humanitarian studies], 4(36), 142–147 (In Russian).
8. Sharashova E.A. (2021) Sravnitel'nyj analiz opredelenij «semanticheskoe pole», «tematicheskaya gruppy», «leksiko-semanticheskaya gruppy» v razlichnykh slovaryakh lingvisticheskikh terminov [Comparative analysis of definitions "semantic field", "thematic group", "lexico-semantic group" in various dictionaries of linguistic terms] in Uchenye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Aktual'nye problemy teorii yazyka i lingvodidaktiki. Ser. «Lingvistika» [Scientific notes of Ulyanovsk State University. Actual problems of the theory of language and linguodidactics. Ser. "Linguistics"] (pp. 82–85). Ul'yanovsk. (In Russian)
9. Shlyaxova G.I. (2022) Semanticheskoe pole «Informaciya» kak instrument analiza leksiki mental'noj sfery [The semantic field "Information" as a tool for analyzing the vocabulary of the mental sphere in Nauka i innovacii – sovremennye koncepcii: Sbornik nauchnykh statej po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma [Science and innovation – modern concepts: A collection of scientific articles based on the results of the International Scientific Forum] (pp. 84–87). Moscow. (In Russian)
10. Shhur G.S. (1974) Teorii polya v lingvistike [Field theories in linguistics] (254 p.). Moscow : Nauka. (In Russian)

Поступила в редакцию 02.05.2024 г.

**DERIVATIONAL POTENTIAL OF WORD-FORMATION NESTS
WITH SYNONYMOUS COMPONENTS AS ELEMENTS OF SEMANTIC FIELD OF COGNITION
(ON THE EXAMPLE OF WORD-FORMATION NESTS УЧИТЬ ‘TEACH’ AND ПРЕПОДАВАТЬ
‘TEACH’)**

D.I. Borozenets, A.A. Altukhova

The article deals with an attempt to create a matrix of word-formation nests with the components *преподавать* ‘to teach’ and *учить* ‘to teach’ as elements of the semantic field of cognition. The authors define

the semantic field, and hypothesize that its model or matrix will correspond to the matrix of individual elements. To create the matrix, the authors followed the methodology developed by them. The procedure includes the analysis of each lexico-semantic variant of the words under study, with the maximum meanings generalization and the relevant grouping of lexico-semantic variants based on such meanings. A special attention is paid to the description of word-formation pairs, with the derivative and the producer belonging to different semantic groups. This observation is fixed in the suggested model. The results obtained can be extrapolated to other word-formation nests, parts of which constitute the semantic field of cognition.

Key words: word-formation nest, derivational potential, synonymy, lexico-semantic variant, semantic field, semantic and word-formation matrix, cognition.

Борозенец Дарья Игоревна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Аспирант.

ORCID 0009-0008-5480-5556.

E-mail: borozenets.dasha@mail.ru

Алтухова Анастасия Андреевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Студентка бакалавриата.

ORCID 0009-0002-5023-0368

E-mail: anastasia.altukhova.06@mail.ru

Borozenets Darya Igorevna.

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.

Postgraduate student.

ORCID 0009-0008-5480-5556.

E-mail: borozenets.dasha@mail.ru

Altukhova Anastasiya Andreievna.

Donetsk State University, Donetsk, Donetsk, Russian
Federation.

Undergraduate student.

ORCID 0009-0002-5023-0368

E-mail: anastasia.altukhova.06@mail.ru

Научная статья
УДК 81'42+82-3
DOI: 10.5281/zenodo.11429215

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ГЛЮТТОНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

© 2024 Д.А. Калмыкова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0003-1553-1712

Важную роль в данной статье играет описание общих принципов параметризации текстов, принадлежащих к глюттотоническому дискурсу. Именно поэтому гастрономическая лексика является неотъемлемым компонентом культуры и отражает лингвокультурные особенности языка. Ключевое значение для данного исследования имеет его актуальность в современном обществе, где у носителей различных языков с разными культурными архетипами существуют собственные предпочтения в области гастрономии, они выражаются в специфическом гастрономическом словаре, который приписывает национальные особенности каждому из них. Анализ русской глюттотонической лексики представляется осмыслением данного феномена в современной лингвистической науке. Данная работа представляет интерес ввиду небольшого количества исследований в данной области и возрастающего интереса к изучению гастрономического дискурса. Исследование проблемы позволило выявить основные характеристики феномена «глюттотоническая лексика», указывающие на взаимосвязь с национальной культурой в период жизни и творчества Н.В. Гоголя. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее изучение глюттотонической лексики, также в исследовании всей бытовой лексики, как ее малоизученной составляющей.

Ключевые слова: лексика, бытовая лексика, дискурс, гастрономический дискурс, глюттотонический дискурс, номинация, глюттотонимы, этнолингвистика.

Для цитирования: Калмыкова Д.А. К вопросу об изучении глюттотонического дискурса / Д.А. Калмыкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 111–120. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11429215>.

Введение. В современном языкознании дискурсивный подход вызывает несомненный научный интерес и ориентирован на изучение многоаспектной структуры языка. Понятие «дискурс» является одним из наиболее распространённых в современной этнолингвистике. Данный термин в современной лингвистике имеет огромное количество определений и трактовок.

Неоднозначность термина подчеркивает его сложноструктурированность и неоднородность, а само понятие «дискурс» считается вариативным и, несмотря на свою изученность, требует последующего уточнения, так как ученым не удалось прийти к единому варианту его трактования.

Актуальность данного исследования определяется важностью выявления, систематизации и лингвистического описания, представленных в классических художественных произведениях номинационных единиц, связанных с такой областью человеческой жизни, как «еда», изучение которых даёт представление об одной из важных сторон русской культуры XIX века.

Материалы и методы исследования. Методы исследования: метод классификации, лексический анализ, описательный метод.

Как отмечала в своих исследованиях автор статьи «Национальная кухня как один из видов трансляции культурных кодов» Т.А. Кемерова, «дискурс в современной

этнолингвистике обобщает историческое и социально-ценностное общественное сознание, которое закрепляет в социуме представления о нормах, верованиях, традициях и явлениях в национальной культуре» [7, с. 82]. Интерпретируется данный языковой феномен как «речемыслительное образование общественного толкования» [16], поэтому он может быть рассмотрен в виде некоей «совокупной универсальной модели, понятной определенной части общества» [7, с. 82].

Как указывал в своём научном исследовании автор статьи «Дискурс художественного произведения» З.Д. Асратян, «...дискурс представляет собой знаковую систему, концентрирующую национальную идентичность определенной части общества» [2, с. 30]. По мнению автора научного исследования «Дискурс: разновидности, специфика, мнения» А.С. Алмазовой, «дискурс – это ориентированный на человека тип общения в различных коммуникативных сферах» [1, с. 89].

В рамках данной статьи, также представляет интерес определение ученого-лингвиста Т.Г. Скрепцова, который указывает на то обстоятельство, что «дискурс – это выражаемая языковая деятельность, включающая процесс предметно-бытовых действий личности» [13, с. 19–20]. Кроме того, по мнению некоторых исследователей в области языкознания (Н.С. Марушкина [9] и О.Г. Савельева [12]), социальная составляющая дискурса зависит от характера коммуникации, значимых сценариев, видов и сферы общения, социальных ролей коммуникантов. Авторы указывают, что в этнолингвистическом срезе выделяются два основных типа дискурса: личностно-ориентированный (когда берется во внимание языковая картина мира автора текста) и институциональный (когда картина мира выстраивается во взаимодействии культурно-исторический реалий и личностных представлений автора текста).

Основная часть. Дискурс, согласно утверждению исследователя, автора научной диссертации «Гастрономические прагматонимы и национальный характер» Л.Р. Ермаковой, существует в двух основных разновидностях: «бытовое (представляет собой элементы реалий: пища, процесс застолья, культура и обычаи потребления пищи); социально-коммуникативное (представляет собой процесс общения: застольные ритуалы, праздники и т.п.) [5, с. 11].

Гастрономический дискурс играет ключевую роль в формировании оценочных значений описания пищи и процесса ее приготовления в художественной литературе. Гастрономическая лексика и фразеология не только помогают описывать вкус, запах, внешний вид и структуру продуктов, но и создают ассоциации и эмоциональные реакции, которые влияют на восприятие блюд и трапезы в целом [18].

Процесс трапезничества должен был продемонстрировать хлебосольство встречающей стороны, радушие хозяев. Приглашение к столу сопровождается также специфическим процессом оказания внимания гостям. Изменения, которые наблюдаются в исполнении обрядов гостеприимства (на материалах различных произведений Н.В. Гоголя) объясняются социальными и культурными переменами в жизни общества того времени. Сам автор был убежден в необходимости поддержания духовно-культурной преемственности и развитии культуры гостеприимства как основы для социальной коммуникации.

Следовательно, гастрономический дискурс не только описывает и характеризует блюда, но и отражает социокультурные и этнические особенности общества. Например, термины и выражения, связанные с традиционной кухней определенной страны или региона, могут нести в себе целую историю и культурные ценности этого места.

Гастрономический дискурс (гастрономическая лексика и фразеология как форматор оценочных значений) является одним из наиболее распространённых

феноменов речевого плана, так как общественная культура питания как важнейший компонент ментальности народов мира, является неотъемлемой составляющей жизни социума.

Среди русскоязычных авторов, сумевших не только уловить суть культуры нации, но и чувствительно-образные бытовые реалии культуры потребления пищи (глуттонимы), а также передать наиболее чётко ее картину, можно назвать Н.В. Гоголя. Сам термин «глуттония» характеризует весь пищевой процесс в целом – добычу и первичную обработку пищи, подготовку полуфабрикатов, процесс приготовления, потребления пищи и систему обрядовой деятельности, связанной с культурой трапезничества и гостеприимства.

Важность исследования данной проблемы характеризуется тем обстоятельством, что в тексте произведений Н.В. Гоголя многие названия бытовой лексики, связанные с процессом приема пищи, названиями блюд, напитков, технологии их приготовления и элементов пищевой культуры, относятся к этнографизмам (обозначениям особенностей национально-исторической культуры быта), по этой причине их понятия можно обнаружить исключительно в толковых словарях (с указанием этно-территориальной принадлежности), а также в специальных справочных изданиях по технологии приготовления пищи (рецептурах национальной кухни).

Объектом исследования послужили художественно-драматические произведения Н.В. Гоголя, а предметом – номинатемы со значением «еда», извлеченные из них методом сплошной выборки.

Цель данной статьи – изучение глуттонического дискурса как социокультурного феномена в аспекте межъязыковой коммуникации (на материале художественных произведений Н.В. Гоголя).

Тема застолья издавна встречается в литературных произведениях. Гостеприимство и хлебосольство всегда оставались чертами, которые автор ценил в людях, поэтому лексика группы «еда» с общей номинативной характеристикой «застолье» была чрезвычайно важной объединяющей чертой значительной части произведений Н.В. Гоголя.

В данном исследовании для формирования доказательной базы представляют интерес произведения Н.В. Гоголя. Художественные описания отображают национальную культуру и традиции застолья народа во всём многообразии их качеств. Фольклорные образы продуктов питания и процессов их приготовления, сюжеты, почерпнутые из традиций народного гостеприимства, народных песен и дум, сочетаются в произведениях Гоголя с жизненным реализмом в бытовой лексике, образуя неповторимый художественный синтез.

Описанные автором процессы приготовления и потребления пищи используются с разными целями – раскрывают характер персонажей, показывают их манеры быта и коммуникации, дают представление о культуре, в которой происходит действие, особенностях национальных традиционных кухонь, характеризуют образ мысли и действий, а также взаимоотношения с другими героями, которые могут являться участниками данного дискурса.

Как уже отмечалось ранее, бытовая лексика, связанная с процессом приготовления и приёма пищи, занимает важнейшее место в общей этнолингвистической структуре дискурса и является функциональным средством художественного отображения бытовой этнической повседневности в структуре литературных произведений выдающегося автора.

Глуттонический дискурс представлен обширным массивом гоголевских текстов с национально-гастрономической составляющей. В цикле произведений автора культура приготовления и потребления пищи национально обусловлена и отражает местные обрядческие социально-религиозные особенности народа.

При этом отметим, что глуттонический дискурс в каждой языковой среде отражает этнолингвистические особенности кулинарных изысков, разнообразие используемых пищевых компонентов определенного народа, особенности культурных традиций и семейно-бытовых ценностей. Обычай приёма пищи отражают не только культурные ценности, но и классовые различия.

Изучение специфики традиционной бытовой национальной лингвокультуры предполагает рассмотрение системы глуттонических знаков и их денотативных функций в тесной связи с закреплением в сознании коммуникантов особенностей образов пищи; ее качеств; места и действий, связанных с добычей, обработкой, приготовлением и потреблением пищи, субъектов глуттонических действий, системой проведения трапез и ритуалов принятия пищи» [10, с. 339].

В автореферате к диссертационному исследованию Н.П. Головницкой («Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса»), автор указывает, что пищевые пристрастия отдельных этнических групп отражают дух культуры и несет следы исторических предпосылок, определенные тенденции времени [4, с. 13–14].

В художественных произведениях Н.В. Гоголя отчётливо прослеживается включение описаний национальных блюд и мотивов застолья, для придания правдоподобности и эффекта присутствия у читателя, что указывает на универсальность пищевых традиций как элемента жизненной повседневности [6, с. 111].

Основная задача глуттонического дискурса в литературных произведениях Гоголя состоит в формировании общности представлений о культуре застолья того времени. Такое раскрытие этнической культуры и внутреннего мира народа, достигается путем глубинного исследования феномена пищевкусных бытовых реалий [6, с. 104]. Слова, используемые для описания еды и процесса ее поглощения, могут быть как нейтральными и объективными, так и эмоционально окрашенными и субъективными.

Таким образом, становится очевидно, что лингвокультурная тематика пищи наиболее актуальна для тех произведений, в которых описывается быт, культура, местный колорит, обычаи и традиции, поэтому для анализа были использованы художественные произведения Н.В. Гоголя, как наиболее яркого «образчика русской гастрономической культуры» [12].

Процесс поглощения пищи, описанный в произведениях автора, становится не просто необходимой составляющей потребностей в жизни человека, а символом упадничества общественных нравов, своеобразного образа жизни дворянства и разделением общества на богатых и бедных. Через описание кулинарных обрядов и кулинарной культуры автор пытается показать особенности национального характера и укоренённых в народе традиций.

Собранный языковой материал показал, что в произведениях автора особое место занимает процесс приготовления и принятия пищи, а также близкие к данному понятию бытовые процессы – «ритуал» или «традиция застолья».

Номинатемы с семантикой «еда» – один из видов предметной детализации текста.

Общий корпус выборки составил 77514 слов из художественных произведений Н.В. Гоголя, 1989 слова могут быть отнесены к лексемам с семантикой еды.

В данном аспекте можно рассмотреть следующие особенности употребления глуттонической лексики в произведениях Н.В. Гоголя:

- названия пищи в именах героев художественных произведений (Бульба, Плюшкин, Пирогов, Земляника, Лука Лукич);

- упоминание пищи во фразеологизмах («солono пришёлся», «задать перцу», «судьба-индейка», «кукиш с маслом», «желудочное трясение» [3]);

- названия пищи становятся показателем статуса личности в обществе. Для наглядности приведем следующий пример: Осип: «...в мечтах ему приходит жизнь в деревне, где можно вдоволь есть *пирогов*, а сейчас нельзя получить даже *хоть какие-нибудь щи*» [17, с. 12]. Невозможность потреблять изыски кулинарии, говорят о недостаточном статусно-материальном положении героя;

- обвинение в несправедливости выражается через еду. В испуге перед городничим Хлестаков кричит: «*Да что ж делать?.. Я не виноват... Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп – он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морил голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем*» [17, с. 30]. Плачевный статус в обществе, о котором говорит Хлестаков, воспринимается как знак катастрофы, так как положение в обществе измеряется героями как возможность «позволить себе больше изысков нежели окружающие» [17, с. 30];

- еда – предмет взятки: купцы несут Хлестакову сахарные головы и кузов вина – это взятка чиновнику: недаром городничий, прощая купцов за донос, велит им выставить к свадьбе дочери особое «поздравление» – «*не то, чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару*» [17, с. 81];

- образ роскошной и небывалой еды как цель жизни: обладание такой едой или даже хотя бы лицемерие её поднимает героя на небывалую высоту. Например, рассказ *о супе из Парижа* или *арбузе* в семьсот рублей делает Хлестакова «...значимым в глазах чиновников – и, главное, в своих собственных глазах – важной персоной» [17, с. 35];

- образ пищи выполняет определённую роль в развитии сюжета, например: Осип из желания быть сытым тоже начинает врать городничему насчёт своего хозяина, тем самым усиливая страх [17, с. 42];

- образ пищи помогает создать комические ситуации, комический эффект, например: чтение записочки от городничего «*За два солёные огурца особенно и полпорции икры*» [17, с. 39] вперемежку с поручениями к жене;

- образ пищи как предмет чревоугодия – мотив полноты / худобы (размышление о толстых и тонких и их достатке);

- образ алкогольных напитков и пьянство (заседатель в суде, которого «*в детстве мамка ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою*» [17, с. 11]);

- образ пищи как возможность дать нравственную характеристику героям («*Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее...*» [115]). Плюшкин в этой характеристике – единственный из помещиков, который «не ест», но которого «едят», «съедают» его собственные пороки).

Анализируя описания блюд и продуктов питания в произведениях автора, можно раскрыть тонкие нюансы смысла, выявить символическое значение еды и ее влияние на характеры героев и сюжеты гоголевских произведений. Символический образ пищи

(как элемент национально-культурного кода) является одной из важных составляющих художественного текста, который позволяет выделить несколько функций представляющих номинатемы со значением «пища и процесс ее поглощения» в художественном тексте произведений Н.В. Гоголя. Так:

1. Создание местного колорита и описание обычаев изображаемого этноса. В художественных произведениях часто используется описание блюд и кулинарных традиций, чтобы передать особенности культуры и обычаев различных народов. Например, упоминание о традиционных национальных блюдах может создавать атмосферу и передавать специфичные черты этноса. В повести «Ночь перед рождеством» («Вечера на хуторе близ Диканьки») Н.В. Гоголь упоминает такие разновидности национальной украинской еды, как *кутья* – обрядовое кушанье из риса с изюмом, *вареники* – вареные изделия из теста с творогом и ягодами, *галушки* – кусочки варёного теста, сметана – продукт из цельного коровьего молока: «Тут заметил Вакула, что ни *галушек*, ни *кадушки* перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена *варениками*, другая *сметаной*» [17, с. 63].

2. Передача эмоций и черт характера изображаемого персонажа по принципу антропоморфизма. Возможность придания продуктам питания или приему пищи человеческих черт и эмоций позволяет авторам передавать характер героев. Например, герой, предпочитающий сладкое, может быть описан как сладкоежка, что помогает читателям лучше понять его натуру. В произведении автора находим следующий пример: «Какими *пирогам* накормит моя старуха! – восклицает персонаж – что за пироги, если б вы только знали: сахар, *совершенный сахар*! А масло так вот и течет по губам, когда начнешь есть. Пили ли вы когда-либо, господа, *грушевый квас с терновыми ягодами* или *варенуху с изюмом и сливами*? Или не случилось ли вам подчас есть *пупрю с молоком*? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть – объедешь, да и полно» [17, с. 19].

3. Передача аспектов общего состояния социума и национальной ментальности. Описание еды и способов ее приготовления может служить отражением эпохи и национальной ментальности. Например, перечень продуктов, предпочитаемых в определенной эпохе, может свидетельствовать о развитии национальной кухни и вкусовых предпочтений общества. Примером к данному утверждению может послужить следующая цитата: «*Секрет настоящих полтавских вареников – в тесте, необыкновенно воздушном и мягком, которое готовится исключительно на простокваше*» [17, с. 49].

4. Трансляция основных национальных ценностей. Образ пищи также может быть использован для передачи основных национальных ценностей. Например, в культуре, где приготовление пищи подразумевает групповую работу по приготовлению, совместное участие по подготовке к трапезе, совместное поглощение пищи и напитков, это может символизировать важность коллективизма и сотрудничества. Соответственно вышесказанному, функционирование образов пищи в художественном тексте может выполнять несколько важных функций. Оно способствует созданию местного колорита, передаче эмоций и черт характера героев, а также транслирует общее состояние социума и национальные ценности. В качестве примера отметим, что особое место в ряду помещиков «Мертвых душ» занимает Ноздрёв, который стремится к изысканности, пытается угождать своему вкусу. Н.В. Гоголь очень подробно выстраивает образ и характеристику данного героя посредством его вкусовых пристрастий: «*Мадера, точно, горела во рту, ибо купцы, зная уже вкус помещиков,*

любивших добрую мадеру, заправляли ее беспощадно ромом, а иной раз вливали туда и царской водки, в надежде, что всё вынесут русские желудки. Но вин было изобилие: сначала пили портвейн, затем подали ликер, мадеру, бурганьон, шампаньон. Была принесена рябиновка, бальзам» [17, с. 79].

Так, используемый автором кулинарный культурный код «транслирует» национальные представления о мире с помощью пищевых образов, имеющих различные направления номинации.

Анализ применения глуттонической лексики в художественных произведениях автора помогает составить представление о характере и пристрастиях его героев и моральных устоях общества того времени.

Специфика особенностей употребления глуттонической лексики в произведениях Н.В. Гоголя определяется такими факторами, как кулинарные традиции нации, широта семантического словесного поля, значимость продукта или блюда для жизни человека, исторические предпосылки формирования картины мира русской нации и кулинарной культуры в ней как таковой.

Гоголь использует языковые средства, которые отражают не только русскую культуру и язык, но и элементы культуры украинского и польского языков, что создает уникальный межъязыковой дискурс. Эти элементы не только способствуют богатству текста, но и позволяют читателю погрузиться в особенности различных культур и языков, а также понять важность межъязыковой коммуникации.

Так в сознании читателя рождается некая инвариантная характеристика культуры общества, которую им преподносит сам автор. Н.В. Гоголь описывает в своих произведениях насмешливое отношение к обывателям, для которых еда была одним из смыслов жизни. Например, отпечаток такого застольно-бытийного мироощущения распространяется на весь повседневный уклад жизни в художественном произведении «Ревизор», когда вся жизнь помещиков представляется автором через череду сменяющихся праздников и пиршеств. Поэтому, изучение специфики глуттонического дискурса как социокультурного феномена в аспекте межъязыковой коммуникации имеет большое значение для понимания взаимодействия различных культур и языков.

В данном контексте особенно интересно рассматривать этот дискурс на материале художественных произведений Н.В. Гоголя. Его художественные произведения содержат множество элементов глуттонического дискурса, которые позволяют проследить взаимодействие различных языков и культур в тексте. Культурные коды потребления пищи формируют этикет современных культурных приоритетов.

В произведениях автора мастерски описана «полнота желаний и наслаждения бытием, как каждодневная рутина и процесс чревоугодия» [14, с. 47]. Таким образом, автор показал, что из традиции «праздничного застолья» (где совместная еда не острая бытовая потребность, а символ единения читателя с автором), ритуал превращается в «праздное действие – череду сменяющихся трапез по поводу и без повода» [там же]. Так автор в ироничной форме, но достаточно интеллигентно осмеивал человеческие пороки и недостатки.

В описаниях застолья Н.В. Гоголь буквально захватывает воображение подробным и правдоподобным изложением различных яств, создавая у читателя образ их яркой картинки, тем самым добиваясь наиболее полного восприятия текста посредством осмысливания глуттонической лексики со значением «еда».

Глуттонической дискурс в художественном произведении Н.В. Гоголя становится средством создания картины «общности, душевного тепла и радости» в культуре национального гостеприимства [13, с. 112].

Каждый описываемый глуттонический элемент культуры направлен на создание благоприятной картины, которая бы вызывала аппетит не только у персонажей произведения, но и у читателей.

Следовательно, глуттонический дискурс концептуально отражает национальную идею бытия и характер народа XIX в., с присущим ему юмором и самоиронией. Так, глуттонической лексика поддерживает в ментальности общества «культуру застолья как образ жизни, основанный на принципах основательного и качественного потребления пищи» [8].

В культуре питания того времени еда воспринималась в первую очередь как гастрономическое, чем эстетическое удовольствие.

Заключение. Как показало исследование, глуттонический дискурс – это особый тип коммуникации автора с вдумчивым читателем, направленный на передачу этнонационального, культурно значимого колорита присущего времени написания произведений. На основании проведенного исследования также можно сделать вывод о том, что глуттоническая лексика в художественных произведениях Н.В. Гоголя являются важным механизмом создания оценочных смыслов характера, статуса, образованности и приверженности традициям народа, формируя образ человека и окружающего его мира. Включение глуттонимов в структуру художественного текста произведений позволяет создать особый достоверный тип образности, при котором описание героя и события, связанного с героем, коррелирует с описанием процесса застолья. К глуттонимной образности Н.В. Гоголь прибегает для того, чтобы актуализировать понятие национальных пищевых приоритетов общества того времени. Таким образом, гастрономический (глуттонический) дискурс представляет собой важный социальный феномен, который способствует представлениям о национальной культуре застолья во времена жизни и творчества Н.В. Гоголя, посредством осмысления читателем ярких красочных описаний блюд, процесса их приготовления и традиций гостеприимства. Колоритность авторского изложения глуттонической лексики в произведениях автора, говорит о многогранности его речевой культуры. В ходе работы было установлено, что Н.В. Гоголь с целью погрузить читателя в определенную эпоху и добавить особый неповторимый колорит, приводит достаточно подробно технологию приготовления блюд. Традиции и обычаи, отражающиеся в описаниях поиска, процесса приготовления, употребления пищи, национально-детерминированы.

В произведениях Н.В. Гоголя глуттоническая лексика тесно связана с бытовой лексикой. Изучение глуттонического дискурса в художественных произведениях Н.В. Гоголя открывает новые грани понимания социокультурных взаимосвязей и важность межъязыковой коммуникации в литературе. Исследования в этом направлении могут быть продолжены, изучены другие произведения писателя с целью систематизации культурных особенностей, традиций и обычаев, кулинарных образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазова А.С. Дискурс: разновидности, специфика, мнения / А.С. Алмазова // Литературный вестник, 2014. – № 4. – С. 89–92.
2. Асратян З.Д. Дискурс художественного произведения / З.Д. Асратян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45). – С. 30–34.
3. Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале художественных произведений русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / П.П. Буркова. Ставрополь, 2004. – 22 с.

4. Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.П. Головницкая. – Волгоград : Волгогр. гос. ун-т. – 2007. – 23 с.
5. Ермакова Л.Р. Гастрономические прагматонимы и национальный характер: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.Р. Ермакова. – Белгород: Белый город. – 2019. – 236 с.
6. Капкан М.В. Феномен гастрономической культуры. дисс... канд. Культурологии / М.В. Капкан. – Екатеринбург. – 2010. – 173 с.
7. Кемерова Т.А. Национальная кухня как один из видов трансляции культурных кодов / Т.А. Кемерова // Методологические проблемы исследования культурных феноменов: Сборник научных трудов. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. – 2006. – С. 82–86.
8. Кириленко С.А. Культурная унификация в сфере питания как отражение функционализации телесного опыта / С.А. Кириленко // Studia culturae. Вып. 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 111–125.
9. Марушкина Н.С. Концепт «еда» в контексте диалога культур: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Н.С. Марушкина. Иваново. – 2014. – 25 с.
10. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) / А.В. Олянич // Массовая культура на рубеже XX–XI веков: Человек и его дискурс. – Москва: Азбуковник, 2003. – 438 с.
11. Онлайн источник национального корпуса языка [Электронный ресурс]. – <https://processing.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.04.2023).
12. Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Савельева Ольга Геннадиевна. – Краснодар. – 2006. – 270 с.
13. Скребцова Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций / Т.Г. Скребцова. – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 312 с.
14. Фёдорова К.М. Глюттонический дискурс как объект лингвистического исследования / К.М. Фёдорова, Е.С. Руфова // Наука. Образование. Культура. – 2016. – № 9 (12). – С. 45–48.
15. Филиппова Е.В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте (на материале малой прозы 60–80-х годов XX века): Автореф. дис. канд. филол. наук / Е.В. Филиппова. – Ставрополь, 2004. – 24 с.
16. Яковлева Е.Л. Многоаспектность гастрономических повседневных практик: лингвокультурологический код / Е.Л. Яковлева // Лингвокультурология. – 2018. – № 1 (19). – С. 7–16.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Ревизор. И другие повести. Избранное / Н.В. Гоголь. – Харьков, 2010. – 397 с.
18. Калмыкова Д.А. Этнокультурный код бытовой лексики в «вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя / Д.А. Калмыкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2023. – № 4. – С. 156–163.

REFERENCES

1. Almazova A.S. Diskurs: raznovidnosti, spetsifika, mneniya / A.S. Almazova // Literaturnyi vestnik, 2014. – № 4. – S. 89–92.
2. Asratyan Z.D. Diskurs khudozhestvennogo proizvedeniya / Z.D. Asratyan // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 3 (45). – S. 30–34.
3. Burkova P.P. Kulinarnyi retsept kak osobyi tip teksta (na materiale khudozhestvennykh proizvedenii russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / P.P. Burkova. Stavropol', 2004. – 22 s.
4. Golovnitskaya N.P. Lingvokul'turnye kharakteristiki nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / N.P. Golovnitskaya. – Volgograd : Volgogr. gos. un-t. – 2007. – 23 s.
5. Ermakova L.R. Gastronomicheskie pragmatonimy i natsional'nyi kharakter: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / L.R. Ermakova. – Belgorod: Belyi gorod. – 2019. – 236 s.
6. Kapkan M.V. Fenomen gastronomicheskoi kul'tury. diss... kand. Kul'turologii / M.V. Kapkan. – Ekaterinburg. – 2010. – 173 s.
7. Kemerova T.A. Natsional'naya kukhnya kak odin iz vidov translyatsii kul'turnykh kodov / T.A. Kemerova // Metodologicheskie problemy issledovaniya kul'turnykh fenomenov: Sbornik nauchnykh trudov. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta. – 2006. – S. 82–86.

8. Kirilenko S.A. Kul'turnaya unifikatsiya v sfere pitaniya kak otrazhenie funktsionalizatsii telesnogo opyta / S.A. Kirilenko // Studia culturae. Vyp. 3. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002. – S. 111–125.

9. Marushkina N.S. Kontsept «eda» v kontekste dialoga kul'tur: avtoref. dis. ... kand. filol. n. / N.S. Marushkina. Ivanovo. – 2014. – 25 s.

10. Olyanich A.V. Gastronomicheskii diskurs v sisteme massovoi kommunikatsii (semantiko-semioticheskie kharakteristiki) / A.V. Olyanich // Massovaya kul'tura na rubezhe XX-XI vekov: Chelovek i ego diskurs. – Moskva: Azbukovnik, 2003. – 438 s.

11. Onlain istochnik natsional'nogo korpusa yazyka [Elektronnyi resurs]. – <https://processing.ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 01.04.2023).

12. Savel'eva O.G. Kontsept «eda» kak fragment yazykovoi kartiny mira: leksiko-semanticheskii i kognitivno-pragmaticheskii aspekty (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / Savel'eva Ol'ga Gennadiyevna. – Krasnodar. – 2006. – 270 s.

13. Skrebtsova T.G. Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika. Kurs lektsii / T.G. Skrebtsova. – Moskva: Izdatel'skii Dom YaSK, 2020. – 312 s.

14. Fedorova K.M. Glyuttonicheskii diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya / K.M. Fedorova, E.S. Ruzova // Nauka. Obrazovanie. Kul'tura. – 2016. – № 9 (12). – S. 45–48.

15. Filippova E.V. Semanticheskaya izotopiya «eda» v khudozhestvennom tekste (na materiale maloi prozy 60-80-kh godov XX veka): Avtoref. dis. kand. filol. nauk / E.V. Filippova. – Stavropol', 2004. – 24 s.

16. Yakovleva E.L. Mnogoaspektnost' gastronomicheskikh povsednevnykh praktik: lingvokul'turologicheskii kod / E.L. Yakovleva // Lingvokul'turologiya. – 2018. – № 1 (19). – S. 7–16.

Поступила в редакцию 03.04.2024 г.

TO QUESTION OF STUDYING GLUTTON DISCOURSE

D.A. Kalmykova

The article deals with general principles of parameterization of texts belonging to the glutton discourse. It should be pointed out, that as an integral component of culture, gastronomic vocabulary reflects linguistic and cultural features of the language. This study relevance is accounted for by role of glutton discourse in modern society, where speakers of different languages with different cultural archetypes have their own preferences in field of gastronomy, which are expressed in a specific gastronomic dictionary that attributes national characteristics to each of them. The analysis of the Russian gluttonymic vocabulary seems to be an attempt to comprehend this phenomenon in modern linguistic science. The growing interest in the study of gastronomic discourse, as well as the fact that this phenomenon is understudied, adds up to the present research relevance. The main characteristics of "glutton vocabulary" have been identified. These characteristics prove the relationship of the glutton vocabulary with the national culture during the life and work of N.V. Gogol. The results obtained contribute to further study of the glutton vocabulary, as well as to the study of the household vocabulary as its component, which has been understudied.

Key words: vocabulary, household vocabulary, discourse, gastronomic discourse, glutton discourse, nomination, gluttonyms, ethnolinguistics.

Калмыкова Дарья Андреевна.
Донецкий государственный университет.
Аспирант кафедры русского языка.

ORCID 0000-0003-1553-1712.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru

Kalmykova Daria Andreevna.
Donetsk State University.
Postgraduate student of Russian Language
Department.
ORCID 0000-0003-1553-1712.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.922

DOI: 10.5281/zenodo.11429735

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

© 2024 Л.В. Яновская

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0009-0007-8490-4099.

Актуальность рассматриваемой в статье темы определяется необходимостью современной психологической практике обратиться к глубокому пониманию значения критических состояний как «точек перехода» в развитии индивидуальности. В статье проанализированы принципы диалектики в контексте развития личности. При рассмотрении диалектических законов проводится параллель с известными в различных теориях примерами развития личности. Уделяется внимание кризисным периодам развития как наиболее ключевым моментам в изменении психологической организации человека. Сложность психологической работы с критическими состояниями описана как со стороны клиента – сопротивление новому, так и со стороны консультанта – страх перед разрушением. Подчеркивается значение знания принципов диалектики в работе психолога с людьми, переживающими кризисное состояние. Особое внимание уделяется принципу отрицания отрицания. Появление новых ступеней в развитии индивидуальности определяется именно этим принципом. Одновременно, все три закона диалектики рассмотрены как разные грани творческого процесса.

Ключевые слова: законы диалектики, принцип перехода количества в качество, единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания, развитие личности, кризис, духовность, творческие способности.

Для цитирования: Яновская Л.В. Законы диалектики и развитие личности / Л.В. Яновская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 121–130. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11429735>.

Введение. В психологической практике чаще всего приходится встречаться с проблемой преодоления психологических кризисов. Из большинства психологических рекомендаций и справочников следует, что этот период необходимо смягчать, переключая внимание человека на другие стороны жизни, или заменять его «иррациональные» убеждения на рациональные. Действительно, определенная логика в этом есть, поскольку перейти «жизненный рубеж» человеку придется в любом случае, и без усилий сознательной работы этот переход совершится бессознательно. Аргумент избегания кризисных состояний состоит еще и в том, что переживания болезненны, и не только для консультируемого, но и для консультанта. Таким образом, чаще делается акцент на разрушительной стороне кризиса, и не уделяется внимание его созидательной роли.

Сложность работы с созидательной стороной кризиса состоит в творческом подходе. Консультант чаще ждет от себя таких знаний, которые помогут ему «алгоритмизировать» его работу, дать нужные рекомендации и советы (как таблетки

психологической помощи), или хотя бы четко понимать «для себя», что происходит с человеком. Творческое же включение предполагает погружение в неизвестность. Кстати, одним из значимых качеств консультанта является толерантность к неопределенности. Любое преобразование, словами К.Г. Юнга, проходит три алхимические стадии – разложения (*nigredo*, нигредо), возрождения (*albedo*, альбедо) и окончательного совершенства (*rubedo*, рубедо) [8]. Стадия мрака, разрушения и сгорания, к сожалению, является не-(обходим)остью для достижения изменения. Поэтому консультанту важно знать, что если при работе с кризисным состоянием он не встречается с мрачными и разрушительными переживаниями, от которых возникает растерянность и неопределенность, вряд ли он сможет помочь человеку пережить кризис.

Разработка принципа развития в психологии связана с введением идеи детерминации будущим, в противовес однозначной позиции детерминации прошлым. То, что развитие является целесообразным, стало пониматься представителями практически всех школ, правда, в различных контекстах. Чаще всего целью развития рассматривается адаптация к внешним условиям жизни, понимаемым как социальные требования. В бихевиоризме, например, развитие приравнено к обучению, целью которого будет адаптация к новым условиям. Немного иначе рассматривается развитие и в психоанализе, где психическое руководствуется различного рода влечениями, и развитие сознания есть результат преодоления конфликтов между бессознательными стремлениями и моральными устоями. Формирование Эго есть адаптация, примирение двух сил. Собственно, и ставшая достаточно популярной вследствие своей практичности и слаженности концепция психосоциальных кризисов Э. Эриксона также ориентируется на социальную детерминацию психического развития. В то же время, есть ряд психологических направлений, в которых детерминанты развития рассматриваются как внутренняя необходимость, присущая самой человеческой природе. Среди наиболее известных – аналитическая психология К.Г. Юнга, экзистенциальное направление и субъектно-деятельностная теория С.Л. Рубинштейна. Несмотря на позиционные различия в этих двух концепциях явно и неявно утверждается, что жизнь человека включает в себе некий свой сокровенный смысл. Притом, этот смысл не изначально задан, но обретается в жизненном пути.

Основная часть. Тема данной статьи – рассмотрение принципов диалектики в приложении к жизненным кризисам. Мы рассмотрим сначала сами диалектические принципы, и затем, как они проявляются, и как обеспечивают «точки перехода».

Первый закон диалектики – закон единства и борьбы противоположностей.

Чаще всего рассматривается через наличие противоречия, проявляющего себя во внутриличностном конфликте. В наиболее простой схеме противоречие рассматривается между тремя основными образованиями личности – «хочу», «могу» и «надо». В большинстве психологических концепций, в которых речь идет о развитии, будь то психоанализ, или теория деятельности, толчком к развитию считается появление противоречия, – двух противоположностей, между которыми возникает единство как объединение этих разнонаправленных сил. Исконно, этот закон описывает триаду «теза – антитеза – синтез» [4].

Первое столкновение противоположных тенденций можно наблюдать в преддверии кризиса семилетнего возраста, когда формируется способность к соподчинению мотивов – социально-значимый мотив подчиняет эгоистический (известный эксперимент с «горькой» конфетой). Страх перед чувством стыда приводит к появлению различных психологических защит, таких как ложь, обвинение других,

или просто отрицание своего поступка. Тем не менее, переживание стыда не исчезает, и единственным вариантом становится подчинение своих действий социальным нормам. На основе этого соподчинения формируется способность к произвольной деятельности. Произвольная деятельность – учение, непроизвольная – игра присутствуют в жизни не только младшего школьника, но и взрослой личности, дополняя и обогащая друг друга. Непроизвольное, или бессознательное, в жизненном пути в череде возрастных этапов приобретает разное значение. Бессознательное уже по своему звучанию представляет то, что лежит за границей сознания. А сознание с возрастом становится не только сложнее, глубже, требовательнее, но и конфликтнее. Таким образом, принцип единства и борьбы противоположностей является постоянным двигателем развития индивидуальности.

Как единство и борьба противоположностей присутствует в психологии развития можно проиллюстрировать и на примере описания А.В. Петровским развития личности через включения в малые группы. На первом этапе происходит адаптация человека к нормам, правилам, «языку» группы («теза»). Второй этап называется «индивидуализация», здесь возникает конфликт между личностью и группой, – присущие самой личности интересы требуют своей реализации в заданных и уже принятых условиях. На втором этапе личностью осознается значительная разница между своими интересами и формами, присущими группе («антитеза»). Третий этап – интеграция. На третьем этапе личность обретает форму (роль в группе), соответствующую своему самоосуществлению («синтез») [10].

В более сложных глубинно-личностных концепциях развития можно проследить, что «теза» порождает «антитезу». Так, в теории К.Г. Юнга первым личностным образованием является «Персона», – человек в той социальной роли и с теми социальными качествами, которые приветствуются в данной социальной группе. Соответственно, неприемлемые для этой роли качества образуют «Тень», антитезу. Тень проявляется случайно, внезапно, и иногда незаметно для самого человека. Но распознавание своей теневой стороны, а главное, принятие наличия теневых качеств, является условием для дальнейшего развития. Тень и Персона объединяются в единое Я, Эго. Эго – это уже синтез, целостное осознание себя [8]. Неверным будет утверждение, что бессознательное враждебно сознанию. Вместе они представляют воплощение диалектического принципа единства и борьбы противоположностей. Бессознательное помогает процессу развития сознания, спрятанное знание изначальной целостности души в сложных ситуациях приходит на помощь как «внезапно открывающееся решение» как «спонтанный творческий акт».

Второй закон диалектики – Переход количественных изменений в качественные. Обычно рассматривается в психологии обучения и научения. Как количество повторений переходит в навык или умение. На самом деле, навык не представляет собой нового качества.

Попытаемся в качестве примера описать переход от непроизвольных процессов к произвольным. Внимание как основной регулятор психических процессов имеет непроизвольные и произвольные характеристики. Такие как устойчивость и концентрация являются произвольными, а объем и переключаемость зависят от особенностей нервной системы. По мере развития ребенок накапливает все большее количество попадающих в сферу внимания образов объектов, которые он уже может называть и различать. И если ранее они могли быть связаны простыми ситуативными связями, то при большом количестве этих связей не хватает, и образы объектов переполняют сознание. Новые принципы отношений между этими образами

формируют сначала символическую, а затем логическую систему. Это происходит подобно тому, как кристаллизуется перенасыщенный раствор соли. Сам момент перехода к новому качеству подобен эволюционному скачку, когда старый порядок потерян, а новый мучительно ищется.

Известная политическая технология «управляемого хаоса» как раз может иллюстрировать этот переход, правда, с негативной стороны: информационными «вбросами» создается избыточная и противоречивая оценка фактов, «неоднозначность» исторического процесса, культурных установок, и, когда возникает повышение уровня будоражащей тревожности у людей, «информаторы» подают некую идею, которая становится новым качеством, устанавливая логический порядок в возникшем многообразии знания.

Переход количества в качество по своей сути является творческим процессом. Д.Б. Богоявленская, создавая метод исследования творческих способностей, остановилась на эксперименте, предлагающем испытуемому ряд однотипных задач, в процессе решения которых он мог открыть внутреннюю закономерность [2]. В этом случае, количество выполненных задач помогает найти новое качество.

Разница этих двух примеров состоит в наличии определенного усилия, которое направлено на сохранение активности личности. В состоянии кризиса личность может поддаться и внешнему влиянию, но может и выработать собственную позицию и собственные новые качества [1].

Известно, что кризисные состояния человека используют представители различных сект для привлечения неопитов. В этом случае субъектная активность самого человека сведена до минимума.

Психологическая работа с кризисами ориентирована на пробуждение личностной активности. Помощь психолога человеку в кризисном состоянии состоит в сопровождении, терпеливой поддержке, и толерантности к неопределенности. Важно помнить, что органичным личности является только то новое качество, только та идея, которая рождается в сознании переживающего кризис. Через определенное количество проговариваний травмирующих ситуаций, происходит осмысление взаимодействия человека с внешним миром и появляется возможность движения дальше.

Переход количества в качество, как правило, рассматривается в контексте создающей новые формы действия закономерности развития. Однако, если проследить сам этот переход, мы обнаружим, что он, скорее, несет не созидательную, но разрушающую роль. Наполнение количеством в конечном итоге ведет к разрушению «формы» – привычного образа действия, образа мыслей, установок и чувств. Жизненный опыт выходит за свои привычные пределы. За этими пределами обнаруживает иные формы. Ситуация выбора – жизненного выбора – вот направление действия принципа перехода количества в качество. Жизненный опыт человека начинает становиться хаотичным бессмысленным грузом. И прежде всего, возникает дилемма – стоит ли его нести дальше, или следует с ним расстаться, и вторым вопросом – в какую сторону направить ценное для личности содержание. Иначе, форма деятельности или жизнедеятельности перестала быть возвращающей, и нужна новая форма для развития. В любом случае, переход количества в качество способствует развитию рефлексии – обращенности к внутреннему миру субъекта. В среднем школьном возрасте ребенок выбирает ту деятельность, которая в большей степени представляет его интересы, т.е. формируется направленность. В подростковом возрасте отмечает те качества характера, которые ему наиболее ценны, и на основе этого выбора

формируется самосознание. В юношеском возрасте осознает морально-нравственные ценности, благодаря которым формирует перспективу жизненного пути.

Переход количества в качество можно рассматривать, таким образом, как процесс сепарации. Это касается, прежде всего, детско-родительских отношений, но, значение сепарации так же относится к душевной организации человека, и, в определенном смысле, сопоставим с пирамидой потребностей А. Маслоу. Так, изначально телесное единство младенца с матерью по мере овладения физическим телом, разрушается, и ребенок сепарируется. Но остается сильная эмоциональная связь. По мере развития самостоятельного мышления ребенок сепарируется в эмоциональном плане, и так далее. Во внутреннем мире личности, также происходит высвобождение от власти физических потребностей (способность управлять ими), эмоций (способность отстраняться от них), от привычных установок в мышлении, и пр..

Самым трудным для понимания является *третий закон диалектики – закон отрицания отрицания*. Содержание закона трактуется так: в процессе развития каждая новая ступень отрицает старую и в то же время воспроизводит на более высоком уровне черты исходной ступени развития. Пример Гегеля: почка исчезает, когда распускается цветок, т.е. цветок отрицает почку, в момент появления плода отрицается цветок. Эти формы развития вытесняют друг друга как несовместимые. В то же время они необходимы для существования друг друга, представляют собой элементы органического единства, их равная необходимость и составляет жизнь целого [4].

Как это может быть применимо к описанию психического развития?

Природные свойства меняются под воздействием внешних, для человека – прежде всего, социальных факторов. Когда ребенок маленький, взаимодействие его с внешним миром определяется основными характеристиками нервной системы, а именно: эмоциональностью и активностью. По мере развития, и формирования опыта отношений и проявлений себя во внешнем мире, складывается характер. В этом смысле, характер есть регуляция темпераментных свойств. И, если первичной природной интеграцией мы можем считать темперамент (эмоциональность и активность), вторичная интеграция – это характер. Характер выступает определенной целостностью субъекта. Когда характер становится целостностью, темпераментные характеристики перестают быть целостными, хоть мы и не можем сказать, что они разрушаются. Сами по себе в своей отдельности, они присутствуют в психике человека.

Следующей ступенью интеграции является самосознание. Без характера как целостной характеристики самосознание не может сформироваться. Самосознание вырастает на отличии себя от других, и отличие это идет именно от характерных, устойчивых форм проявлений. Сформировавшееся в подростковом возрасте самосознание начинает менять характер субъекта, и уже таким образом, что характер перестает быть целостностью. Целостным выступает самосознание. Самосознание как система формируется благодаря способности человека к рефлексии, - одной из фундаментальных способностей человеческого сознания. Одновременно, в процессе развития самосознания, развивается и способность к рефлексии [7]. Происходит следующее отрицание – развитая рефлексивность помогает субъекту менять компоненты самосознания, направляя человека на новые формы активности, новые способы отношений.

Что представляет собой целостность психики, сознания на основе рефлексии? Это смысловая сфера личности. В анализе смысловой структуры сознания Д.А. Леонтьев выделяет три области. Первая – непосредственные отношения личности, вторая – личностные смыслы (значимость объектов отношений), и третья область – смысловая

регуляция, основной смысл жизни личности. Понятно, что эта сфера является динамичной, изменяющейся. И эта динамичность задается не только областью непосредственных отношений, но сам смысл жизни раскрывается субъекту по-разному в различных жизненных обстоятельствах [3, 5].

Как можно представить рефлексивность и смысловую сферу? Рефлекс – отражение. Зеркало – самый подходящий образ для отражения. Смысловая сфера – зеркало. Но не мы отражаемся в зеркале, а мы как зеркало отражаем других людей, явления жизни. «Кривизна» зеркала зависит от наших внутренних конфликтов, дисгармоничности, обид, претензий и так далее.

В психологии различают понятия человека как субъекта и как объекта. Субъект сопряжен с действием, способом действованиия, мотивом деятельности и целью. Объект обладает характеристиками, которые можно изучать. При этом, изучаемые характеристики описывают направленность активности, деятельности человека как субъекта. «Кривизна» зеркала и есть эти подчас неповторимые, индивидуальные характеристики [6]. Не складывается ли так, что закон отрицания отрицания приводит психическое развитие личности к растворению личности?

В каком-то смысле, можно говорить, что да. Внешне, в системе межличностных и социальных отношений, зрелая мудрая личность проявляет мягкость, гибкость и податливость. Одновременно внутренне обнаруживает значительно большую стабильность и твердость. По отношению к окружающим людям личность становится самым зеркалом, позволяя другим отражаться, одновременно не теряя своей металлической глубинной основы, относящейся, по сути, к уже другому, духовному измерению [10].

Смысловые связи, так цепко державшиеся друг за дружку, легко перестраиваются, изменяя свой временной и причинно-следственный характер, в зависимости от духа отражаемого явления. Так зеркало теряет кривизну. Сопrotивление личности этому процессу сильное. И стойкость личности чаще вызывает у нас уважение. Поскольку в целом все люди подчинены социальным программам, и отход от системы социально значимой деятельности воспринимается как уже смерть. Зачем же нужен этот процесс, это отрицание? Без выхода за пределы системы невозможно понять цель и смысл этой системы. Смысл своей жизни человек может понять, лишь отстранившись от смысловой сферы, одновременно сохраняя способность к осознанности.

Сила, преодолевающая внутренние конфликты – это недостижимый идеал целостности личности. Она сопряжена с тягостным переживанием человеком своей отграниченности от других, неповторимости своей судьбы. При переживании смысловознательного кризиса человека охватывает мучительное чувство одиночества, обособленности. Но осознание самого себя является также великим счастьем для человека. Поняв свое призвание, он обретает смысл своей жизни, преодолевает сосредоточенность на прошлом и начинает жить будущим.

Развитие личности представляет собой выявление все более высоких уровней жизни, и в этом процессе выкристаллизовываются духовные начала. Духовное бытие человека можем определить как «сила, энергия порыва в самоопределении к лучшему и высшему. Дух есть любовь к качеству и воля к совершенству во всех областях жизни. И потому само духовное бытие определимо и описуемо лишь в его значении для нас и в действии на нас» [6, с. 383]. Духовность определяет смысл жизни человека, благодаря духовному измерению человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и

безобразное и т.д. В.И. Слободчиков отмечает, что «духовное бытие, начинается и существует там, где начинается освобождение человека от всякой поглощенности, от оккупации чужой, и главное – своей собственной самостью. Свобода поэтому и есть модальное (фактически – инструментальное), а не предметно-содержательное определение духовного бытия» [6, с. 337].

Свобода как независимость от внешних обстоятельств – это качество, которое подчеркивается практически всеми исследователями творчества. Творчество, прежде всего, и представляет собой появление духовности в человеке. Основная особенность творчества – спонтанность. По словам Гете «Дух бродит, где хочет». Хотя, это не означает отсутствие всякой детерминированности и отсутствие причин и мотивов, особенно в том моменте, когда творец чувствует оковы «формы», материала для создания объекта. Творческий процесс означает свободу от данной ситуации, от собственных притязаний и потребностей и – свободу для осуществления намеченной цели, проявления осмысленной ценности, во имя истины, добра и красоты.

В современной методологии психологии детерминация психических явлений рассматривается через систему детерминирующих факторов. В психологию вводится такое понятие как “самодетерминация”, обозначающая способность человека определять себя самого. Человек находится перед выбором – с каким уровнем явлений он взаимодействует, к какому уровню относится его ответственность за свое поведение. Он может ощущать свободу этого выбора, но если его поведение начинает подчиняться духовным ценностям, отношение к свободе изменяется, поведение диктуется необходимостью поступать именно определенным образом. «Но если он пришел к этому, он добровольно подчиняет свой путь новому, высшему регуляторному императиву, добровольно несет свой крест» [6, с. 318]. Таким образом, высшая степень свободы – это способность подчинить свою деятельность (формирование стратегий и способов решений в проблемных ситуациях, и образ мыслей) тому, что принято как свой долг. Высшая степень свободы заключается в способности брать на себя ответственность [11].

Детерминация психической регуляции духовными ценностями, проявляющая себя как целевая или системная детерминация, приводит к творческому развитию человека, развитию его индивидуальности. Понятие индивидуального духа используется В.И. Слободчиковым для характеристики развития индивидуальности человека, его универсальности (включенности в общую духовную культуру). Он пишет, что индивидуальный дух человека проявляется в различных формах, относящихся к различным уровням человеческой психологии. «Можно говорить о таких обликах субъективного духа, как личностное (целостное), индивидуальное (единично-уникальное) и универсальное (родовое) бытие человека» [6, с. 338]. Он считает, что эти облики являются и ступенями развития индивидуального духа, становления духовного мира человека. Душевные способности являются предпосылкой и основой для развития духовности, но и сама духовность является дальнейшим условием их развития. «Иными словами, становление человека субъектом собственной жизнедеятельности (освоение норм и способов человеческой деятельности, правил и максим общежития, основных смыслов и ценностей совместной жизни людей) есть предпосылка и предыстория становления индивидуального духа человека. Это та основа, площадь опоры, на которой начинает осуществляться конвергенция (сворачивание в точку) всей предшествующей психологической организации человека» [6, с. 338].

Итак, мы рассмотрели действие законов диалектики в развитии личности. Мы обратили внимание, что развитие личности и индивидуальности представляет не

поступательный процесс, но ступенчатый, через кризисы. В психологии рассматриваются возрастные кризисы и жизненные. Возрастные означают «нормативные», они свойственны развитию каждого человека. Жизненные кризисы индивидуальны, и в большей степени определяются обстоятельствами. Однако, как известно, жизненная ситуация интерпретируется субъективно, и то, что для одного человека становится критическим и разрушающим, для другого проходит незаметно. Жизненные ситуации резонируют с внутренней картиной жизни личности, со смысловыми структурами. Известны, так называемые, «сбывающиеся пророчества». Если человек ждет неудачу, он ее разглядит в обстоятельствах. О том, что развивающееся сознание само ставит себе проблемы, писал еще К.Г. Юнг [9]. Таким образом, сознание проецирует на событие картину разрушения, либо же, картину будущих возможностей, но второе – реже. Внутренняя логика развития, описываемая в нормативных кризисах как возникновение новых психологических образований и структур, своим содержанием имеет жизненный кризис, – определенные обстоятельства, которые делаю невозможной жизнь прежним образом. Переживание (как преодоление) кризиса приводит к открытию-появлению новых детерминаций жизненного пути, новых смысложизненных отношений. Однако, мы знаем, что некоторых людей жизненные обстоятельства «ломают», если не навсегда, то на длительное время. Есть ли определенная связь между диалектическим принципом и формой не-преодоления кризиса (искажения развития)?

Принцип единства и борьбы противоположности в конструктивном варианте приводит к усилению субъектности, новому уровню управления жизненными процессами. Соответственно, в деструктивном варианте – к утрате субъектности. Так как он набольшим образом присутствует в возрастном кризисе семи лет, то в самом простом виде он проявляется в формировании «послушности». Мотивация «быть хорошим для значимых других» доминирует в психологической организации становящейся личности, и блокирует формирование внутреннего мира человека. Если мы говорим о взрослом человеке, то прекрасным примером деструктивного варианта является главный герой фильма «Осенний марафон», который старается не причинять боль окружающим людям, но тем самым отношением ее и причиняет. Самым дезорганизующим вариантом деструктивного действия закона единства и борьбы противоположностей будет являться расстройство личности, – множественная личность.

Закон перехода количества в качество в деструктивном проявлении представляет бесконечное повторение одного и того же жизненного сценария, неспособность принять, интегрировать жизненный опыт. То есть, индивид не рефлексировать свою позицию. Прежде всего, это приводит к эгоцентризму. Соответственно, нарушается способность понимать других людей и выстраивать глубокие отношения с ними. С другой стороны, низкий уровень рефлексии коррелирует с неадекватным представлением о себе, – самосознание не представляет единую структуру, есть большой разрыв между Я-реальным и Я-идеальным. Такая деструктивность отражается в асоциальном поведении. Это могут быть и вспышки агрессии, и формирование зависимого поведения. Неслучайно начало психологической работы с людьми, страдающими от зависимостей, состоит в признании этой зависимости (для уменьшения разрыва между Я-реальным и Я-идеальным), и сама форма этой работы более эффективна как групповая, так как развиваются сопереживание, способность видеть себя со стороны, и понимать другого.

Деструктивным вариантом действия отрицания отрицания может быть «бегство от себя». Когда вместо сложного пути вперед человек выбирает более простой путь назад. Прежде всего, это отказ от ответственности, одновременно, это отказ от свободы. В основе этого отказа находится «неверие», в самой крайней точке – цинизм. Критическая жизненная ситуация перечеркивает нравственные ценности, опустошая содержание внутреннего мира. Так, например, главная героиня «Служебного романа» отказалась от всех личных отношений, столкнувшись с предательством.

В заключение хотелось бы отметить, что все три закона диалектики в применении к развитию личности подразумевают различные аспекты способности к творчеству. Принцип единства и борьбы противоположностей реализуется благодаря созданию нового синтеза. Это способность усмотрения для них глубинной связующей основы. Принцип перехода количества в качество – рождение принципиально нового порядка. Принцип отрицания отрицания – сохранение ясного ума и осознанности без опоры на ведущую деятельность и структуру личности, – чистое творчество, постоянный творческий процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л.И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования / Л.И. Анцыферова // Психол. журн. – 1992. – № 5. – С. 12–15.
2. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей / Д.Б. Богоявленская. – М.: Академия, 2002. – 320 с.
3. Золотухина-Аболина Е.В. О чувстве смысла / Е.В. Золотухина-Аболина // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2002. – № 1. – С. 34–62.
4. Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. – М.: Наука, 1988. – 243 с.
5. Леонтьев Д.А. Три грани смысла / Д.А. Леонтьев // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. – М.: Смысл, 1999. – С. 299–331.
6. Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
7. Слободчиков В.И. Интегральная периодизация общего психического развития / В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман // Вопр. психол. – 1996. – № 5. – С. 38–50.
8. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Карл Густав Юнг; [перевод А. Чечиной]. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 496 с.
9. Юнг К.Г. Жизненный рубеж / Карл Густав Юнг // Проблемы души нашего времени. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 185–203.
10. Яновская (Стародубцева) Л.В. Проблемы социальной адаптации личности / Л.В. Яновская (Стародубцева) // Психология на перетині тисячоліть: Збірник наукових праць учасників П'ятих Костюковських читань. – К.: Гнозис, 1998. – Т. III. – С. 246–250.
11. Яновская Л.В. Способность к трансценденции в аспекте жизнетворчества / Л.В. Яновская // [Вестник Донецкого Национального Университета. Серия Д: Филология и психология](#). – № 1, 2019. – С. 96–104.

REFERENCES

1. Antsyferova L.I. Personality in dynamics: some research results / L.I. Antsyferova // Psychologist Magazine. – 1992. – No. 5. – pp. 12–15. (In Russian).
2. Bogoyavlenskaya D.B. Psychology of creative abilities / D.B. Epiphany. – M.: Academy, 2002. – 320 p.
3. Zolotukhina-Abolina E.V. About the sense of meaning / E.V. Zolotukhina-Abolina // Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy. – 2002. – No. 1. – P. 34–62. (In Russian).
4. Leontyev D.A. Three facets of meaning / D.A. Leontyev // Traditions and prospects of the activity approach in psychology. M.: Smysl, 1999. – P. 299–331. (In Russian).
5. The principle of development in psychology / Ed. L.I. Antsyferova. – M.: Nauka, 1978. – 388 p. (In Russian).
6. Slobodchikov V.I. Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology: Introduction to the psychology of subjectivity / V.I. Slobodchikov, E.I. Isaev. – M.: Shkola-Press, 1995. – 384 p. (In Russian).

7. Slobodchikov V.I. Integral periodization of general mental development / V.I. Slobodchikov, G.A. Tsukerman // Issue. psychol. – 1996. – No. 5. – P. 38–50. (In Russian).
8. Jung K.G. Archetypes and the collective unconscious / Carl Gustav Jung; [translation by A. Chechina]. – Moscow: AST Publishing House, 2019. – 496 p. (In Russian).
9. Jung K.G. Life milestone / Carl Gustav Jung // Problems of the soul of our time. – M.: Publishing group “Progress”, “Univers”, 1994. – P. 185–203. (In Russian).
10. Yanovskaya (Starodubtseva) L.V. Problems of social adaptation of the individual // Psychology on the threshold of a thousand: Collection of scientific works of the P'yatyh Kostyukovsky readings. – K.: Gnosis, 1998. – Т. III – P. 246–250. (In Russian).
11. Yanovskaya L.V. The ability for transcendence in the aspect of life creativity // Bulletin of the Donetsk National University. Series D: Philology and psychology. – No. 1, 2019. – pp. 96–104. (In Russian).

Поступила в редакцию 18.05.2024 г.

LAWS OF DIALECTICS AND PERSONAL DEVELOPMENT

L.V. Yanovskaya

The relevance of the topic discussed in the article is determined by the need in modern psychological practice to turn to a deep understanding of the meaning of critical states as “transition points” in the development of individuality. The principles of dialectics in the context of personality development are analyzed. When considering dialectical laws, a parallel is drawn with examples of personality development known in various theories. Attention is paid to crisis periods of development as the key moments in changing the psychological organization of a person. The complexity of psychological work with critical conditions is described both on the part of the client (i.e. resistance to the new), and on the part of the consultant (i.e. fear of destruction). The importance of knowledge of the dialectics principles in the work of a psychologist with people experiencing a crisis is emphasized. A special attention is paid to the principle of negation of negation. The emergence of new stages in the development of individuality is determined precisely by this principle. At the same time, all three laws of dialectics are considered as different facets of the creative process.

Key words: laws of dialectics, principle of transition of quantity into quality, unity and struggle of opposites, law of negation of negation, personality development, crisis, spirituality, creativity.

Яновская Лариса Владимировна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет.
Доцент кафедры психологии.

ORCID 0009-0007-8490-4099.

E-mail: yanovlar1@mail.ru

Yanovskaya Larisa Vladimirovna.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Donetsk State University.

Associate Professor at Department of Psychology.

ORCID 0009-0007-8490-4099.

E-mail: yanovlar1@mail.ru

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.5281/zenodo.11442249

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ КАФЕДРЫ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ПСИХОЛОГИЯ» И «ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ»

© 2024 *Е.А. Дианова*

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

ORCID: 0009-0003-8520-4060.

В статье рассмотрены личностные факторы, влияющие на профессиональный выбор выпускников Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, получивших высшее образование на кафедре общей и социальной психологии. В рамках исследования сопоставлялись личностные черты выпускников, обучавшихся по направлению подготовки «Психология» и «Организация работы с молодежью». Профессиональное самоопределение личности – это сложный процесс, обусловленный рядом факторов, среди которых: социальные условия личности, особенности семейной и образовательной среды, личностные особенности индивида. Считаем, что важной составляющей профессионального выбора является осмысление молодым человеком своих личностных черт, целей, уровня ответственности. Осознание данных параметров способно помочь человеку осуществить корректный профессиональный выбор и в дальнейшем реализовать свои способности в профессиональной деятельности. Кроме того, личностные черты специалистов помогающих профессий, должны коррелировать со спецификой профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, личностные черты, профессиональный выбор, профессиональная стратегия, трудоустройство.

Для цитирования: Дианова Е.А. Личностные особенности выпускников кафедры общей и социальной психологии направления подготовки «Психология» и «Организация работы с молодежью» / Е.А. Дианова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 131-140. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11442249>.

Одной из важных научно-практических проблем психологического знания является проблема профессионального самоопределения личности. Ведь именно профессиональная сфера сопровождает человека на протяжении всей его жизни, влияя не только непосредственно сферу трудовых взаимоотношений, но и все области его жизни [1].

По мнению некоторых исследователей, важность изучения этого вопроса обусловлена тем, в современной действительности, в условиях социально-экономической, политической нестабильности, личность находится в бесконечном процессе профессионального осмысления и осознания своей роли в контексте трудовых взаимоотношений [4]. Процесс профессионального становления – процесс длительный, претерпевающий метаморфозы в течение всей жизни человека, и даже осознанный и мотивированный выбор профессиональной сферы деятельности не является гарантом успешности профессионального самоопределения [16]. Причиной тому служит тот факт, что о сформированности (или завершенности) процесса самоопределения может свидетельствовать лишь комплекс факторов – от объективных (когда индивид, в процессе осуществления профессиональной деятельности подтверждает степень своей

экспертности), до субъективных (устойчивое ощущение личностью себя как профессионала, соотнесения себя к профессиональной группе) [6].

В контексте изучения трудовых взаимоотношений особая роль отводится профессиональному самоопределению категории молодых специалистов – выпускников высших и средне-специальных учебных заведений [3, 14]. Особое внимание обусловлено тем, что именно эта группа трудового населения является одним из ключевых ресурсов общественного развития, в том числе и экономического. Продиктовано это тем, что именно молодые специалисты в лице выпускников учебных заведений отличаются высоким уровнем инициативности, стремлением к инновациям и карьерными амбициями [8].

Эти намерения, чаще всего, подкреплены не только свежими теоретическими знаниями, но и творческим подходом к работе, инновационным решениям возникающих в трудовом процессе задач и вопросов.

В связи с этим, предполагаем, что молодые специалисты являются стратегическим ресурсом страны, а её наиболее перспективной частью выступают потенциальные работники, имеющие профессиональное образование, готовые становиться специалистами в выбранной отрасли [10].

К проблеме организации профессионального самоопределения человека обращались многие теоретики и практики образования. Однако анализ научной литературы (философской, социологической, психолого-педагогической) демонстрирует неоднозначность подходов исследователей к феномену профессионального самоопределения личности.

На территории России первый анализ выпускников ВУЗов как специфической общественной группы был предпринят во второй половине 30-х годов (Л. Алексеев, И.В. Кораковский, Н. Петрова, В. Полетаев и др.). Впоследствии в течение длительного времени, вплоть до конца 50-х годов, молодые специалисты не являлись объектом научного анализа. Считалось, что «серьезных проблем у советской молодежи нет». Дискуссии о достоверности и обоснованности приоритетов, касающихся выпускников в последние годы стали одной из наиболее острых и актуальных проблем [10, 13]. Данному научному направлению посвящены работы многих исследователей. Наиболее значимые научные достижения в данном направлении опубликованы в трудах Б. Айзенкопом, Н. Герасименко, С. Глазьевым, О. Дмитриевой, А. Запесоцким, Ю. Зубкой, И. Ильинским, А. Исаенко, В. Кушлиным, А. Паиным, З. Селивановой, В. Чупровым и др. Результаты научных приоритетов обсуждались в политических и деловых кругах, на профессиональных кворумах, на страницах общеполитических изданий и в профессиональных журналах (Atkinson J.W. An Introduction to Motivation. Princeton, N.J., 1964).

В настоящий момент некоторые исследователи отмечают, что значительная часть нынешних выпускников, завершив профессиональное образование, среднее или высшее, не стремятся занять вакантные места, предпочитая этому работу, не соответствующую уровню их образования. С одной стороны, этот феномен обусловлен ригидностью трудовых коллективов и неготовностью организаций к изменениям и нововведениям, что, в свою очередь, приводит к тому, что молодые специалисты не имеют возможности раскрыть свой трудовой и творческий потенциал. С другой стороны, молодые люди, окончившие учебное заведение, не всегда имеют адекватное представление о предстоящей профессиональной деятельности. Считаем, что в процессе обучения важно не только формировать профессиональные знания и навыки,

но и субъектную жизненную позицию учащихся, что в дальнейшем позволит делать осознанный выбор карьерной стратегии, согласованной с направленностью личности.

Таким образом, очевидно и бесспорно, что изучение карьерных интересов молодых специалистов на основе анализа актуальных и достоверных данных позволит принимать соответствующие решения в части обоснования соответствующих «интересов» молодых специалистов, государства и общества что определяет актуальность работы. Исследования, направленные на разработку методов комплексной оценки совмещения интересов общества, государства и выпускников ВУЗов относятся к наиболее приоритетным и актуальным научно-экономическим программам.

В статье мы рассмотрели личностные особенности выпускников ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, обучавшихся на кафедре общей и социальной психологии по направлению подготовки «Психология» и «Организация работы с молодежью» (ОРМ).

Основным методом сбора первичной информации явилась авторская анкета, которая включала в себя вопросы, позволившие изучить социально-демографические характеристики респондентов.

В психодиагностический инструментарий вошли следующие методики:

1. Стандартизированный метод анкетирования, помогающий выявить демографические и социальные характеристики. С помощью авторской анкеты, состоящей из 28 вопросов, мы смогли выявить уровень образования и направление подготовки респондентов, трудоустроены ли выпускники факультета в настоящий момент и спустя какой период времени смогли трудоустроиться, связана ли профессиональная деятельность с полученным в ВУЗе образованием.

2. Индивидуально-типологический опросник (ИТО), Собчик Л.Н. В первую очередь, с помощью ИТО легко определяются типологические особенности индивида, ведущие черты его характера. Кроме того, она способствует выявлению спектра наиболее подходящих каждому конкретному обследуемому лицу видов профессиональной деятельности и преобладающих деловых качеств. По результатам обследования легко понять, насколько уравновешенным является индивид, какие особенности его характера акцентированы, в благоприятной ли он находится ситуации или дезадаптирован (Столяренко Л.Д. Педагогическая психология: Учеб. пособие для студентов вузов / Л.Д. Столяренко. – 2. изд., перераб. и доп. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2003)

3. Методика «Смысложизненные ориентации» (СЖО) под адаптацией Д.А. Леонтьева. Методика представляет собой адаптированную версию теста «Цель в жизни» Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика. Методика позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни.

В тесте используются следующие субшкалы:

- Субшкала 1 (цели в жизни).
- Субшкала 2 (процесс жизни).
- Субшкала 3 (результат жизни).
- Субшкала 4 (локус контроля – Я).
- Субшкала 5 (локус контроля - жизнь).
- Общий показатель осмысленность жизни (ОЖ).

Общая выборочная совокупность составила 72 человека, возраст респондентов колеблется от 21 года до 33 лет.

В составе выборки были выделены группы для сравнения:

1. Выпускники направления подготовки «психология» (специалитет, бакалавриат, магистратура), работающие по полученной специальности – 22 человека.
2. Выпускники направления подготовки «психология», работающие не по специальности – 27 человек.
3. Выпускники направления подготовки «организация работы с молодежью» (бакалавриат), работающие по полученной специальности – 11 человек.
4. Выпускники направления подготовки «организация работы с молодежью», работающие не по специальности – 12 человек.

Основой для анализа выступили молодые люди, реализующие профессиональную стратегию по профилю полученной специальности и выпускники, выбравшие иной путь профессионализации.

Личностные особенности выпускников факультета психологии, реализующих стратегию профессионального развития по выбранной специальности, мы изучали на основе выделения особенностей типа личностных черт, смысложизненных ориентаций и мотивационной направленности личности у выпускников направления подготовки «Психология» и «ОРМ», работающих в рамках направления полученного образования а также, выбравших иной путь специализации. Для более глубокого анализа личностных характеристик мы также сравнили показатели выпускников, работающих и не работающих по полученной специальности, в рамках каждого направления подготовки (отдельно по направлениям «психология» и «организация работы с молодежью»).

Среднегрупповые показатели у выпускников, обучавшихся по направлению подготовки «Психология», работающих по профилю полученной специальности, указывают на то, что сильнее всего, на уровне акцентуированных черт, выражены спонтанность (6,18), ригидность (5,73), интроверсия (5,41), лабильность (5,27), экстраверсия (5,23), агрессивность (5,27). Такие проявления как сензитивность (4,86), тревожность (4,73) и аггравация (1) находятся в пределах нормы, характеризующей гармоничную личность.

У выпускников «ОРМ», работающих по профилю полученной специальности, на уровне акцентуированных черт проявляются сензитивность (6), лабильность (5,55), тревожность (5,64), ригидность (5,64), спонтанность (5,36), интроверсия (5,64). Агрессивность (4,45), экстраверсия (3,82) и аггравация (1,44) находятся в пределах нормы.

Сравнение характеристик личностных черт показывает, что у выпускников, обучавшихся по направлению подготовки «Психология», сильнее проявляются экстраверсия, спонтанность, агрессивность, ригидность. У выпускников, обучавшихся по направлению подготовки ОРМ, сильнее проявляются аггравация, интроверсия, сензитивность, тревожность, лабильность. Тем не менее, статистически значимых различий типа личностных черт не выявлено. То есть психологический портрет выпускника, реализующего стратегию профессионального развития по направлению подготовки «Психология» и «ОРМ», характеризуется сходными проявлениями в виде наличия акцентуированных черт, но ни одна из них не проявляется на уровне дезадаптирующего свойства.

По сравнению с выпускниками направления подготовки «Психология», работающих по направлению полученного образования, у работающих не по специальности сильнее проявляются экстраверсия, ригидность, интроверсия, сензитивность, тревожность, лабильность. Хотим отметить, что у этой группы

респондентов выражены тенденции, компенсированные полярными свойствами (то есть антитенденциями), являются свидетельством значительной эмоциональной напряженности и признаком наличия внутреннего конфликта.

Следует отметить, что, несмотря на отсутствие статистически значимых различий, на уровне качественного анализа показателей выявляется тенденция к проявлению на уровне акцентуации у выпускников, работающих не по специальности, сензитивности и тревожности, которые у работающих по специальности выпускников-психологов находятся в пределах нормы, свидетельствующей о гармоничном уровне этих качеств. Можно предположить, что повышенная чувствительность является одним из ограничивающих факторов, приводящих к тому, что выпускники выбирают менее напряженные виды профессиональной деятельности (см. табл. 1).

Таблица 1

Личностные черты выпускников, обучавшихся по направлению подготовки «ОРМ», работающих и не работающих в направлении полученной специальности

Характеристика	Среднегрупповой показатель	
	Работают по специальности	Работают не по специальности
Аггравация	1,72	2,5
Экстраверсия	3,82	5,08
Спонтанность	5,36	4,58
Агрессивность	4,45	3,67
Ригидность	5,64	4,08
Интроверсия	5,64	6,17
Сензитивность	6	6,17
Тревожность	5,64	6,08
Лабильность	5,55	5,92

По сравнению с выпускниками, работающими по специальности, выпускники направления «ОРМ», работающие не по специальности, проявляют большую экстраверсию, интроверсию, сензитивность, тревожность, лабильность, а также, меньшую агрессивность и ригидность. Статистически значимое различие у двух групп выпускников проявляется по уровню ригидности ($t=2,175^*$), который значительно выше у выпускников «ОРМ», работающих по специальности. Полученный результат означает, что выпускники, работающие не по специальности, проявляют больше гибкости в выборе поведенческих стратегий и реакций. Мы полагаем, что более ригидный характер выпускников, работающих по направлению обучения, может выступать одним из оснований, поскольку они менее склонны перестраиваться и больше готовы следовать выбранному направлению, а более гибкие выпускники при возникновении проблем с трудоустройством быстрее перестраиваются и находят работу, не связанную с полученной специальностью.

Анализ осмысленности жизни у выпускников, обучавшихся по направлению подготовки «Психология», показывает, что высокий уровень проявляется у 27,3%, средний – у 63,6%, низкий – у 9,1%. То есть, больше половины респондентов в этой группе характеризуются средним уровнем осмысленности жизни, но также значительная часть указывает на высокий уровень осмысленности своей жизни.

Также анализ осмысленности жизни у выпускников, обучавшихся по направлению подготовки «Организация работы с молодежью», показывает, что

высокий уровень проявляется у 9,1%, средний – у 54,5%, низкий – у 36,4%. То есть, эту группу респондентов характеризует также средний уровень осмысленности жизни примерно у половины выпускников, но в качестве негативного фактора следует отметить наличие значительной группы с низким уровнем осмысленности жизни.

Таблица 2
Смысложизненные ориентации у выпускников,
обучавшихся по направлению подготовки «Психология» и «ОРМ»

Характеристика	Среднегрупповой показатель	
	Психология	ОРМ
Цели	32,27	26,36
Процесс	28,55	24,45
Результат	26,59	22,27
ЛК Я	21,68	17,18
ЛК Жизнь	31,23	27,09
Осмысленность жизни	102,77	87,39

Сравнение уровня осмысленности и отдельных составляющих показывает (см. таб.14), что выпускники, обучавшиеся по направлению подготовки «Психология», характеризуются более высоким уровнем осмысленности жизни и всех его показателей, по сравнению с выпускниками ОРМ. Статистическая значимость этих различий подтверждается для характеристик осмысленности цели ($t=2,995^{**}$), процесса ($t=2,133^{*}$), результата ($t=2,369^{*}$) и локуса контроля Я ($t=3,479^{**}$). Можно предположить, что большая осмысленность целей, процесса, результата их достижения и личного вклада в этот процесс обусловлена большей сформированностью представлений о психологии как сфере профессиональной реализации. Выпускники «ОРМ», являющееся сравнительно новым направлением профессиональной подготовки, могут следовать за выпускниками направления подготовки «Психология», но осмысленность жизненного пути у них несколько ниже в силу объективных причин (см. табл. 3).

Таблица 3
Смысложизненные ориентации у выпускников,
обучавшихся по направлению подготовки «Психология» и «ОРМ»

Характеристика	Среднегрупповой показатель	
	Работают по специальности	Работают не по специальности
Цели	32,27	31,04
Процесс	28,55	27,88
Результат	26,59	24,08
ЛК Я	21,68	20,69
ЛК Жизнь	31,23	30,38
Осмысленность жизни	102,77	99,54

Сравнение уровня осмысленности и отдельных составляющих показывает, что выпускники направления подготовки «Психология», работающие не по специальности, характеризуются несколько меньшей осмысленностью жизни (99,54), целей (31,04), процесса (27,88), результата (24,08), локуса контроля Я (20,69), локуса контроля Жизнь

(30,38), чем выпускники, работающие по специальности. И хотя значимых различий не выявляется, то есть выпускники по специальности «психология», в целом, отличаются осмысленностью жизни, более низкие показатели отражают тенденцию того, что сформированные смысложизненные ориентации можно рассматривать как одно из оснований выбора профессиональной реализации в рамках полученной специальности. При этом, как мы полагаем, обучение по направлению подготовки «Психология» предполагает развитие осмысленности жизненных ценностей, развитие рефлексии, повышение уровня личностной зрелости, поэтому ожидать от выпускников низких показателей затруднительно в связи с характером профессиональной подготовки, а более высокий уровень еще не сформирован в силу возраста.

Сравнение уровня осмысленности и отдельных составляющих показывает, что выпускники по направлению «ОРМ», работающие не по специальности, характеризуются несколько большей осмысленностью жизни (91,51), целей (26,04), процесса (25,75), результата (22,58), локуса контроля Я (18,5), локуса контроля Жизнь (29,17), чем выпускники, работающие по специальности. В данном случае наблюдается обратная, по сравнению с выпускниками по специальности «психология», тенденция, и выбравшие работу не по специальности выпускники проявляют большую осознанность жизненных ориентаций. Если учесть, что выбор данной специальности достаточно часто не связан с интересом к содержанию деятельности, то осознанный уход в другое направление работы также можно рассматривать как следствие повышения осознанности в связи с обучением на факультете психологии.

Анализ мотивационной направленности показывает, что выпускники, обучавшиеся по специальности «психология», характеризуются средним уровнем мотивации к успеху в 9,1% случаев, умеренно высокий уровень проявляется у 27,3%, а большая часть выпускников характеризуется завышенной мотивацией к успеху – 63,6%. Сходная картина наблюдается у выпускников, обучавшихся по специальности ОРМ, которые характеризуются средним уровнем мотивации к успеху в 18,2% случаев, умеренно высокий уровень проявляется у 9,1%, а большая часть выпускников характеризуется завышенной мотивацией к успеху – 72,7%. Значимых различий среднегрупповых показателей в данном случае не выявлено, что указывает на сходный характер мотивации к успеху у выпускников (см. табл. 4).

Таблица 4
Смысложизненные ориентации у выпускников,
обучавшихся по направлению подготовки «Психология» и «ОРМ»

Подгруппа	Среднегрупповой показатель	
	Работают по специальности	Работают не по специальности
Психология	21,95	21,73
ОРМ	22,36	22,08

Сравнение уровня направленности на успех показывает, что он чуть выше у обеих групп студентов, работающих по специальности, но различия крайне незначительны. То есть, выпускники кафедры общей и социальной психологии, вне зависимости от специфики подготовки и направления профессионализации, ставят перед собой высокую планку успеха и стремятся к его достижению. Мы связываем это, прежде всего, со спецификой подготовки на кафедре, в ходе которой стремление к успеху в выбранной сфере деятельности рассматривается как один из приоритетов в профессии и жизни.

Психологический портрет выпускников, реализующихся в выбранной специальности, характеризуется, в целом, проявлением различных типов личностных характеристик в рамках акцентуированной черты, причем, может проявляться как социально активная, так и более конформная (пассивная) стратегия межличностного взаимодействия. Сходным является также выраженное стремление к успеху, что проявляется в выставлении высоких требований к профессиональной реализации. При этом выпускников, обучавшихся по специальности «психология», отличает достаточно высокий уровень осмысленности жизни, ее цели, процесса, результата и своей роли в жизненных событиях, что может проявляться в профессиональной сфере в виде осознанной постановки профессиональных целей, понимания своего вклада в их достижение, продумывания ходов и способов реализации.

В психологическом портрете выпускников, обучавшихся по направлению подготовки ОРМ, также достаточно высокий уровень осмысленности жизни, но уровень осмысленности цели, процесса, результата и своего вклада в них ниже, чем у выпускников по специальности «психология», а также, ниже, чем у выпускников «ОРМ», работающих не по специальности.

Специфика психологических особенностей выпускников разных направлений подготовки, реализующихся в выбранной профессиональной сфере, определяется, по нашему мнению, и различиями в организации трудовой деятельности, и в совокупности требований в работе, а также большей специфичностью и меньшей структурированностью в сфере организации работы с молодежью, в связи с чем, выпускникам может предоставляться больше инициативы, но и текущих проблемных вопросов они могут решать значительно больше.

Таким образом, выпускники, обучавшиеся по таким направлениям подготовки как «Психология» и «ОРМ» и реализующие стратегию профессионального развития в выбранной специальности, характеризуются проявлением различных акцентуированных личностных черт и завышенным уровнем мотивации к успеху. Также, выпускники, обучавшиеся по специальностям «психология» характеризуются более высоким уровнем осмысленности цели, процесса, результата и локуса контроля Я по сравнению с выпускниками, обучавшимися по специальности «ОРМ». В рамках направления подготовки «психология» выпускники, работающие и не работающие по специальности, характеризуются сходными личностными качествами. В рамках направления подготовки «ОРМ» выпускники, работающие по специальности, характеризуются большей ригидностью, по сравнению с выпускниками, работающими не по специальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Базаева Ф.У. Основы профессионального самоопределения молодежи / Ф.У. Базаева // Международный научно-исследовательский журнал; под ред. – Вып. 2. – Екатеринбург: Цифра, 2021.
2. Белякова Е.Г. Профессиональное самоопределение и профессиональная идентичность студентов педагогов в условиях индивидуализации образования / Е.Г. Белякова, И.Г. Захарова // Образование и наука. – 2020. – Том 22. – № 1. – С. 84.
3. Волова М.Р. Ориентирование обучающегося университета на самоорганизацию самопознавательной деятельности в контексте профессионального самоопределения / М.Р. Волова, В.В. Игнатова // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы; под ред. А.Г. Миронова. – Красноярск: КрасГАУ, 2020. – С. 109–111.
4. Диннер И.В. Процесс и этапы профессионального самоопределения в условиях трансформации социально-трудовых отношений / И.В. Диннер // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 77–88.
5. Заверетина Е.Г. Личностные черты старшеклассников как фактор профессионального выбора / Е.Г. Заверетина // Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы научно-практической конференции. Том Часть 2. Под научной редакцией И.Ю. Тархановой. – Ярославль,

2021. – С. 108–112.

6. Кочнева Л.В. Самосознание как психологический предиктор профессионального самоопределения обучающихся: к постановке психолого-педагогической проблемы / Л.В. Кочнева // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – Том 12, 2023.

7. Ланских М.В. Самоактуализация личности студентов, обучающихся на разных направлениях подготовки в системе ВПО / М.В. Ланских, Ю.Н. Гут, Д.Н. Сазонов // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 2. – С. 159–165.

8. Нестеренко Е.А. Профессиональное самоопределение старшеклассника: как помочь подростку в выборе профессии / Е.А. Нестеренко, Ю.В. Маркевич // В сборнике: Профнавигация молодежи. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 102–105.

9. Смоленкова В.А. Особенности профессионального самоопределения несовершеннолетних с устойчивым противоправным поведением / В.А. Смоленкова, Е.М. Шпагина // Вестник практической психологии образования. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 109–118.

10. Фомин О.С. Теоретические основы управления человеческим капиталом на региональном рынке труда / О.С. Фомин, О.Н. Пронская, О.В. Ильинова и др. // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 7 (120). – С. 305–308.

11. Чебровская С.В. Профессиональное самоопределение как феномен: психологическое содержание, структура, условия развития / С.В. Чебровская // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 9. – С. 224–228.

12. Чебровская С.В. Профессиональное самоопределение как феномен: психологическое содержание, структура, условия развития / С.В. Чебровская // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 9. – С. 224–228.

13. Albulescu, M. and I. Albulescu, 2015. Motivational benchmarks for teaching career choice. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 209: 9-16

14. Barbour J.B., Lammers J.C. Measuring professional identity: a review of the literature and a multilevel confirmatory factor analysis of professional identity constructs // *Journal of Professions and Organization*. 2015. Vol. 2(1). P. 38–60. DOI:10.1093/jpo/jou009

15. Den Boer P., Hovee A. A routine perspective on implementing reflective career conversations in education // *British Journal of Guidance & Counselling*. 2017. Vol. 2(45). P. 178–187.

16. Sarah V. Bentley, Kim Peters, S. Alexander Haslam, Katharine H. Greenaway Construction at Work: Multiple Identities Scaffold Professional Identity Development in Academia // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00628.

REFERENCES

1. Bazaeva F.U. Fundamentals of professional self-determination of youth / F.U. Bazaeva // *International Scientific Research Journal*; ed.. – Issue 2. – Yekaterinburg: Digit, 2021. (In Russian).

2. Belyakova E.G. Professional self-determination and professional identity of students of teachers in the conditions of individualization of education / E.G. Belyakova, I.G. Zakharova // *Education and science*. - 2020. – Volume 22. – No. 1. – S. 84. (In Russian).

3. Volova M.R. Orientation of a university student to self-organization of self-educational activity in the context of professional self-determination / M.R. Volova, V.V. Ignatova // *Professional self-determination of youth in an innovative region: problems and prospects*; edited by A.G. Mironov. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2020. – pp. 109-111. (In Russian).

4. Dinner I.V. The process and stages of professional self-determination in the conditions of transformation of social and labor relations / I.V. Dinner // *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*. – 2020. – vol. 18. – No. 1. – pp. 77-88. (In Russian).

5. Zaveretina E.G. Personality traits of high school students as a factor of professional choice / E.G. Zaveretina // *Pedagogy and psychology of modern education: theory and practice. Materials of the scientific and practical conference. Volume Part 2. Under the scientific editorship of I.Y. Tarkhanova*. – Yaroslavl, 2021. – pp. 108-112. (In Russian).

6. Kochneva L.V. Self-awareness as a psychological predictor of professional self-determination of students: towards the formulation of a psychological and pedagogical problem / L.V. Kochneva // *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. – Volume 12, 2023. (In Russian).

7. Lanskih M.V. Self-actualization of the personality of students studying in different areas of training in the higher education system / M.V. Lanskih, Yu.N. Gut, D.N. Sazonov // *Pedagogical education in Russia*. – 2020. – No. 2. – pp. 159-165. (In Russian).

8. Nesterenko E.A. Professional self-determination of a high school student: how to help a teenager in choosing a profession / E.A. Nesterenko, Yu.V. Markevich // *In the collection: Professional navigation of youth*.

Collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference. - 2020. – pp. 102-105. (In Russian).

9. Smolenkova V.A. Features of professional self-determination of minors with stable illegal behavior / V.A. Smolenkova, E.M. Shpagina // Bulletin of practical psychology of education. – 2022. – Vol. 19. – No. 1. – pp. 109-118. (In Russian).

10. Fomin O.S. Theoretical foundations of human capital management in the regional labor market / O.S. Fomin, O.N. Pronskaya, O.V. Ilyinova et al. // Economics and Entrepreneurship. – 2020. – № 7 (120). – Pp. 305-308. (In Russian).

11. Chebrovskaya S.V. Professional self-determination as a phenomenon: psychological content, structure, conditions of development / S.V. Chebrovskaya // Modern high-tech technologies. – 2022. – No. 9. – pp. 224-228. (In Russian).

12. Chebrovskaya S.V. Professional self-determination as a phenomenon: psychological content, structure, conditions of development / S.V. Chebrovskaya // Modern high-tech technologies. - 2022. – No. 9. – pp. 224-228.

13. Albulescu, M. and I. Albulescu, 2015. Motivational criteria for choosing a teaching profession. *Procession - Social and Behavioral Sciences*, 209:9-16. (In English).

14. Barbour J.B., Lammers J.S. Measuring professional identity: a literature review and a multilevel confirmatory factor analysis of professional identity constructs // *Journal of Professions and Organizations*. 2015. Volume 2(1). pp. 38-60. DOI:10.1093/jpo/jou009/ (In English).

15. Den Boer P., Huv A. A routine approach to conducting reflective career conversations in the field of education // *British Journal of Guidance & Counseling*. 2017. Volume 2(45). pp. 178-187. (In English).

16. Sarah W. Bentley, Kim Peters, S. Alexander Haslam, Catherine H. Greenway Construction at work: multiple identity as the basis for the development of professional identity in academic circles // *Frontiers of Psychology*. 2019. Volume 10. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00628. (In English).

Поступила в редакцию 19.04.2024 г.

**PERSONAL CHARACTERISTICS OF GRADUATES IN FIELD OF STUDY
«PSYCHOLOGY» AND «ORGANIZATION OF WORK WITH YOUTH» AT DEPARTMENT
OF GENERAL AND SOCIAL PSYCHOLOGY**

E.A. Dianova

The article considers personal factors influencing the professional choice of graduates at Department of General and Social Psychology in Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. The personality traits of graduates who majored the field of *Psychology* and *Organization of work with youth* have been compared in the course of the study. Individual's professional self-determination is a complex process caused by a number of factors, among which are individual's social conditions, peculiarities of the family and educational environment, individual's personal characteristics. Young person's understanding of his personal traits, goals, and level of responsibility are believed to be an important component of professional choice. Awareness of these parameters can help a person make a correct professional choice, and further realize his abilities in professional activities. Besides, the personality traits of specialists of helping professions should correlate with the specifics of their professional activities.

Key words: professional self-determination, personality traits, professional choice, professional strategy, employment.

Дианова Екатерина Анатольевна.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация, г. Омск. Ассистент кафедры общей и социальной психологии.

ORCID: 0009-0003-8520-4060.

E-mail: dianovaea@yandex.ru

Dianova Ekaterina Anatolevna

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation Assistant at Department of General and Social Psychology.

ORCID: 0009-0003-8520-4060.

E-mail: dianovaea@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 81`27

DOI: 10.5281/zenodo.11442854

МЕДИЙНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГЕМ (рецензия на монографию О.А. Кузиной «Аксиология языковой репрезентации образа Украины: англоязычные средства массовой информации»)

© 2024 *Е.В. Гордиенко¹, Г.Г. Слышкин^{1, 2}*

¹*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»*

²*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»*

¹*ORCID: 0000-0002-7759-0518,*

²*ORCID: 0000-0001-8121-0250.*

В рецензируемой монографии представлен аксиологический подход к реконструкции медиаобраза Украины, который сформировался в англоязычных средствах массовой информации в 2013–2014 гг. Работа расширяет знания в области аксиологической и политической лингвистики, медиалингвистики и информационной безопасности.

Ключевые слова: политическая лингвистика, лингвистическая аксиология, медиалингвистика, идеологическое воздействие, идеологема, масс-медиа, оценка.

Для цитирования: Гордиенко Е.В. Медийные манипуляции и формирование идеологем (рецензия на монографию О.А. Кузиной «Аксиология языковой репрезентации образа Украины: англоязычные средства массовой информации») / Е.В. Гордиенко, Г.Г. Слышкин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 2. – С. 141-145. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11442854>

Потребность российского социума в целом и научного сообщества в частности в лингвистическом анализе средств ведения информационной войны носит стратегический характер и напрямую связана с проблемами национальной безопасности. В изменившейся геополитической ситуации одной из важнейших задач, стоящих перед наукой, становится создание арсенала средств для формирования у общества резистентности к деструктивному идеологическому воздействию.

Рецензируемая монография [1] посвящена комплексному анализу вербального оформления и структурирования новостного текста в англоязычных средствах массовой информации. В работе охарактеризован лингвоаксиологический процесс реконструкции образа Украины в западной прессе в период событий ноября 2013 – ноября 2014 гг.

В рамках комплексного изучения «лингвистики войны», т.е. фрагмента языковой картины мира, основанного на «лексиконе, тезаурусе и прагматиконе войны, реализованных в текстах разных типов – от текстов законов и до обсуждений в соцсетях» [2, с. 863], данная работа закрывает существенную лауну, позволяя

проследить источники и механизмы довоенного формирования военной риторики и нагнетания милитаристских настроений. Выявленные О.А. Кузиной закономерности прослеживаются и на ином – собственно украинском – языковом материале описываемого периода. Ср., например, тенденции к дерусификации, вестернизации и нацификации в топонимической политике Украины [3].

В первой главе «Аксиологическая составляющая образа страны в СМИ» обсуждаются подходы к изучению аксиологической парадигмы в лингвистике. Прежде всего, отмечая междисциплинарность аксиосферы, автор говорит о философских корнях аксиологии, при этом подчеркивает ее разработанность и в лингвистике. В частности, выделяется вклад В.И. Карасика в создание аксиологической лингвистики как отдельного направления в рамках лингвокультурологии. Демонстрируется тесная взаимосвязь лингвоаксиологии с медиалингвистикой, этнолингвистикой, политической лингвистикой. В результате обобщения взглядов различных ученых на вопросы изучения аксиологической лингвистики, автор монографии останавливается на следующем подходе к трактовке ее объекта и предмета: объектом выступают «ценностные смыслы, господствующие в обществе», предметом – «языковые средства, которыми вербализуются или конструируются ценностные смыслы, и способы, которыми адресант целенаправленно создает и закладывает ценностные смыслы в текст» [1, с. 7].

Центральным термином рецензируемой работы является «идеологема». Автор указывает на то, что в настоящее время исследователи придерживаются двух подходов к определению и изучению идеологема: лингвистический и когнитивный. В рамках лингвистического подхода данная единица описывается как языковая, в значении которой закреплен определенный идеологический компонент. При этом, сторонники когнитивного подхода утверждают, что идеологема – в первую очередь, единица ментальная, т.е. она первоначально создается в сознании представителей идеологической системы и существует там, а лишь затем овнешняется – как вербально, так и невербально. Соответственно, языковые средства могут выступать как один из способов реализации идеологема (далеко не единственный). О.А. Кузина обращает внимание на нецелесообразность рассмотрения идеологема исключительно в рамках одного из предложенных подходов. Автор придерживается мнения о взаимосвязи данных подходов, рассматривая языковую представленность идеологема как некую оболочку, которая конструирует, наполняет ее смысловое и оценочное содержание. Примечательно, что в монографии применяется обобщенная схема функционирования идеологема как лингвокогнитивной единицы: возникая «как элемент системы политико-идеологических взглядов в сознании одной группы людей ... – получает знаковое воплощение ... – транслируется в знаковой системе другой группы людей ... – закрепляется в их сознании посредством систематического повторения – выступает регулятором поведения» [1, с. 18]. В качестве сущностных характеристик идеологема автор выделяет оценочность, темпоральность, целенаправленность и мифологичность.

Наряду с представленными характеристиками в работе детально анализируются конструкты как структурно-содержательные компоненты идеологема. Идеологема несет в себе определенные политико-идеологические убеждения и может динамически меняться под воздействием экстралингвистических факторов. Здесь прослеживается выделенная автором трехуровневая система: кроме того, что структуру идеологема в разном объеме может составлять целая совокупность конструктов, имеющих разную оценку, идеологема, в свою очередь, могут становиться структурной частью более крупной единицы – макроидеологема. Макроидеологема в настоящем исследовании

определяется как комплекс взаимосвязанных идеологем. В частности, в рецензируемой монографии образ государства (Украины) позиционируется как макроидеологема.

Автор последовательно придерживается лингвокогнитивного подхода, подчеркивая, что несмотря на то, что конструкты, идеологемы и макроидеологемы представляются ментальными единицами, создаются они с помощью языковых средств разных уровней, что способствует их изучению в рамках анализа языкового оформления текста.

Отдельный раздел монографии посвящен идеологемоцентрическому построению медиатекстов. Именно тексты СМИ рассматриваются автором как платформа для создания идеологем и макроидеологем, поскольку они имеют «идеологически правильное» воздействие на аудиторию. Кроме того, они должны анализироваться только с учетом политико-идеологического контекста.

Лингвокультурологический вектор рецензируемой монографии обуславливает подход к анализу отобранных статей, в фокусе которых находятся Евромайдан, референдум в Крыму, военный конфликт на Донбассе, президентские и парламентские выборы на Украине. Автор указывает на исключительную необходимость изучения подобных медиатекстов путем рассмотрения общественно-идеологических факторов с опорой на социальные интересы и политические взгляды участников массовой коммуникации (и создающих текст, и воспринимающих его).

В главе «Образ Украины периода кризиса 2013–2014 гг.» автор затрагивает аксиологическую характеристику макроидеологемы «Украина», которая претерпела трансформацию в западной прессе в период после Оранжевой революции до событий ноября 2013 г. – ноября 2014 г. Именно репрезентация образа Украины в отобранных британских и американских медиатекстах составляет искомым макроидеологему. О.А. Кузина подчеркивает, что несмотря на различные политические взгляды используемых в качестве эмпирических источников изданий, образ Украины транслировался неизменно правильным для представителей Запада по сравнению с образом России, которая стала второй стороной возникшего информационного противоборства.

Выработанная автором трехуровневая система (конструкт – идеологема – макроидеологема) позволила применить ее в оригинальной методике на практике – были проанализированы тексты новостных статей Великобритании и США, выявлены основные идеологемы и их конструкты в рамках макроидеологемы «Украина», определены вербальные средства их репрезентации, а также их аксиологический компонент. Так, в рамках предложенной автором процедуры анализа выделяются конкретные языковые репрезентации оценки на уровне конструктов, благодаря чему выявляется аксиологическая составляющая каждой идеологемы, которые, в свою очередь, складываются в оценочный компонент макроидеологемы. Основным результатом анализа текстов стало выделение пяти идеологем в рамках обозначенной макроидеологемы «Украина»: «Евромайдан», «Виктор Янукович», «Петр Порошенко», «События в Крыму и на Донбассе» и «Парламентские выборы». При рассмотрении отдельных конструктов в рамках реконструированных идеологем О.А. Кузиной была определена их аксиологическая наполняемость. Так, в ходе анализа доказано, что конструкты обозначенных идеологем обладают как положительной, так и отрицательной оценкой. Примечательно, что конструкты идеологем «Евромайдан», «Петр Порошенко» и «Парламентские выборы», включающих компонент «направленность на евроинтеграцию, носят или исключительно положительную, или смешанную оценку. И наоборот, конструкты идеологем «Виктор Янукович» и

«События в Крыму и на Донбассе» носят сугубо отрицательный характер. Автор приходит к выводу о том, что западные средства массовой информации конструируют образ Украины как «своего» в борьбе против общего противника, как кого-то, кто заслуживает поддержки в период информационной войны между Российской Федерацией и коллективным Западом, с одной стороны, и отражают официальную риторику западных государств и позиционирование России как «чужого», с другой.

Бесспорным достоинством работы является большой объем иллюстративного материала, детально разобранные и описанные текстовые примеры, а также внушительная библиография, включающая список научных, лексикографических и публицистических источников. Безупречен анализ языковых механизмов конструирования дихотомии «свой-чужой» в дискурсе американских СМИ, коррелирующий с иными исследованиями этой тематики [4, 5].

Монография О.А. Кузиной вносит весомый вклад в моделирование текстовых механизмов ведения информационной войны и манипулирования общественным сознанием, развенчивая миф о непредвзятости и беспристрастности так называемой «цивилизованной» западной прессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузина О.А. Аксиология языковой репрезентации образа Украины: англоязычные средства массовой информации / О.А. Кузина. – Севастополь: Рибест, 2023. – 96 с. ISBN 978-5-605-05192-3.
2. Теркулов В.И. Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия / В.И. Теркулов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – Красноярск, 2023. – Т. 16. – № 6. – С. 862–870.
3. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621580 Российская Федерация. «Топонимическая база данных «Динамические изменения городской микротопонимики Киева: дерусификация, вестернизация, нацификация»: № 2024621184: заявл. 26.03.2024: опубл. 10.04.2024 / Г.Г. Слышкин, И.В. Смирнова, Е.В. Гордиенко, Н.Ю. Бессонов.
4. Бессонов Н.Ю. Каузативные конструкции с глаголами-связками как средство актуализации оппозиции «свой» / «чужой» в британском и американском медиадискурсе / Н.Ю. Бессонов, Е.В. Гордиенко, Г.Г. Слышкин // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – Тверь, 2023. – № 71. – С. 1–18.
5. Гордиенко Е.В. Средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е.В. Гордиенко. – Донецк, 2022. – 242 с.

REFERENCES

1. Kuzina, O. A. (2023) *Aksiologiya yazykovoj reprezentacii obraza Ukrainy: angloyazychnye sredstva massovoj informacii* [Axiology of Linguistic Representation of Ukraine in English Mass Media]. Sevastopol': Ribest. – ISBN 978-5-605-05192-3. (In Russian).
2. Terkulov, V. I. (2023) *Lingvistika vojny: taktiki vospriyatiya i vozdejstviya* [War Linguistics: Perception and Influence Tactics]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 16, 6, 862–870. (In Russian).
3. *Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii bazy dannyh № 2024621580 Rossijskaya Federaciya. «Toponimicheskaya baza dannyh «Dinamicheskie izmeneniya gorodskoj mikrotoponimiki Kiev: derusifikaciya, vesternizaciya, nacifikaciya»* [Certificate of state registration of the database № 2024621580 Russian Federation. «Toponymic database «Dynamic changes in urban microtoponymy of Kiev: derussification, westernization, nazification»]: № 2024621184 : yayavl. 26.03.2024 : opubl. 10.04.2024 / G. G. Slyshkin, & I. V. Smirnova, & E. V. Gordienko, & N. Yu. Bessonov. (In Russian).
4. Bessonov, N. Yu., & Gordienko, E. V., & Slyshkin, G. G. (2023) *Kauzativnye konstrukcii s glagolami-svyazkami kak sredstvo aktualizacii oppozicii «svoj» / «chuzhoj» v britanskom i amerikanskom mediadiskurse* [Causative constructions in expressing opposition 'us/them' in British and American discourse of media]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, 71, 1–18. (In Russian).
5. Gordienko E. V. (2022) *Sredstva vyrazheniya ocenki v oppozicii «svoj-chuzhoj» v angloyazychnom mediadiskurse* [The means of expressing assessment in the 'us/them' opposition in the English discourse of media] (Candidate dissertation). Donetsk. (In Russian).

Поступила в редакцию 09.05.2024 г.

MEDIA MANIPULATION AND FORMATION OF IDEOLOGEMES

(Review of the monograph by O.A. Kuzina ‘Axiology of Linguistic Representation of Ukraine in English Mass Media’)

G.G. Slyshkin, E.V. Gordienko

The reviewed monograph addresses an axiological approach to Ukraine media image reconstruction, which emerged in the English mass media in 2013-2014. The study expands the knowledge in the field of axiological and political linguistics, linguistics of media, and information security.

Key words: political linguistics, linguistic axiology, linguistics of media, ideological impact, ideologeme, mass media, evaluation.

Гордиенко Елена Витальевна.

Кандидат филологических наук.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».

ORCID: 0000-0002-7759-0518

E-mail: gordienko-ev@ranepa.ru

Слышкин Геннадий Геннадьевич.

Доктор филологических наук, профессор.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».

Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко.

Главный научный сотрудник.

ORCID: 0000-0001-8121-0250

E-mail: slyshkin@ranepa

Gordienko Elena Vitalievna.

Candidate of Philology.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Associate Professor of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Senior Researcher of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact».

ORCID: 0000-0002-7759-0518

E-mail: gordienko-ev@ranepa.ru

Slyshkin Gennady Gennadievich.

Doctor of Philology, Professor.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Director of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Head of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact».

N.A. Semashko National Research Institute of Public Health.

Chief Researcher.

ORCID: 0000-0001-8121-0250

E-mail: slyshkin@ranepa

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объём текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится

(название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т. А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T. A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приёма статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пушица и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,*

И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806.

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена

необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник даётся в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращённого слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копьё: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) даётся список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)

3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).
4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian).
8. Lysova, E. V. (2002). *Ornitoniimiiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian).
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 3–11. (In Russian).

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
 - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонГУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Научное издание

**Вестник Донецкого национального университета
Серия Д. Филология и психология**

Научный журнал

2024. – № 2

На русском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева